THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

СОЧИНЕНІЕ

НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1865.

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. Нестора Кукольника.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНАЯ, № 39.
1865.

(Изъ 1, 2 и 3 №№ „Военнаго Сборника“ на 1865 годъ.)

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зимній съѣздъ въ губернскомъ городѣ царства Польскаго (который мы, ради разныхъ причинъ, будемъ называть просто городомъ) былъ самый блистательный, какого и старожилы не запомнили. Причина очень простая: около города расположился на зимнія квартиры гусарскій полкъ, а въ городѣ — полковой штабъ. Дамы и купцы были очень довольны; многія мотовитыя семейства не поѣхали даже въ Варшаву, гдѣ проживали настоящіе и будущіе доходы. Болѣе всѣхъ были въ восторгѣ семейства чиновниковъ, для которыхъ зима, за недостаткомъ кавалеровъ, была истиннымъ мученіемъ, а взрослыя дочки сидѣли безъ жениховъ съ самой непріятной перспективой. Жена президента Жеребовца была и рада и не рада нашествію москалей. До этой зимы она была царицей зимнихъ баловъ и вечеринокъ: всѣ наличные кавалеры, т. е. помѣщики и чиновники, хотя и въ маломъ числѣ, но за то безъ исключенія, были въ ея пріятномъ плѣну. А теперь сколько наѣхало соперницъ! Но и то бы еще ничего. Пани Матильда — такъ звали жену президента—несмотря на тридцать-пять прожитыхъ лѣтъ, была на чудо хорошо: она умѣла сохранить себя такъ, что на выразительномъ лицѣ ея не успѣлъ еще осыпаться пухъ дѣвичій и поклонники не разъ сравнивали лицо ея съ румянымъ спѣлымъ

персикомъ. Бѣда приключилась дома. Изъ Варшавы, въ началѣ осени, пріѣхали ея двѣ дочери. Онѣ кончили курсъ ученія у паненъ визитокъ, какъ разъ кстати и некстати. Обѣ представляли живые портреты великолѣпной матери, съ незначительными оттѣнками, во всемъ блескѣ дѣвичьей свѣжести. Старшей, Петронилле, было безъ малаго восемнадцать, второй, Авреліи, съ небольшимъ шестнадцать лѣтъ; но на взглядъ сестры казались однолѣтками и нѣсколько старше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ: какое-то мужество было разлито въ чертахъ этихъ выразительныхъ, умныхъ головокъ; высокій ростъ придавалъ имъ особенное величіе. Даже голоса у нихъ, чистые contra-alto profundo, поражали слухъ своимъ низкимъ тембромъ, несмотря на сладостную ихъ звучность.... Опасенія кокетливой матери были справедливы. Не успѣли дочки явиться въ родительскомъ домѣ, какъ многіе изъ самыхъ усердныхъ обожателей пани Матильды оказались переметчиками. Первымъ и самымъ важнымъ измѣнникомъ былъ панъ Станиславъ Дзвигачъ, молодой и весьма богатый помѣщикъ, сосѣдъ по имѣнію. Онъ недавно пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы собрать доходы съ помѣстья и опять отправиться туда; но могущество красоты Матильды и ея необыкновенный талантъ обращенія съ мужчинами удержали пана: каждый день собирался онъ уѣхать и не могъ рѣшиться. Явились „*визитки*", какъ называли въ городѣ двухъ сестеръ, и панъ Станиславъ забылъ и Парижъ и пани Матильду: панна Петронилла не на шутку ему понравилась. Хотя мать замѣтила это съ перваго раза, однако нимало не огорчилась тѣмъ: она умѣла соображать быстро и потому тотчасъ заключила, что, во-первыхъ, для Петрониллы лучшаго жениха со свѣчкой не найти, а во-вторыхъ она сама избавится отъ одной соперницы. При дочеряхъ скучно играть роль матери. Для примѣра, толпу собственныхъ поклонниковъ надо держать въ приличномъ отдаленіи и съ притворнымъ равнодушіемъ смотрѣть на чужія побѣды.... невыносимо! Не прошло и мѣсяца, какъ Дзвигачъ сталъ задумчивъ. Петронилла видимо занимала его; но признанія не было.

Прекрасный осенній вечеръ окончился прогулкой. Воротились домой и усѣлись do herbaty (т. е. пить чай). Дзвигачъ не пилъ чаю. Петронилла намазывала масло на хлѣбъ; Аврелія разливала чай. Матильда играла роль внимательной матери: безпрестанно поправляла то ту, то другую дочку, зачѣмъ та

ножъ, а та чашку держитъ не такъ. Аврелія, наливъ чашку чаю, подала ее Дзвигачу....

— Благодарю: я не пью.

— Вы не пьете? это почему?

— Московскій напитокъ!...

Петронилла уронила ножъ и посмотрѣла значительно на сестру.

— Такъ что жь, что московскій? спросила насмѣшливо пани Матильда. Видно, вамъ непріятно, что къ намъ пожаловали такіе милые гости?... Отобьютъ практику!...

— Вы шутите? Называете милыми этихъ чудовищъ?...

— Ого! я не знала, что вы такой *запаленый* патріотъ. Это дѣлаетъ вамъ честь! Вотъ что значитъ долго жить въ Парижѣ! Я замѣтила, что самые *заядлые* патріоты польскіе всѣ живутъ не въ Польшѣ. А мы объ этомъ и не думаемъ. Намъ хорошо, покойно. Мы смотримъ на москалей какъ на меньшихъ братьевъ. Рады ихъ видѣть, принимать....

Дзвигачъ покраснѣлъ, Петронилла тоже. Аврелія ловко отвернулась, такъ что нельзя было замѣтить, какое выраженіе приняло ея лице. Неумолимая пани Матильда продолжала:

— Признаюсь, я недовольна визитками. Почему у нихъ не учатъ по-русски. Какъ знать судьбу? Подъ однимъ царемъ; одно государство; наши безпрестанно выходятъ замужъ за москалей.

— Подлая, но удачная система, тихо замѣтилъ Дзвигачъ.

Однако Матильда не слышала и продолжала:

— Знать языкъ необходимо ужь для одного хозяйства. Впрочемъ, и то сказать, научатся, далъ бы только Богъ замужъ выйти....

— И все это вы говорите не шутя?

— Я васъ не понимаю, пане Станиславе!

И вы согласитесь отдать вашихъ дочерей за москалей?

— Отчего же и нѣтъ? Не прикажете ли изъ патріотизма просидѣть имъ вѣкъ въ дѣвкахъ? Я перестала вѣрить этимъ глупостямъ; я знаю многихъ москалей, самыхъ достойныхъ, любезныхъ, образованныхъ, которые любому поляку не уступятъ. Вотъ и про нашихъ гусаровъ, что пришли, сестра пишетъ, не нахвалится. Молодежь богатая, образованная, хорошихъ фамилій.... Я рада за нашъ бѣдный городъ.... Мы считаемъ въ нашей околицѣ до полусотни молодыхъ людей съ состоя-

ніемъ; а гдѣ они? или мотаютъ въ Варшавѣ, или шатаются по бѣлому свѣту. Вотъ и вы—простите за искренность—не хотите пить московскаго чаю, но не любите кушать и польскаго борщу и *бигоса.* Вамъ не сидится на родинѣ....

— Вы правы.... Я перемѣнилъ намѣреніе. Теперь отъ васъ и отъ панны Петрониллы будетъ зависѣть, чтобы я остался въ Польшѣ....

„Поймала", подумала Матильда. — Какъ это? спросила она.

— Очень просто. Не мучьте меня распросами! Предсмертныя страданія и пытка сватовства для меня одно и то же....

— Какъ же я должна понимать ваши слова? Можно подумать, что вы сватаетесь за Петрониллу....

— Именно.

— Оригинально! право, оригинально! Но неужели вы не знаете порядка?

— Знаю! Только, ради Бога, не мучьте!

— Значитъ, вы уже сказали отцу.

— Нѣтъ; скажите вы ему. Да если только вы согласны, панъ-президентъ спорить не будетъ....

— По счастію, на этотъ счетъ я знаю его мысли и могу васъ-поздравить, если только Петронилла....

— Теперь ваша очередь помучить меня; но, я надѣюсь, вы будете великодушны....

Петронилла молча, съ довольною улыбкой, протянула Дзвигачу руку.

— Реля, сходи, попроси къ намъ Яся: пусть пожалуетъ и благословитъ счастливую чету....

„Ну, одну сбыла — подумала Матильда — теперь какъ бы другую пристроить также удачно."

II.

Дзвигачъ былъ дальновиденъ. Гусары не напрасно испугали его и заставили поспѣшить развязкой. Въ опасности потерять невѣсту онъ могъ убѣдиться на первомъ же балу, который былъ данъ, въ городской ратушѣ, городскимъ обществомъ *6-го декабря 1852 года.* Городъ былъ, какъ говорится, прилично иллюминованъ: по тротуарамъ дымились плошки; на окнахъ торчало по двѣ свѣчи; въ залѣ горѣли свѣчи въ стѣнныхъ канделябрахъ, что дѣлалось только въ важныхъ случаяхъ. Пор-

третъ императора Николая былъ убранъ цвѣтами и зеленью: губернаторъ, городскія власти и чиновники—всѣ въ мундирахъ. Несмотря однако на наружный блескъ, балъ сначала какъ-то не клеился. Гусарскіе офицеры толкнулись было ангажировать дамъ; но никто не хотѣлъ идти танцовать съ „незнакомыми“. Панъ-президентъ это замѣтилъ и представилъ женѣ и дочерямъ, или, лучше сказать, жену и дочерей полковнику Бубе. Полковникъ былъ изъ курляндскихъ нѣмцевъ, храбрый на военномъ полѣ, но не на балахъ; онъ покрутилъ усы, поводилъ по потолку глазами, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, вертя картой, отступилъ бокомъ-траверсомъ въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ почетный карточный столъ; усѣлся за Wiska. Вслѣдъ затѣмъ панъ-президентъ подвелъ къ женѣ и дочерямъ ротмистра Орлея и трехъ молодыхъ офицеровъ....

— Вотъ это, Маниля, собственно наши гости. Это панъ ротмистръ Орлей и его офицеры. *Швадронъ* его будетъ стоять у насъ на Жеребовцѣ....

— Пріятно слышать, отвѣчала Матильда.

Мгновенно окинула она взоромъ всѣхъ четырехъ и наскоро произвела расцѣнку.

Ротмистръ былъ не очень молодой, но красивый, статный мужчина; гигантскіе усы придавали ему самый „марціяльный“ видъ. Три офицера одинъ на другаго далеко не были похожи. Ступачевъ былъ немного постарше двухъ другихъ. Рубецъ на лбу не безобразилъ его; но вообще онъ былъ какъ-то неуклюжъ, неловокъ и *умизгами*, то есть куростроеніемъ, не любилъ заниматься. Мануйко, наоборотъ, былъ очень недуренъ собой, завитъ, распомаженъ, любилъ красоваться и въ Польшѣ, по милости женщинъ, больно избаловался.... Третій, самый младшій изъ нихъ лѣтами, хотя и старшій чиномъ, Ивановъ, при первомъ же взглядѣ производилъ самое пріятное впечатлѣніе благороднымъ, открытымъ, выразительнымъ лицомъ, стройнымъ ростомъ и простотою пріемовъ. Какъ только офицеры подошли къ групѣ дамъ, Петронилла и Аврелія, чтобы ихъ не видѣть, занялись разговоромъ съ Дзвигачемъ, который неотходно торчалъ за ихъ стульями.

— Приласкай ихъ, на всякій случай, Маниля, сказалъ панъ-президентъ женѣ на ухо и ушелъ.

Совершенно излишняя просьба: президентша сама позаботилась о томъ.

— Вы уже остановились на квартирахъ въ нашемъ староствѣ?

— Мы тамъ около мѣсяца, отвѣчалъ Орлей.

— Можетъ ли быть? Какъ же это мужъ не сказалъ мнѣ ни слова! Все ли у васъ тамъ есть? какъ васъ помѣстили?...

— Много ли намъ нужно! Все прекрасно. Мы всѣмъ довольны. Вашъ сельскій домъ очарователенъ; мы любуемся имъ изъ оконъ нашихъ хатъ. Мы тотчасъ угадали, что царица этого дома должна соединять въ себѣ всѣ качества совершенства, и не ошиблись....

— Шельма! прошепталъ Ступачевъ.—Такъ-таки прямо въ атаку!

— Неужели на войнѣ можно выучиться говорить такъ ловко комплименты? Не успѣли взглянуть — и рѣшили....

— Очень просто: прежде всего и благоразуміе велитъ расспросить про хозяина и хозяйку. Гласъ народа—гласъ Божій....

— Не вездѣ! Что же вамъ сказалъ этотъ голосъ народа?...

— Это наша тайна. Я не хочу, чтобы вы, при первомъ знакомствѣ, назвали меня льстецомъ.... О, я далекъ отъ этого....

— Эка бестія! прошепталъ Ступачевъ.—Вотъ, Паша, учись! прибавилъ онъ тихо на ухо Иванову.

Заиграли вальсъ. Орлей протянулъ Матильдѣ руку пригласительно, и та безъ всякаго жеманства встала до tanca.

— Господа! сказалъ Орлей — обращаясь къ офицерамъ — ангажируйте дамъ.

Ступачевъ съ Петрониллой, Мануйко съ Авреліей понеслись въ плавномъ вальсѣ за своимъ храбрымъ предводителемъ. Дзвигачъ въ бѣшенствѣ сѣлъ на стулъ Петрониллы; Ивановъ, оставшійся за штатомъ, присѣлъ на стулъ Авреліи.

— Этотъ стулъ принадлежитъ дамѣ, сказалъ Дзвигачъ сухо.

— Я и сѣлъ для того, чтобы приберечь, отвѣчалъ точно также Ивановъ.

Президентша и ея дочери подали всѣмъ пріятный примѣръ. Гусары вступили въ свои права; мѣстная молодежь исчезла въ туманѣ невниманія. Къ концу бала у каждой замужней и незамужней дамы оказался свой рыцарь изъ гусаровъ; но какъ дамъ было много, а гусаровъ мало, то многимъ изъ офицеровъ пришлось ухаживать за двумя и болѣе красавицами и невольно возбуждать между соперницами ревность. Орлей остал-

ся вѣренъ президентшѣ. Мануйко присталъ къ Петрониллѣ, такъ что Дзвигачъ не зналъ что и дѣлать. Едва-едва удалось ему протанцовать съ невѣстой два кадриля и во время танцевъ прочесть ей два раза, по праву жениха, патріотическую *перору* (*).

Ивановъ, какъ мотылекъ, былъ неуловимъ. Всѣ кадрили онъ танцовалъ съ разными дамами; однако ни одна изъ нихъ не могла похвалиться не только побѣдой, но и малѣйшимъ предпочтеніемъ. За то множество блестящихъ глазокъ такъ и бѣгали за нимъ. Панъ-президентъ былъ, какъ говорится, nie w ciemie bity, т. е. неглупъ, и, наблюдая за гусарами, не могъ не замѣтить утонченнаго и сдержаннаго поведенія Иванова.

— Нравится ли вамъ нашъ балъ? спросилъ онъ, проходя мимо Иванова.

— Не можетъ не нравиться: такъ много блеска, красоты, одушевленія....

Не успѣлъ Ивановъ закончить фразу, какъ музыка грянула мазурку nasz Chłopicki wojak.... Президентъ поблѣднѣлъ.

— Какъ это глупо! Такая музыка въ такой офиціяльный день! съ досадой проговорилъ онъ тихо; но Ивановъ услышалъ.

— Отчего же? честь храброму вездѣ и всегда. Стыдиться нечего. Эта мазурка напоминаетъ старую домашнюю ссору; тѣмъ слаще миръ....

Президентъ схватилъ Иванова за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ съ чувствомъ:

— Благородный юноша! не всѣ такъ думаютъ!... А гдѣ же ваша пара?

— Я не танцую, отвѣчалъ Ивановъ.

Но едва фигуры дошли до выбора кавалеровъ, Ивановъ безпрестанно являлся на серединѣ залы и манерой исполнять танецъ приводилъ всю публику обоего пола въ восторгъ. Онъ не танцовалъ, а точно лебедь плавалъ по паркету, въ совершенный контрастъ со Ступачевымъ. У того каблуки на другой день отвалились буквально. Не было ни одной танцующей дамы, которая бы не выбрала Иванова; даже Петронилла (патріотическая „перора“ видно не совсѣмъ подѣйствовала), и та долго искала, искала и наконецъ нашла любимца публи-

---

(*) Назидательная рѣчь.

ки. Только одна Аврелія не удостоила его этой чести; маменька тотчасъ это замѣтила, улыбнулась и подумала: „ага! вотъ кто ей понравился!“

Танцы кончились. Панъ-президентъ пригласилъ до *коляціи* (ужинань). Всѣ тѣ дамы, которыя производили на балу больше эфекта, очутились подъ-ручку съ гусарами: пани Матильда шла съ Орлеемъ, Петронилла съ Мануйко. Когда вереница гостей проходила къ ужину мимо Дзвигача, тотъ не утерпѣлъ и сказалъ, хоть и про себя, но такъ, что Петронилла могла слышать: Za mundurom panny sznurem! (*) Петронилла взглянула на него и, улыбаясь, погрозила пальчикомъ. Ивановъ прошелъ къ столу въ мужской компаніи, вмѣстѣ съ губернаторомъ, полковникомъ и президентомъ.

III.

Богатое староство Жеребовецъ лежитъ у самаго города, так что поля жеребовскія примыкаютъ къ городскому выгону. Отъ городской ратуши до барскаго двора на Жеребовцѣ ровно пять верстъ по проселочной дорогѣ. Эскадронный командиръ стоялъ на квартирѣ у сельскаго войта, прочіе офицеры—въ крестьянскихъ избахъ.... Предусмотрительный управляющій не только не допустилъ на барскій дворъ ни одного гусара, но заперъ и главныя ворота и всѣ калитки и кругомъ цитадели своей учредилъ дневные и ночные караулы. Причина тому была самая натуральная. На дворѣ жили господскія прачки, швеи и другаго рода женская прислуга, а — самое главное—у пана Култуса, т. е. у управляющаго, была дочь, подростокъ лѣтъ одиннадцати. Смѣшно было бы принимать такія предосторожности дитяти ради; но панъ Култусъ самъ былъ порядочный гусаръ, любилъ женскій полъ, и чуть проявлялась въ староствѣ хорошенькая крестьянка, панъ Култусъ, безъ церемоніи, забиралъ ее въ дворню, къ общему соблазну и ропоту мужиковъ....

Обо всемъ этомъ Ступачевъ собралъ уже самыя точныя справки и не могъ смотрѣть на Култуса безъ зависти и злобы. Луна ярко свѣтила, когда молодежь возвращалась съ бала. Ступачевъ ѣхалъ въ саняхъ Иванова и дремалъ, закутавшись

(*) За мундиромъ барышни веревочкой.

въ шубу. Но какъ только поровнялись съ цитаделью, будто его что укололо: проснулся, высунулъ носъ, посмотрѣлъ на высокую бѣлую ограду двора и проворчалъ:

— Шельма! сидитъ, обжора, въ малинѣ, лакомится.... Ну, да не уйдетъ отъ меня! Я ему набью оскомину!...

— Охота тебѣ задираться съ челядью! Мы гости: какое намъ дѣло, сказалъ Ивановъ.

— Вотъ тебѣ разъ, какое дѣло! Во-первыхъ: это шельма, тиранъ, сокъ изъ бѣдныхъ крестьянъ выжимаетъ, *бизуномъ* расправляется, сѣчетъ, грабитъ; во-вторыхъ, по его милости въ цѣломъ староствѣ и въ четырехъ фольваркахъ ни одной смазливой дѣвчонки не осталось. Какая же это у чорта Польша! Хоть въ отставку подавай! негдѣ потѣшиться—не въ городъ же таскаться! И что тамъ нашему брату дѣлать? глазѣть на кислый виноградъ да облизываться. Я тебѣ, Паша, правду скажу: я этихъ карточныхъ, чопорныхъ барынь терпѣть не могу. Стянуты, затянуты, перетянуты, будто имъ ребра изъ боковъ повытаскали; въ кринолинахъ торчатъ, точно журавли сидятъ на бочкахъ, возлѣ и присѣсть нельзя.... на ушко ничего шепнуть не моги! сажень—дистанцiя.... а захочешь пойти погулять, амуры затѣять, непремѣнно на хвостъ наступишь. Просто, изъ каждаго хвоста халатъ можно выкроить. Ну ихъ! Возись съ этими кометами мѣсяцъ, другой, *романсуй*, да проматывайся, пока добьешься до чего-нибудь существеннаго.... Дѣло дрянь! Я люблю вести любовь по походному, наскоро и безъ слѣдовъ. А съ этими трещотками еще пожалуй въ бѣду попадешь. У нихъ чуть мундиръ, такъ и женихъ. Вотъ ты молодецъ! держишь ухо востро, а нашъ розмаринъ, безтолковый Мануйко, помяни мое слово, убьетъ бобра! Не будь я Игнатiй Семенычъ Ступачевъ, если не женятъ дурачка такъ, что и не спохватится.... Ну, прощай, Паша! Спасибо, что довезъ. Дѣло идетъ къ свѣту. Скоро на ученье. Не успѣешь и соснуть.... А онъ, шельма, прохлаждается! какъ сыръ въ маслѣ плаваетъ! Погоди, погоди! Каменная стѣна не поможетъ! Я изъ тебя сыворотку выжму! Ну, прощай, Паша! покойной ночи.

Напрасно Ступачевъ, какъ добрый служака, безпокоился. Ученья не было, и Орлей и офицеры проспали до полудня. Собрались чай распивать къ Иванову: въ этотъ день была его очередь.

Павелъ Михайловичъ Ивановъ давно уже всталъ, когда при-

шелъ Орлей, съ офицерами. Онъ сидѣлъ за столомъ, писалъ письмо и такъ былъ занятъ, что и не замѣтилъ, какъ вошли товарищи.

— Къ которой? спросилъ Орлей.—Вчера много было хорошенькихъ. Было изъ чего выбрать. Только не рано ли, Паша, пускаться въ кореспонденцію? Вчера была только первая рекогносцировка. Надо прежде осмотрѣться, условиться, чтобы одинъ другому не мѣшать. На военномъ совѣтѣ съ младшаго начало. Ну, Паша, ты за кѣмъ намѣренъ пріударить?

— Нашли у кого спрашивать—замѣтилъ Ступачевъ—у него сердце точно жестянка съ сардинками. Безъ ножа и хвостика не добудешь... Пари! скажетъ: ни одной интересной!

— Что дальше? съ улыбкой спросилъ Ивановъ.

— Ну ужь, Паша, сердись, не сердись, а ты у насъ шельма. Вотъ всю Польшу исколесили... Польшу, понимаете, цвѣтникъ красоты! Между поломойками попадаются такія, что у добраго гусара усы сами собой ерошатся. Гм!... А у Паши будто талисманъ въ карманѣ. Ни одной зазнобы, ни одной сердечной царапины... И вчера, будьте благонадежны, никто не понравился... а вретъ...

— Ну, что, Паша—присталъ Орлей—что, въ самомъ дѣлѣ, никто? Point du tout?

— Молчитъ! значитъ зацѣпило.

— Пересталъ бы ты врать, Ступачевъ! А вотъ что правда, такъ правда. Мнѣ иногда и самому досадно. Гусаръ-то я гусаръ, а гусарскаго артикула не исполняю. Пью мало, точно на діетѣ; за дѣвушками волочиться рѣшительно не умѣю, а замужняя—странное дѣло—будь раскрасавица, не нравится.

— Вотъ вздоръ какой! замѣтилъ Орлей, опорожнивъ стаканъ чаю залпомъ и набивая трубку.—Паша! что, у тебя есть еще жуковъ?

— Осталось фунтовъ пять, не больше.

— Одолжи фунтикъ. Завтра отдамъ. А что касается до замужнихъ, такъ это, братъ, самое настоящее-то и есть. Никому убытка. Сойдешься, разойдешься, будто ни въ чемъ не бывало. Я вотъ откровенно скажу: пусть Мануйко сердится, а по гусарскому артикулу къ дѣвушкамъ, ради одного плезиру, приставать не годится. Вѣдь не женишься?

— А почемъ знать?

—Потому что, во-первыхъ, женитьба не походное дѣло. Я самъ

былъ по твоему молодъ. Разъ десять подмывало женой обзавестись. И отецъ писалъ: пора, Миша, женись! Жениться небольшая хитрость. Чинъ, лѣта, состояніе... Только кличъ кликни—сами подбѣгутъ на выборъ; а нельзя: такого дѣла не исправишь на рысяхъ. Надо невѣсту въ микроскопъ разсмотрѣть. Надо съ нею по домашнему по малой мѣрѣ годъ-мѣста повозиться, норовъ высмотрѣть, нѣтъ ли замашекъ, не будетъ ли промашекъ. Особенно здѣшняя нація, сами знаете, мудреная! Рога ставить—глаголъ дѣйствительный, гусарскій; рога носить—глаголъ страдательный. Спасибо: невкусно. Ну, это по амурной части. А по хозяйственной: каково приданое. Не мѣшаетъ: времена строгія, роскошь дурацкая, нація любитъ наряжаться... Не мѣшаетъ! Правда, Паша?

— Совершенная правда. Въ такомъ важномъ дѣлѣ совѣсть велитъ быть осторожнымъ.

— Слышишь, Мануйко? А ты вчера просто прилипъ къ Петрониллѣ. Слова нѣтъ, царица—не дѣвушка; а по мнѣ та, другая, еще лучше. Я все на нее искоса поглядывалъ да подумывалъ: вотъ бы нашему нѣмцу жениться. То-то вышла бы настоящая полковница! Правда, Паша?

— Вы такъ убѣдительно разсказываете.. отвѣчалъ Ивановъ, будто не въ духѣ...

— А что развѣ неправда? Нѣтъ, ты скажи, Паша, положивъ руку на сердце, такъ, по откровенности, по-гусарски: вѣдь вчера она, ей-богу, была лучше всѣхъ?

— Конечно...

— Да что конечно! Это, братецъ, не гусарская правда, а политика...

— И не политика—подхватилъ Ступачевъ — а просто напросто, что, по-нашему называется: зацѣпило....

— Э, Паша! а что? вѣдь на этотъ разъ Ступачевъ не вретъ....

— Какъ и всегда.

— Видно, и у тебя блохи завелись: ты что языкомъ хромаешь? Понравилась, такъ и гласи во всеуслышаніе. Она тебѣ всѣмъ пара: ростомъ чуть не съ тебя, такая же серьезная мина; ты, слава-богу, съ хорошимъ состояніемъ, она тоже. Одинъ другому глазъ колоть не будете. Только, видишь, Паша! глупо скрытничать. Барышня твоя больно лакомый кусочекъ—не равенъ часъ: въ полку у насъ немало жениховъ, и невѣстъ давно

ищутъ. Вѣдь такая принцесса просто кладъ. Пріударятъ, отобьютъ. А по-гусарскому артикулу: кто первый, у того никто не смѣй отбивать. Нечестно! Надо, братъ, по всему полку оповѣстить.

— Что вы, что вы...

— Нельзя, братецъ! Не твое дѣло! не мѣшайся!

— Помилуйте, да мнѣ эта мысль еще и въ голову не приходила.

— А мнѣ пришла.

— И мнѣ тоже, подхватилъ Ступачевъ.

— Когда ты вчера съ нею отплясывалъ кадриль, такъ у меня съ ума не сходило: вотъ парочка! чудо, заглядѣнье! Конечно, для меня было бы выгоднѣе, если бы на ней женился Бубе... По начальству я бы долженъ былъ за Бубихой ухаживать... Ну, да ты меня знаешь: я не интересанъ. Уступилъ барышню тебѣ, и кончено! За полковницей приволокнуться дозволяется, даже одобряется; ну, а за офицерской женой не годится. Гусарскій артикулъ мудреный. Чортъ знаетъ кто его писалъ. Раздумаешь, такъ чортъ знаетъ почему, а умно. Ну, за дѣло!

— Какъ за дѣло!... Оставьте эти шутки, я васъ прошу.

— Да ты себѣ женись, не женись, а я на всякій случай долженъ, обязанъ твою невѣсту въ нашемъ полку застраховать. Убей Богъ, разсержусь, самъ женюсь, а ужъ, кромѣ тебя, никому не отдамъ такой красы, потому что я крѣпко люблю тебя, Паша!... Что тутъ толковать! Никому не обидно... Никто спорить не станетъ. Ты у насъ первый офицеръ, а она — тоже никто спорить не станетъ — первая невѣста. Слѣдовательно, дѣло на ладони... Кончено! Пугачевъ! чаю и сани!

— Куда?

— Господа! мнѣ не учить васъ! Насъ президентъ и очаровательная президентша такъ обласкали. Учтивость требуетъ немедленно явиться съ визитомъ, отдать решпектъ. Это касается чести моего эскадрона. Тамъ ужъ дальше, какъ кому будетъ угодно. А теперь, je vous prie, надо ѣхать. Ты, Паша, со мной, что ли?

— Я васъ боюсь: я догадываюсь, что вы хотите круто повернуть такимъ опаснымъ дѣломъ. Предположимъ, допустимъ, только такъ для примѣра, что Аврелія современемъ можетъ мнѣ

понравиться, а вы, такимъ гусарскимъ вольтомъ, рискуете не устроить, а все опрокинуть.

— Не буду, Паша, ей-богу, не буду! Ты умнѣе меня состряпаешь. Одѣвайся. Дорогой перетолкуемъ. А застраховать братъ, твою Аврельку необходимо. Ты не бойся: я это дѣло обработаю на свое имя. Понялъ, Паша? Ну, такъ въ походъ! Пугачевъ! трубку!

И, закуривъ двухаршинную трубку, Орлей надѣлъ фуражку и, въ халатѣ изъ черныхъ смушекъ, отправился по деревнѣ домой. То же сдѣлали и другіе офицеры. Ивановъ присѣлъ къ столу.

— Вотъ и кстати — прошепталъ онъ — сегодня уходитъ экстра. Приписалъ еще нѣсколько словъ, запечаталъ письмо и сталъ одѣваться

IV.

На другой день послѣ бала дамы встали позже нашихъ гусаровъ. Въ столовой президента давно уже было подано нарядное *снядань*е (завтракъ). Чего не было на этомъ завтракѣ: и ветчина, и котлеты, и колбасы, знаменитыя польскія колбасы, недоступныя для подражанія, и сто сортовъ печенья, одинъ другаго лучше, изъ чистой малемонской муки. На почетномъ мѣстѣ, насупротивъ бархатныхъ креселъ, красовались чайныя чашки саксонскаго фарфора: точно пансіонерки свою директрису, онѣ обступили роскошную серебряную сахарницу, украшенную гербами Жеребовцевъ и Коронскихъ, потому что пани Матильда была z'domu Koronskich, тоже старой и почетной польской фамиліи.

Панъ-президентъ сидѣлъ у окна и беззаботно смотрѣлъ на красивую площадь и на мужичковъ, которые, разинувъ ротъ, въ сотый, тысячный разъ, съ одинаковымъ удивленіемъ глазѣли на великолѣпный домъ Жеребовцевъ. Не одинъ разъ въ самодольствіи повторялъ про себя президентъ старую польскую поговорку: Wart Pac Palaca, a Palac Paca (*)! и какъ будто только однимъ ухомъ слушалъ „зампгловатыя“ рѣчи пана Дзвигача, который держалъ свою проповѣдь, ходя по комнатѣ мѣрными, тихими шагами....

(*) Пацъ стоитъ дворца, а дворецъ стоитъ Паца.

— Что это за способъ! говорилъ Дзвигачъ. — Прилично ли такъ ухаживать за этими проклятыми москалями?

— Чудакъ ты, право, пане Станиславе! Самъ же ты говоришь, что главное управленіе народнаго дѣла въ Парижѣ постановило обманывать москалей притворною любезностію....

— Но не въ такой мѣрѣ....

— Э, пане Станиславе! Кто тамъ станетъ мѣрить! Пустяки вы затѣяли! Развѣ у насъ есть силы стать лицомъ къ лицу къ московскимъ арміямъ, гдѣ солдаты какъ грибы растутъ, гдѣ рубаки въ пеленкахъ уже дерутся, гдѣ мощная рука подымаетъ сто тысячъ, какъ шахматную пѣшку? Прежняя система тоже скверная, но все-таки лучше! Проникнуть во всѣ фибры русскаго управленія, разстроить организмъ московской имперіи, ослѣплять гдѣ можно, дурачить, не давать ходу полезнымъ реформамъ — пусть гніютъ въ татарской грязи — о! это, положимъ, и длинная пѣсня, да все-таки съ концомъ.....

— До котораго никто не доживетъ. И мы вѣдь не сейчасъ хотимъ поднять революцію. Французъ разсчитываетъ лѣтъ на десять; мы торгуемся, пристаемъ къ нему, чтобы сократилъ срокъ: не хочетъ, а безъ него ничего не сдѣлаемъ.

— А съ нимъ много сдѣлаемъ? Мы помнимъ Наполеона: не теперешнему чета. Шелъ за насъ и съ нами, а что сдѣлалъ?...

— Еще бы пришлось воевать съ морозомъ на голыхъ степяхъ!

— Какой тамъ чортъ морозъ у разумнаго полководца! Эту басню мы слышимъ и читаемъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ. Надувалъ такихъ же легковѣрныхъ, какъ ты! Александръ сдѣлалъ для насъ больше, чѣмъ Бонапартъ. Какая ни есть, а у насъ явилась Польша, все-таки королевство: свое войско, своя управа. Надо было, хотя и по скверной старой системѣ, вырабатывать народное дѣло, обманывать во вредъ Москвѣ, въ пользу Польши, слушаться Конрада-Валленрода, а не глупой, хвастливой храбрости неопытной молодежи. Что же хорошаго надѣлали? То же будетъ и съ вами!... Край обнищаетъ; лучшій цвѣтъ юношества погибнетъ; москаля раздразнимъ; будутъ выводить насъ, какъ таракановъ, а намъ и сердиться нельзя. Сами накликали!...

— Что же, по вашему, сидѣть сложивъ руки, въ плѣну египетскомъ?...

— И ждать Моисея! На Чарторыйскихъ и Лелевеляхъ далеко не уѣхали, и теперь до цѣли не доѣдемъ.

— Особенно на такихъ патріотахъ, какъ здѣшніе, и съ такими патріотками, какъ вчерашнія дамы....

— Глупости говоришь ты, пане Станиславе! И я, и жена, и дочери мои любимъ отечество не хуже тебя; но мы поняли, сознали необходимость и покорились неотвратимымъ судьбамъ Польши. Да что мнѣ съ тобою притворяться! Хочешь знать задушевную правду, такъ слушай: надо взяться за умъ, бросить путь обмана и притворства, на старые счеты положить крестъ забвенія и спровадить ихъ не въ архивъ, а въ печку. Не въ притворномъ, а въ искреннемъ братскомъ союзѣ, но, прошу понять, въ настоящемъ братскомъ союзѣ, и мы и Москва сто разъ больше бы выиграли. Мы не мѣшали бы одинъ другому. Подумай самъ: что мы дѣлаемъ. Москаль ищетъ нашей дружбы. Весь на распашку! Отвѣчай ему тѣмъ же. Обнимемся, пано москалю, пойдемъ работать, чтобы и тебѣ и мнѣ было хорошо.... У! вышла бы Америка, пане Станиславе! да еще какая! славянская Америка! И чехи и славяне къ намъ бы пристали; про Галицію и говорить нечего: тамъ и безъ того народъ русскій, и подъ австріякомъ сидѣть ему не вкусно. Равноправная семья добрыхъ, честныхъ, богатырскихъ народовъ.... Чуть не на одномъ языкѣ всѣ говорятъ. Куда твоя Америка! Э!...

И панъ президентъ всталъ и топнулъ ногою.

— Кляшторные забобоны (монастырскіе предразсудки) не дадутъ дожить до этого. Словно полоумные, мы подъ француза-суфлера дѣлаемъ москалю всякую пакость, втихомолку. Не видитъ, но чувствуетъ: у него spiritus wanchatiwus (духъ обонянія) не хуже нашего. Кто же виноватъ? Поневолѣ съ нами расплачивается тою же монетой. Только та разница, что у насъ, положимъ, умъ вредитъ, а у него сила вредитъ больше. Вотъ тебѣ и вся диференція! И не только каждый часъ, каждую минуту раздраженіе растетъ и, разумѣется, дойдетъ до того, что по улицамъ будемъ грызться какъ собаки, на потѣху и на пользу западнымъ поджигателямъ.... Вотъ такими-то *фацеціями* (шутками) Польшу, господа, даромъ изводите, и, вмѣсто равноправнаго племени славянскаго, останется чернь съ *колтуномъ* (*), какъ жмудзины въ Литвѣ.

(*) Самогитская болѣзнь головы.

Мнѣ *политиковать* съ тобою нечего. Я говорю правду. Старая система, подлая, скверная, ведетъ только къ взаимному разрушенію; но ваша еще хуже, потому что съ нею мы погибнемъ раньше срока....

— Не погибнемъ! Поѣзжайте въ Парижъ: вы увидите!...

Вошла пани Аврелія. Дзвигачъ замолчалъ.

— Что, моя Реля? спросилъ президентъ ласково и нѣжно, садясь на прежнее мѣсто. — Мама встала?

— Еще не выходила: одѣвается.

— Что же такъ долго? а я, признаюсь, проголодался.

— И я тоже, папо, сказала Аврелія съ очаровательною наивностію.—Неудивительно: досыта натанцовалась. Не правда ли, было весело?

— Всегда весело — перебилъ Дзвигачъ — когда много гусаровъ.

— Что правда, то правда, отвѣчала Аврелія съ тою же наивностію. — А знаешь, папо, я сегодня долго не могла заснуть.

— Ага! кто же тебѣ такъ понравился?

— Нѣтъ, не то! Мнѣ всѣ понравились. А я хохотала громко, такъ что Петронилла сердиться стала. Съ чего это взяли панны визитки, что москали, всѣ безъ исключенія, уроды, народъ дикій, грубый, хуже нашихъ хлоповъ, что они неспособны ни къ какому нѣжному чувству, жаждутъ только крови, и больше всего крови польской....

Аврелія расхохоталась.

— Что дальше? мрачно спросилъ отецъ.

— Стыдно говорить, а скажу, потому что, право, досадно. Каждый день регулярно панны визитки, точно урокъ, намъ толковали, что отъ москалей отъ всѣхъ, отъ пана до хама, пахнетъ табакомъ, водкой и казармой.

— Значитъ, панны визитки запрещали вамъ сближаться съ москалями?

— У.... на милю—строго приказывали—держи себя отъ москаля! вы должны ихъ презирать, ненавидѣть. Они прямое племя Каина, хуже жидовъ. Не могу вспомнить безъ смѣха, какъ панна Урсула, такая молодая, хорошенькая, а какъ про москаля зайдетъ рѣчь, капишонъ назадъ заброситъ, надуется, кричитъ: „знайте, дѣти, что смотрѣть на москалей грѣхъ, а

тѣ, что за нихъ замужъ выходятъ, тѣ уже и на этомъ и на томъ свѣтѣ пропащія, совсѣмъ пропащія!“

— И вы вѣрили?

— Мы не знали и не спорили.

— А теперь вѣришь?

— Не могу удержаться отъ смѣха.

— Благородныя наставницы! воскликнулъ Дзвигачъ съ запальчивостію. — И вы позволяете себѣ надъ ними смѣяться!

— Безчестныя наставницы! закричалъ панъ-президентъ, вскочивъ и топнувъ ногою. — Вотъ кто продаетъ Польшу на пропятіе: ксендзы, мнихи и мнишки!...

Наступило молчаніе. Аврелія перепугалась. Она никакъ не ожидала, что проповѣдь паненнъ визитокъ вызоветъ такую бурю. Вошла Петронилла.

— Нила—сказалъ отецъ съ горечью — тебѣ панны визитки тоже такіе *дзиволонги* разсказывали, тоже учили ненавидѣть москалей?

— Разумѣется!

— И ты имъ вѣрила?

— Отчего же не вѣрить? Они враги и тираны Польши!

— Вотъ языкъ, достойный польки! торжествуя, замѣтилъ Дзвигачъ.

— Но вчера ты была съ ними ласкова, разговорчива, любезна....

— Что же? Вѣдь нельзя было сказать имъ въ глаза, что я ихъ готова въ ложкѣ воды утопить.

— Браво! браво! смѣясь, повторялъ Дзвигачъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ утопила бы ихъ, если бы представился случай?...

Петронилла вспыхнула, раскраснѣлась и посмотрѣла на Дзвигача такъ знаменательно, какъ будто спрашивала: что ей на это отвѣчать?

— Вижу, вижу — сказалъ президентъ, съ горькой улыбкой — ты еще не вышла изъ школы. Разсталась съ визитками, попала къ болѣе опасному профессору.... Выйдешь замужъ; у васъ будетъ согласная музыка.

— Разговоръ нашъ весьма кстати: я хотѣлъ просить, нельзя ли ускорить свадьбой.

— И я тоже. Терпѣть не могу пустыхъ проволочекъ. Вотъ кстати и Маниля....

Какъ ни были прекрасны обѣ дочери, но пани Матильда затемняла ихъ: такъ разсчетливая изысканность туалета, хотя иногда и обманчиво, возвышаетъ женскую прелесть. И Петронилла и Аврелія, въ своихъ простенькихъ платьицахъ, казались горничными дѣвочками передъ матерью, которая тоже была въ утреннемъ, но утонченно-разсчитанномъ костюмѣ. Какія средства употребляла пани Матильда, для возвышенія своей красоты, это ужъ ея секретъ; но этотъ секретъ былъ истиннымъ торжествомъ косметическаго искусства, потому что свѣжесть, бѣлизна и румянецъ лица не внушали даже и тѣни подозрѣнія. Поздоровавшись со всѣми онерами, чинно, чтобы не сказать: жеманно, пышная хозяйка усѣлась на свое бархатное кресло; нарядный слуга принесъ на серебряномъ подносѣ фаянсовый, заплетенный въ проволоку *имбрикъ* съ кофе и высокій молочникъ съ густыми сливками. Зашевелились и зазвенѣли чашки. Пани Матильда была, какъ говорится, не въ духѣ; никто не хотѣлъ начинать бесѣды, чтобы не сказать чего не впопадъ.

— Должно быть, уже поздно, сказала Матильда сухо, ни на кого не глядя.

— Скоро два часа, отвѣчалъ панъ-президентъ.

— Какъ быстро летитъ время! продолжала Матильда.

— Особенно для влюбленныхъ.

Пани Матильда строго посмотрѣла на мужа.

— Особенно, я говорю, для пана Станислава. Онъ хочетъ подать въ твой трибуналъ просьбу: нельзя ли ускорить свадьбой?

— Ребячество! Кто женится передъ новымъ годомъ? Отпразднуемъ Рождество и примемся за свадьбу.

— У меня все готово. Вы довольны?...

— О, вы превосходно умѣете вашей добротѣ придавать врожденный видъ пріятной нечаянности...

Вошелъ тотъ же нарядный слуга съ докладомъ:

— Панъ ротмистръ Орлей съ офицерами.

— Проси въ гостиную, сказалъ президентъ.

— Э, на что эти церемоніи?перебила пани Матильда. — Хлѣбъ - соль самое приличное начало для новаго знакомства. Проси сюда...

— Проси сюда, повторилъ президентъ, не потому, что онъ

привыкъ не прекословить женѣ, а потому, что и ему самому понравилась ея мысль.

Гусары не заставили себя ждать долго.

— То, что пріятно—сказалъ Орлей, подходя къ хозяйкѣ—то исполняется охотно и скоро, и вы, конечно, не осудите нашей поспѣшности исполнить такую пріятную обязанность...

— Мы умѣемъ цѣнить такое вниманіе, отвѣчала пани Матильда съ легкой улыбкой, не подымаясь съ креселъ.—И доказательство налицо: мы позволили себѣ встрѣтить васъ безъ церемоніи, по домашнему... Неугодно ли принять участіе въ нашей утренней работѣ?... Мы всѣ такъ заспались послѣ вчерашняго бала, что вмѣсто обѣда принялись завтракать. Господа будутъ столько любезны, что не заставятъ себя упрашивать. Терпѣть не могу подчиваній! Несносно! мѣшаетъ пріятной бесѣдѣ.

И пошли турусы на колесахъ. Орлей усѣлся насупротивъ президентши; Ивановъ возлѣ; дальше Ступачевъ, а Мануйко уноровилъ-таки усѣсться возлѣ Петрониллы. Надо разъ навсегда сказать, что хотя главный разговоръ шелъ постоянно по-французски, однако иногда офицерами употреблялся и польскій языкъ, разумѣется изуродованный. Только одинъ Ивановъ говорилъ на немъ нѣсколько посвязнѣе, потому что выучился читать и познакомился кое-какъ съ Мицкевичемъ и съ современной польской литературой.

— Это нашъ толмачъ, драгоманъ, говорилъ Орлей, съ гордостію посматривая на Иванова.—Впрочемъ, онъ у насъ на все мастеръ: рисуетъ, стихи пишетъ, поетъ...

— Вы поете? спросила пани Матильда. Ничего такъ не люблю, какъ пѣніе. Аврели могла бы хорошо пѣть, да въ нашемъ городѣ нѣтъ порядочнаго учителя...

— А вы не поете? спросилъ Мануйко у своей сосѣдки.

— Пою, когда никто не можетъ слышать...

— То есть вы скрываете ваши таланты...

— Лучше, покойнѣе: не мучатъ просьбами...

— Значитъ, вы не любите доставлять удовольствіе другимъ...

— Прежде себѣ, а потомъ уже другимъ...

— Я не подозрѣвалъ бы въ васъ такого эгоизма.

— А почему?...

— Спросите у зеркала...

— Конфетчикъ... Не опасенъ!... прошепталъ Дзвигачъ.

— Хорошаго, настоящаго учителя пѣнія—отвѣчалъ Ивановъ—вездѣ, даже въ столицахъ, найти трудно. Но, сколько я замѣтилъ, въ польской націи такъ много самородной музыкальности, что даже геніи достигаютъ высокой степени совершенства самоучкой...

— Вы, конечно, знаете нашего несравненнаго Шопена?

— Слышалъ много его піесъ. Играю мало, а люблю его музыку безъ памяти, люблю какъ дилетантъ, космополитъ; но воображаю, какія мучительныя ощущенія подымаютъ эти звуки въ польскомъ сердцѣ. Это польскіе вопли!... Если и развеселится, то смѣется сквозь слезы. Я люблю и вмѣстѣ жалѣю Шопена. Это высоко-честный человѣкъ, но не патріотъ, а фанатикъ польской идеи тридцатыхъ годовъ. Русскіе, разумѣется, на это не обращаютъ вниманія; но удивляюсь, какъ музыкальныя сочиненія Шопена до сихъ поръ не запрещены въ австрійской Галиціи. Никакое краснорѣчіе не имѣетъ силы шопеновской пропаганды!...

— Вотъ этотъ опасенъ! проворчалъ Дзвигачъ.

— Вы, какъ видно—замѣтила пани Матильда — много занимаетесь музыкой?

— На ручной гармоникѣ, подхватилъ Ступачевъ, убирая какую-то птицу, зажаренную въ смѣтанѣ.—Походный инструментъ! Впрочемъ, Паша, городъ здѣсь большой: на твоемъ мѣстѣ я взялъ бы на прокатъ какіе-нибудь фортепьяны. Одно бѣда: въ нашихъ хатахъ не помѣстятся.

— Ахъ, Боже мой—перебила пани Матильда — да кто же вамъ мѣшаетъ играть на прекрасномъ вѣнскомъ панталонѣ (роялѣ), который мой мужъ купилъ для деревни?

— Кланяйся, Паша! Только вотъ что: жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь. Панъ Култусъ будетъ водить его къ роялю подъ конвоемъ....

— Панъ Култусъ? спросила Матильда съ удивленіемъ, взглянувъ вопросительно на мужа.

— Панъ Култусъ формалистъ: безъ моего разрѣшенія ничего не позволитъ. Я прикажу....

Какъ ни простъ былъ отвѣтъ президента, но онъ показался Ступачеву подозрительнымъ.

„Э, братъ — подумалъ онъ — нѣтъ ли и у тебя тамъ сво-

его курятника? Ну да ничего! Мнѣ лишь бы щелку въ палецъ: я туда верхомъ на моемъ „Абдель-Кадерѣ“ проѣду.“

Встали. Орлей съ офицерами откланялся, къ особенной досадѣ Ступачева, потому что на другомъ концѣ стола красовались какіе-то мудреные пироги, возбуждавшіе его гастрономическое любопытство. Хозяинъ и хозяйка проводили гостей съ обычною любезностію, пригласили всѣхъ разъ навсегда на вечера по вторникамъ, взявъ слово, что они не будутъ ограничивать своихъ посѣщеній этимъ однимъ, урочнымъ для всего города, днемъ.

— Милости просимъ обѣдать хоть каждый день въ два часа, и т. д.

— Ну, Паша, ты со мной? спросилъ Орлей на подъѣздѣ.

— Я долженъ отдать письмо на почту. Больше мѣсяца домой не писалъ. Тамъ Богъ знаетъ что подумаютъ. Да еще хотѣлъ къ портному....

— Вотъ и я тоже, подхватилъ Ступачевъ.

— Ну такъ возьми же ты Ступачева, а мы отправимся съ Мануйкой.

— А что, Паша, сослужилъ я тебѣ службу? Досталъ тебѣ „панталонъ“, и хорошій, и даромъ.

— Душевное спасибо. Я очень этому обрадовался.

— Погоди, не радуйся: даромъ ничего не дается. За эту услугу ты долженъ учить меня играть на фортоплясахъ.

— Въ твои лѣта? Странная припала охота!

— Странная, не странная, а учи! Мнѣ лишь бы барабанить въ ладъ подъ мои ухарскія пѣсни.... Чортъ знаетъ, когда панъ-президентъ отдастъ приказъ этому уроду! Далъ бы цѣлковый, чтобы подслушать, какъ онъ будетъ приказывать.

V.

На другой же день панъ-президентъ, къ общему удивленію офицеровъ, пріѣхалъ на Жеребовецъ, расплатился визитами, объявилъ о своихъ распоряженіяхъ по экономіи; пиво и медъ приказано было отпускать по востребованію; сверхъ того, каждому велѣно доставить по анкерку венгерскаго вина, средняго, но весьма приличнаго качества. Долѣе, чѣмъ у другихъ, просидѣлъ Жеребовецъ у Иванова; но едва онъ ушелъ, какъ ан смѣну ему явился Ступачевъ.

— Ну, Паша, фортопьянъ завоевалъ! Пойдемъ учиться....

— Завтра.

— Не могу, Паша, право, не могу такъ долго терпѣть. Страсть къ музыкѣ одолѣваетъ. Пойдемъ, попробуемъ, каковъ этотъ расхваленый панталонъ....

— Дай покрайней мѣрѣ пану-президенту уѣхать!

— Оно и такъ и не такъ! Того гляди, плутъ Култусъ съумѣетъ передъ носомъ ворота запереть! Нѣтъ, такъ нельзя!

И Ступачевъ отправился на часы: ходилъ, ходилъ, промерзъ. Уже смерклось, когда со двора тронулись парадныя господскія сани; тотчасъ за ними выѣхали еще два возка съ неизвѣстнымъ содержаніемъ и направились по другой дорогѣ.

— Вотъ тебѣ разъ! Ухитрились-таки! Курятникъ, видно, въ другое мѣсто вывезли.... Не унывать, Ступачевъ! маршъ, маршъ!...

И въ три прыжка онъ очутился въ воротахъ, гдѣ стоялъ панъ Култусъ, съ двумя женщинами и двумя сторожами.

— А гдѣ панталонъ? спросилъ Ступачевъ небрежно, не глядя на Култуса.

— Не настроенъ, отвѣчалъ тотъ сухо.

— Ничего: я самъ умѣю строить....

— Да и ключъ у пани; позабыли прислать....

„Эка бестія!“ подумалъ Ступачевъ.—Ничего: я только посмотрю, какова работа....

— Вѣнская.

— И безъ тебя знаю, но хочу видѣть. А въ этомъ флигелѣ что у васъ?

— Это моя квартира.

— Виноватъ, пане Култусъ! До сихъ поръ не былъ, не поблагодарилъ за гостепріимство. Все равно, зайдемъ теперь, выкуримъ по трубкѣ....

— Извините: право, теперь не могу. Кое-что надо на завтра рабочимъ приказать....

— Ничего, ничего, приказывай. Я тебѣ не помѣшаю: посижу, трубочку покурю, обогрѣюсь....

И, не слушая никакихъ возраженій, Ступачевъ вошелъ и на самомъ порогѣ встрѣтилъ Зосю, дочь Култуса, прехорошенькую дѣвочку лѣтъ одиннадцати. Култусъ бросился за нимъ, но уже опоздалъ. Ступачевъ успѣлъ вступить въ разговоръ и

съ дѣвочкой и съ ея дородной, красивой няней. Обѣ примѣтно были рады гостю, особенно няня.

— Вы тутъ что! гнѣвно сказалъ Култусъ. — Ступайте въ свою комнату....

— Ни за что не позволю! Я не съ тѣмъ пришелъ, чтобы нарушать домашній порядокъ. Ну что же, панъ Култусъ, поподчивай *файкой*.... Будь такъ мила, няня, подай табаку и трубку....

— Я самъ, я самъ! перебилъ Култусъ и поспѣшно направился въ другую комнату.

— Да онъ у васъ тиранъ, какъ я вижу! Онъ тебя мучитъ, няня, не правда ли? шепталъ Ступачевъ на ухо нянѣ.

— Охъ, ужь не говорите! отвѣчала няня, отбѣгая отъ Ступачева.

— Маріанна! закричалъ Култусъ изъ другой комнаты. — Гдѣ же табакъ?

— Это онъ меня отсюда вызываетъ, сказала Маріанна тихо, но такъ, что Ступачевъ могъ разслушать. — Какъ гдѣ? всегда на одномъ мѣстѣ—на полкѣ....

— Какой тамъ чортъ на полкѣ!

— Вѣрно, панна Зося куда-нибудь переставила. Подите, Зося, сыщите папашинъ табакъ.

Зося ушла. Ступачевъ къ нянѣ, а та, въ ужасѣ, скороговоркой:

— Ради Бога не подходите, а то и меня сошлютъ на Глухой фольварокъ....

— Что такое?

— Послѣ, послѣ....

И Маріанна убѣжала.

VI.

Я долженъ пропустить множество подробностей, драгоцѣнныхъ для словоохотнаго романиста, но скучныхъ для читателя. Постараюсь пройти ихъ речитативомъ, чтобы поскорѣе добраться до какой-нибудь аріи или дуэта. Ивановъ ежедневно игралъ на прекрасномъ вѣнскомъ инструментѣ; Ступачевъ ежедневно бралъ уроки, т. е. ходилъ на барскій дворъ вмѣстѣ съ учителемъ. Время Ступачевъ всегда выбиралъ такое, когда пану Култусу дѣла было по горло, о чемъ онъ получалъ всег-

да самыя точныя извѣщенія по таинственному, невидимому телеграфу. Какъ ни зорко смотрѣлъ Култусъ за Маріанной и своими и чужими глазами, но противъ Ступачева человѣческія мѣры оказались недостаточными. На чужіе глаза онъ насадилъ золотыя очки; на хозяина налѣпилъ рога такъ, что не только малочисленная дворня, но и Зося не замѣтила, какъ попала въ комплотъ и сама себя запутала въ сѣтяхъ ступачевскихъ. Зосѣ жаль стало страдальца-любовника и бѣдную Маріанну, угнетенную рабыню, несчастную жертву панскаго деспотизма, и одиннадцатилѣтняя дѣвочка нечувствительно сдѣлалась *конфиденткой* и помогала романсу (по-русски—роману) своей дородной няни.

По вторникамъ Орлей со своими офицерами исправно являлся въ *палацъ* жеребовскій; обѣдать ѣздили только по приглашенію. Послѣ обѣда, Ивановъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ своею игрою и пѣніемъ. Шли, какъ сами знаете, паралельно четыре романа разомъ.... Но вотъ и новый годъ промелькнулъ и стараго и новаго стиля, а ни одинъ романъ ни на волосъ не подвинулся впередъ. Орлей безъ остатка попалъ подъ башмакъ пани-президентши; только и думалъ о томъ, какъ бы разнообразить ея удовольствія, заколдовать ее своею предупредительною внимательностію. Нѣсколько разъ бросался онъ въ страстную атаку; но всякій разъ не пани Матильда, а случай-насмѣшникъ ставилъ ему подножку. Препятствія только раздражали и усиливали страсть. Неудача бѣсила Орлея, не привыкшаго отступать нигдѣ, и усиливала его рѣшимость. Мануйко израсходовалъ весь запасъ своихъ сладостей; конфектная лавка опустѣла. Петронилла, попрежнему, была съ нимъ любезна, подшучивала, даже кокетничала, называла своимъ пріятелемъ, и Мануйко, по простодушному самолюбію, былъ убѣжденъ, что, какъ только Петронилла выйдетъ замужъ, онъ тотчасъ же поступитъ къ ней въ штатные чичисбеи. Дзвигачъ прозаически доканчивалъ свой романъ, хлопоталъ о свадьбѣ, убиралъ домъ въ городѣ и домъ въ деревнѣ, завалилъ комнату Петрониллы дорогими подарками и съ досадой удивлялся, почему его магнатская щедрость не приводитъ въ дѣтскій восторгъ такую молодую дѣвушку. Сама пани Матильда не могла надивиться ея равнодушію и не разъ говорила мужу: „Ну, Ясю, у нашей Петрониллы истинно-римскій характеръ!“ Одинъ Ивановъ, попрежнему, ни о чемъ не заботился. То же ровное

со всѣми обращеніе, та же веселость безъ шутовства, та же умная рѣчь безъ педантизма. Разговоры съ Авреліей касались только музыки; но и въ нихъ проглядывали какое-то дружеское, не больше, чувство, искренняя прямота, будто у старинныхъ знакомыхъ, и взаимное величавое самоуваженіе. Одному шелъ двадцать-шестой, другой семнадцатый годъ; а слушая ихъ можно было подумать, что это зрѣлая, испытанная жизнію пара, неспособная ни къ какимъ романическимъ увлеченіямъ. Панъ-президентъ тоже былъ, попрежнему, ровенъ и спокоенъ, попрежнему ходилъ на охоту, только не въ жеребовскія рощи, а на Глухой фольварокъ, расположенный въ завѣтныхъ, непочатыхъ лѣсахъ, которыми обиловала вся губернія.

Наконецъ наступилъ день свадьбы Дзвигача и Петрониллы. Для романиста опять находка; но мы, не умѣющіе пользоваться золотыми подробностями, скажемъ только, что по случаю свадьбы было дано два блистательныхъ бала, одинъ въ первую октаву, т. е. на восьмой день послѣ свадьбы, у Жеребовца, другой во вторую октаву, у Дзвигача. На этомъ второмъ балѣ приключилась исторія, измѣнившая ходъ дѣлъ: гусары были приглашены на балъ, за исключеніемъ только одного Иванова. Разумѣется, вѣсть объ этомъ разнеслась по всему полку, и, къ общему удивленію и досадѣ прекраснаго пола, ни одинъ гусаръ на балъ не явился. Петронилла торжествовала, самодовольно поглядывая на сестру. Дзвигачъ ходилъ гоголемъ по наряднымъ комнатамъ и объяснялъ всѣмъ и каждому невѣжливость офицеровъ, не уважившихъ его приглашенія.

— Что-то не такъ разсказываетъ твой мужъ, замѣтила пани Матильда дочери, съ трудомъ скрывая досаду. — Вѣрно, вы сдѣлали какой-нибудь *афронтъ*, и, безъ сомнѣнія, съ умысломъ?

— Право, не понимаю причины, отвѣчала Петронилла, также съ большимъ трудомъ скрывая полное свое удовольствіе.—Можетъ быть, случайно забыли послать кому-нибудь пригласительный билетъ. Мало ихъ! могли пропустить. Недоразумѣніе!

— Непріятная исторія!

— Что жь тутъ непріятнаго? И безъ нихъ будетъ весело; скучать никто не будетъ. Кавалеровъ довольно. Будто мы безъ гусаровъ и жить не можемъ!

Впродолженіе этого коротенькаго разговора, взора два было брошено на мать, взора два на сестру.

— Не правда ли, Орели, никто изъ нашихъ дамъ и не замѣтитъ ихъ отсутствія?

— Я не знаю вашего разсчета, милая Петронилла—отвѣчала Аврелія такъ спокойно, такъ величественно, что, глядя на дочь, слушая ее, пани Матильда не только утѣшилась, но съ гордостію сознала, что и за нее ловко отмстили — но все-таки не могу не удивляться. Для того, чтобы избавиться отъ докучливаго Мануйки, вы рѣшились обидѣть столько прекрасныхъ и достойныхъ людей. Можно было удалить Мануйку какъ-нибудь иначе, безъ неловкой огласки, не оскорбляя всѣхъ, а теперь, сама подумай, что скажутъ не гусары, а наши дамы, наша молодежь. Они запоютъ хоромъ, что мужъ твой, изъ ревности, не позвалъ офицеровъ!

Петронилла покраснѣла какъ ракъ. Ей и въ голову не приходила такая дипломатическая комбинація. Тутъ только она догадалась, что, вмѣсто одной цѣли, они съ мужемъ попали въ другую, и преглупую.

— Недоразумѣніе, больше ничего, проговорила она скоро, въ сильномъ волненій. — Завтравсе объяснится. — Отошла быстро и скрылась въ анфиладѣ комнатъ.

— Какъ глупъ Дзвигачъ! сказала пани Матильда младшей дочери. — Ну что онъ хотѣлъ этимъ доказать?

— Это не онъ, это она, сказала грустно Аврелія.

— Какіе пустяки!

— Я лучше знаю, мамо!

— Да съ чего же она?

Аврелія не отвѣчала. Фрачная кавалерія, понуждаемая хозяиномъ, ґурьбой бросилась ангажировать дамъ. Все завертѣлось въ вальсѣ. Петрониллы не было, къ немалому удивленію мужа; онъ бросился искать ее и нашелъ въ спальнѣ, на постели, въ слезахъ.

— Это что?

— Ахъ, *кохановы* Станиславе! что мы съ тобой надѣлали!

— Значитъ, и ты недовольна, что нѣтъ этихъ чудовищъ?

— Не то, не то! Мы хотѣли разсорить ихъ, образумить Аврелію, дать ей урокъ, спасти несчастную изъ когтей волка въ овечьей шкурѣ!...

— Такъ что же! Исторія только что начинается, а ты уже

струсила. Аврелія не смутилась; но это не такой характеръ, чтобы отступить съ перваго шага.

— Ахъ, Станиславе, ты забываешь даже жену, когда дѣло идетъ о москаляхъ. Люди не такъ толкуютъ.

— Пусть себѣ толкуютъ какъ имъ угодно, а мы, во что бы то ни стало, такъ или иначе, должны разстроить неестественную дружбу почтеннаго польскаго дома съ московскими солдатами, не допустить страшнаго позора, чтобы сестра твоя вышла замужъ за москаля.

— Сдѣлай, сдѣлай такъ, Станиславе! Если она выйдетъ за него замужъ... честь нашего дома, чувство національной гордости.... Но ты не допустишь?

— Такъ не будь же бабой, Петронилла! Не плакать надо, а дѣйствовать. Надо дать дѣлу такой тонъ, что не мы, а насъ обидѣли! Понимаешь? и отецъ и мать должны за насъ вступиться. Явится охлажденіе; тамъ опять что-нибудь придумаемъ. Хорошій полководецъ не дѣлаетъ подробнаго плана впередъ, а пользуется случаями, которые подбрасываетъ ему подъ руку счастливая минута.

— Такъ онъ не женится? улыбаясь и поправляя передъ зеркаломъ прическу, сказала Петронилла.

— Не женится, если будешь дѣйствовать какъ прилично доброй полькѣ: хитро и настойчиво.

Дзвигачъ ушелъ. Петронилла все еще смотрѣла въ зеркало, смотрѣла, смотрѣла и опять ударилась въ слезы.

— Нѣтъ—сказала она, рыдая и топая ногами—она лучше! она выйдетъ за него, выйдетъ! Неужели я дамъ ей замѣтить побѣду! Никогда, никогда!

И Петронилла стала охорашиваться, поправилась и, какъ ни въ чемъ не бывало, уже неслась въ вальсѣ съ первымъ встрѣчнымъ кавалеромъ.

Заварить всякую кашу легко, но трудно расхлебать ее.

Мужчины восхваляли Дзвигача за то, что утеръ москалямъ носъ; а то мѣстная молодежь, по ихъ милости, безвременно вяла въ тѣни. Дамы подсмѣивались надъ ревностію Дзвигача чуть не въ глаза Петронилле̂. Но она уже не огорчалась, не сердилась, напротивъ разбрасывала такіе мудреные намеки насчетъ патріотизма польскихъ дамъ, что многимъ изъ нихъ не-поздоровилось.

— Я не удивляюсь, что они позволили себѣ оскорбить насъ—

говорила она одной изъ самыхъ болтливыхъ сосѣдокъ—имъ у насъ скучно, неловко. Они знаютъ, что ни я, ни мужъ не побѣжимъ въ прихожую снимать имъ шинели и не позволимъ распоряжаться въ нашемъ домѣ какъ въ трактирѣ. Бѣднаго поляка, утромъ придетъ, не примутъ, а эти господа въ чужіе дома ходятъ какъ на table-d'hôte; по вечерамъ, чуть не ночью, являются въ домашніе кружки, непрошенные. И всѣ кланяются, благодарятъ за честь. Что дѣлать! Мы съ мужемъ такъ не можемъ. Мы никогда не забудемъ: что мы и къ какой принадлежимъ великой націи. Пусть потѣшаются надъ рабами и рабынями, только не въ нашемъ домѣ. Вотъ за что они условились мстить намъ. Неудачная месть! Подлинно по-московски!

На многихъ барынь, особенно пожилыхъ, состоявшихъ уже за штатомъ, подобная дипломатика имѣла удачное вліяніе. Дзвигачъ, съ своей стороны, говорилъ въ томъ же родѣ; а все-таки балъ прошелъ какъ-то неловко, принужденно, невесело, хотя молодежь и хозяева изъ кожи лѣзли, чтобы одушевить его.

VII.

Пани Матильдѣ крѣпко не спалось въ эту ночь. Ее мучили соображенія о послѣдствіяхъ вчерашняго происшествія. Сна нѣтъ; лежать надоѣло. Матильда встала, принялась за туалетъ и вышла къ завтраку почти въ одно время съ мужемъ, что было для него совершенною новостію.

— Глупая исторія! сказалъ панъ-президентъ, поздоровавшись съ женой и садясь къ столу на свое мѣсто.—Я рѣшительно сегодня ухожу изъ дому, потому что и этотъ парижскій фанатикъ, и гусары вѣрно пріѣдутъ съ объясненіями. А чортъ ихъ знаетъ, что тамъ между ними случилось и что я могу сказать имъ въ отвѣтъ. Что это Реля сегодня такъ запоздала? Ей, кто тамъ? Просите панну Аврелію: мнѣ ѣхать надо.

— Куда?

— На полеванье (на охоту). Надо спѣшить убраться изъ дому, а то непремѣнно и Парижъ и Москва набѣгутъ! Ты ихъ прими, выслушай, разузнай, что тамъ такое случилось: мнѣ прежде надобно знать настоящую истину. Гдѣ же Реля?

— Молится, отвѣчалъ въ то же время вошедшій дворецкій.

— Молится, а мнѣ ѣхать надо! Ну, ужь эти панны визитки!

И вчерашняя исторія по ихъ милости. Я ихъ не поблагодарю за воспитаніе дочерей.

— На Релю ты жаловаться не можешь.

— Оно такъ: Реля умница; но молиться цѣлый часъ поутру, цѣлый часъ ввечеру! А все *образекъ*, что ей подарили панны визитки. Ты видѣла, какими она убрала его цвѣтами собственной работы? Ни одна парижская модистка не сдѣлаетъ такъ великолѣпно.

— Что же тутъ дурнаго?

— Дурнаго, если хочешь, пока ничего. Но для меня ханжа хуже вольнодумца. Послѣдняго не разъ удавалось образумить; ханжу сдѣлаешь только упрямѣе и злѣе.

— А потому лучше и не мѣшаться въ дѣла совѣсти, чтобы потомъ не каяться. Пусть она теперь любитъ и лелѣетъ свой *образекъ*. Будетъ мужъ—любовь раздѣлится.

— Мужъ! да, мужъ! послѣ этой глупой исторіи.

— Ахъ, какъ я рада, Ясю, что у насъ съ тобой однѣ мысли!

— А я почемъ знаю, какія тамъ у тебя мысли! Ты всегда докладываешься мнѣ, когда дѣло уже сдѣлано.

— Какъ тебѣ не стыдно! Я безъ тебя ни шагу не дѣлаю, а ты всегда меня упрекаешь. Хорошо же, я умываю руки, ни во что не буду мѣшаться. Дѣлай какъ знаешь! Вотъ Петрониллу выдали замужъ по твоей волѣ.

— По моей волѣ? Да вѣдь ты сама дала слово безъ моего вѣдома! Ты позвала меня для того только, чтобы благословить.

— И ты говоришь мнѣ это въ глаза! Не я ли тебѣ сказала: охъ, Ясю, смотри, не поспѣшили ль мы?

— Да, сказала тогда, когда уже слово было дано, и мое благословеніе съ меня взыскано только для проформы. Я увѣренъ, что и съ Авреліей будетъ то же.

— Да кто же хочетъ ее выдать за Иванова? Вѣдь не я первая объ этомъ отозвалась.

— Какъ за Иванова? Такъ и ты того же мнѣнія?

— Я не смѣла тебѣ сказать, чтобы потомъ опять чего не вышло.

— Ну, тутъ, кромѣ хорошаго, ничего выйти не можетъ.

— Какъ бы намъ опять не поспѣшить! Мы видимъ его у себя и въ другихъ домахъ. По наружности, прекрасный молодой человѣкъ.

— Превосходный! Главное: онъ не врагъ поляковъ, какъ многіе московскіе невѣжды, что въ глаза смѣются надъ нашей религіей, надъ нашимъ національнымъ характеромъ, даже надъ нашими буквами, зачѣмъ иногда пять, шесть на одинъ звукъ набѣгаютъ. Мысль его: братская любовь. Онъ превосходно понимаетъ, что только одна взаимная братская любовь можетъ соединить Россію съ Польшей узломъ неразрывнымъ.

Пани Матильда вздохнула.

— А что нѣтъ?

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, покрайней мѣрѣ не теперь! Пока наши будутъ ѣздить въ Парижъ, пока будутъ, развѣсивъ уши, слушать француза, который держитъ насъ въ рукахъ какъ кошку, чтобы нашими лапками выгребать русскіе каштаны, пока наши дочери будутъ воспитываться у паннъ визитокъ и у другихъ мнишекъ, пока не родится умный *арцыбискупъ*, который растолкуетъ нашимъ ксендзамъ, что Москва и не думаетъ трогать нашей религіи, пока самъ москаль не объявитъ откровенно, что мы братья, что Москва для насъ и для нашихъ сосѣдей не царица, а сестра, и быть намъ всѣмъ равными на семейномъ совѣтѣ.... о! тогда!...

— О! — перебилъ съ восторгомъ панъ-президентъ — была бы Америка на всю Европу, на весь міръ!... Ты у меня сегодня какъ *Хризостомъ* заговорила.... Да, Маниля! это понимаютъ не хуже насъ съ тобой и французъ и самъ англикъ, а потому мутятъ нашихъ вотъ ужь двѣсти лѣтъ *обѣцанками*.... Если мы сами не возьмемся за умъ, ничего не будетъ....

Пани Матильда опять вздохнула.

— За умъ! Говори о цвѣтахъ слѣпому; растолкуй ты это пану Дзвигачу или даже нашей Петрониллѣ.

— Не говори мнѣ про Петрониллу. Упрекать себя поздно. И она бы смѣялась надъ парижской Польшей, если бы мы не поспѣшили. Но что съ воза упало, то пропало. Боюсь, чтобы и Аврелія отъ нихъ не заразилась.

— Не думаю. Но все-таки не спѣши. Надо прежде подробно разузнать про Иванова.

— А ты думаешь, я спалъ. Вѣсти изъ Петербурга самыя благопріятныя. Отецъ и теперь тамъ занимаетъ видное мѣсто, водитъ хлѣбъ-соль съ вельможами и людьми почетными, имѣетъ тысячу крестьянъ и одного сына.

— Охъ, Ясю! я теперь и сама начинаю бояться за вчерашнюю исторію.... Ахъ, Боже мой! кто-то подъѣхалъ.

— Я такъ и зналъ! Буря начинается: пріѣхалъ Орлей!

— Одинъ?

— Одинъ. Видишь, я угадалъ! Пріѣхалъ на *экспликацію*. Знаешь что, Маниля, ты прими его, распроси, а я пройду черезъ твои покои и уѣду съ задняго двора. Лошади мои должны быть готовы.

И, не ожидая разрѣшенія жены, панъ-президентъ ушелъ во внутренніе апартементы. Проходя мимо комнаты дочери, онъ невольно остановился.

— Э! поцѣлую мою Релю.... не задержитъ....

И съ этими словами вошелъ въ небольшую, но веселую дѣвичью келью Авреліи, въ самую ту минуту, когда она, окончивъ молитву, опускала надъ своимъ любимымъ образомъ нарядныя, обшитыя кружевами, занавѣски.

— Милая Реля? зачѣмъ ты закрываешь свою Матерь Божію?

— Пыль, папо!

— Да она за стекломъ.

— И сквозь стекло проходитъ.

— Неловко образъ виситъ у тебя, Реля!

— Я не смѣла просить, а, конечно, если бы сдѣлать небольшой рѣзной алтарикъ, вотъ какъ у бернардыновъ помѣщенъ одинъ завѣтный образъ.

— Тутъ негдѣ, Реля: комната тѣсная; а когда выйдешь замужъ, у тебя будетъ своя молельня. Я тебѣ, въ числѣ приданаго, и алтарикъ сдѣлаю. Я знаю, что ты любишь Бога, но не похожа на этихъ *девутокъ*, которыя дѣлаютъ изъ религіи парадъ или промыселъ. Не правда ли, Реля?

— Пусть меня Господь и Божія Матерь берегутъ отъ такихъ глупостей. А молиться сладостно, папо! Этого ты мнѣ запрещать не будешь.

— Да что я? Долго ли ты съ нами? Какъ знать, выйдешь замужъ за нѣмца, за москаля: понравится ли мужу твоя усердная набожность?

— Я, папо, за такого злаго человѣка не выйду. Да ты и самъ меня не выдашь.

— Разумѣется.... Мужъ Петрониллы разсказывалъ, будто онъ зналъ такихъ москалей.

— Не слушай его, папо! Даже совѣстно молчать, когда онъ про москалей разсказываетъ.

— То-то и бѣда, что Петронилла ему вѣритъ.

— Нѣтъ, папо, не вѣритъ.

— Какъ не вѣритъ?

— Да я ужь знаю, что не вѣритъ.

— Развѣ она тебѣ сказала?

— О! она не скажетъ что думаетъ. Мы прежде всегда за это спорили.

— Какимъ же образомъ ты можешь знать?

— Не распрашивай, папо! не годится! Хочешь вѣрь, не хочешь не вѣрь, а я, право, не могу объяснить, почему я такъ думаю. Наконецъ, мнѣ такъ кажется.... А что, мама встала?

— Ого! уже и позавтракала.

— Неужели? такъ рано! Ахъ, какъ мнѣ совѣстно! Ты, вѣрно, самъ за мной пришелъ?

— Нѣтъ. Я ѣду на охоту и пришелъ проститься.

— Надолго, папо?

— Завтра утромъ или къ обѣду вернусь. Да и ты не ходи къ Манилѣ. У нея гости: будетъ экспликація по случаю вчерашней исторіи. Я прикажу подать тебѣ завтракъ сюда.... Ага! Маниля и сама догадалась, прибавилъ президентъ, увидавъ входящую горничную съ подносомъ. — Ну, прощай, Реля! Не скучай: все объяснится, все будетъ хорошо....

Нельзя сказать, чтобы панъ-президентъ былъ во всемъ дальновиденъ. Думая про удовольствія охоты на Глухомъ фольваркѣ, онъ забылъ, что и кромѣ его есть охотники, не менѣе его мѣткіе и отважные.

Пани Матильда не приняла Орлея въ столовой, вышла въ крохотный глубокій будуаръ и усѣлась такъ роскошно, такъ живописно, что Орлей рѣшительно забылъ за чѣмъ пріѣхалъ, молча, съ жаромъ и нѣжностію поцѣловалъ бархатную ручку и усѣлся на указанное ему тою же рукою кресло. Но—о радость — прежде указывали ему мѣсто подальше, а теперь самое близкое.

— Ваше здоровье, несравненная пани Матильда?

— Не совсѣмъ хорошо! Ночь дурно спала.

— Пріятныя впечатлѣнія бала не давали спать?

— Вы угадали!... Только не пріятныя? Панъ Михалъ всегда увѣрялъ меня въ дружбѣ....

— Мало, мало, божественная Матильда! я всегда увѣрялъ васъ въ моей пламенной любви!

— Перестаньте дурачиться! Сколько разъ уже я вамъ говорила.

— И я никогда вамъ не вѣрилъ. Невозможно, чтобы такая прелестная женщина не имѣла нѣжнаго сердца!

— Положимъ, что у меня самое нѣжное сердце. Но что же изъ этого?

— Какъ что? Если у васъ доброе сердце, такъ изъ сострадапія прогоните меня, разорвите эту сладостную, но мучительную цѣпь, которою вы такъ крѣпко привязали къ себѣ несчастнаго счастливца.

— Опять!

— И до тѣхъ поръ не перестану, пока....

— Такъ перестаньте же теперь! Объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, а теперь мнѣ нужны ваша дружба, ваша искренность.... Что вы смотрите на меня съ удивленіемъ? Вещь самая простая. Скажите мнѣ прямо, безъ околодковъ и огородовъ: отчего вчера гусары на балу не были?

— Вещь самая простая. Мы всѣ получили именныя записки съ приглашеніемъ на балъ. Иванова исключили изъ списка. Каждый изъ насъ очень хорошо понялъ, что его не могли позабыть безъ умысла.

— Какой вздоръ! Слуги могли перепутать....

— Нѣтъ, мы у Култуса видѣли собственноручный списокъ офицеровъ нашего эскадрона — рука пани Петрониллы — но тамъ Иванова не было.

— Вѣрно, по ошибкѣ, написали его въ другомъ *швадронѣ*.

— Вездѣ справились! И потому честь полка требовала — добровольно отказаться отъ блаженства васъ видѣть! Ахъ, Матильда! вы не повѣрите, но я весь вечеръ сидѣлъ дома, не велѣлъ никого пускать, фантазировалъ: какъ вы одѣты, воображалъ, какъ съ вами танцую, какъ съ вами бесѣдую, шепчу про мою мучительную любовь.

— А я?

— А вы будто меня слушаете, а ваши глаза ходятъ по слѣдамъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ соперника.

— Не правда! Я такъ была раздосадована этой глупой исторіей, что ни на кого и смотрѣть не могла. Ну, а что же Ивановъ! онъ, я думаю, страшно обидѣлся?

*

— Ему не до того! Онъ, бѣдный, тоже весь вечеръ сидѣлъ дома, не пускалъ къ себѣ никого. Ступачевъ десять разъ заходилъ, звалъ играть на фортепьянахъ, стучалъ въ окна, дѣлалъ разныя фальшивыя тревоги, чтобы вызвать Поля изъ дому— все напрасно! Мы взяли въ допросъ деньщика его, Пугачева, и узнали, что онъ получилъ вчера какое-то письмо и по цѣлымъ часамъ сидитъ надъ нимъ и думаетъ.

— Что вы говорите? Отъ кого же? Ужъ не Дзвигачъ ли придумалъ какую новую интригу?

— О нѣтъ!... съ почты, по всѣмъ соображеніямъ, отъ почтеннаго папеньки....

— Вѣрно, пріискалъ ему знатную и богатую невѣсту въ Петербургѣ, зоветъ его къ себѣ, велитъ жениться.... Не такъ ли?

— Похоже на то, потому что просто камнемъ сидитъ и думаетъ. И меня это крѣпко растревожило. Я тоже къ нему заходилъ. Спитъ. Пугачевъ говоритъ, что ночью вставалъ, зажигалъ свѣчу, читалъ, читалъ, къ утру едва опять улегся.... Вы задумались? недовольны?

— Конечно: тутъ нѣтъ ничего пріятнаго.

— Да, нашъ планъ, кажется, въ Петербургѣ подрываютъ.

— Нашъ? Отчего же нашъ? Вѣдь это вы сочинили, что Поль и Реля прекрасная пара. Вы увѣряли, что они другъ друга любятъ безъ памяти. Мы съ мужемъ объ этомъ и не думали. Конечно, всякій отдастъ справедливость Полю. Какіе родители дѣтямъ своимъ не желаютъ добра? И мы не скрывали отъ васъ, именно отъ васъ, какъ нашего друга....

— Вѣрнаго и вѣчнаго вашего обожателя.

— Ахъ какой вы, право, несносный! Мало у насъ времени дурачиться.... Теперь не до того....

— Дурачиться, когда я страдаю до безсонницы, до сумашествія! А вы не хотите сжалиться надъ моими муками! Скажите одно слово, несравненная Матильда, одно слово!

— Какое нетерпѣніе.

— Матильда! умилосердитесь!

— Ахъ Боже мой! Я такъ разстроена! Романъ Рели далеко зашелъ: въ городѣ заговорили! Я сама виновата. Видите что значитъ вѣрить вамъ!... Я ничего отъ васъ не скрывала.... Подобная партія не могла мнѣ не нравиться.... И вдругъ!

— И что же вдругъ?... Отецъ написалъ глупость, а надъ серд-

цемъ сына онъ не командиръ. Еслибъ Паша не былъ влюбленъ по уши въ Аврелію, такъ, какъ я въ васъ, сталъ бы онъ долго раздумывать и возиться съ письмомъ!... Въ этомъ отношеніи онъ немножко баба.

— Благодарю... Очень мило!

— Вы меня не поняли. Онъ любитъ такъ, какъ только можно любить на этомъ свѣтѣ, какъ люблю я. Я это навѣрно знаю. Но онъ не увѣренъ, любитъ ли и его точно также Аврелія. Его мучатъ робость, нерѣшительность, застѣнчивость.

— Такія добродѣтели мужчинѣ не къ лицу.

Орлей посмотрѣлъ на пани Матильду вопросительно. Она опустила глаза, какъ будто не желая обнаружить, что неосторожно обмолвилась.

— Нѣтъ, Паша—сказалъ Орлей съ жаромъ—ты изъ этого плѣна не вырвешься! Не выпущу! я заставлю тебя...

— Добрый пане Михале! Какое нѣжное участіе! Недаромъ я назвала васъ моимъ другомъ.

— Ради Бога, не смѣйтесь въ глаза такъ ужасно! Какая дружба! Это чувство не къ лицу женщинѣ вашихъ лѣтъ и вашей красоты! Предоставьте почтенную дружбу почтеннымъ старушкамъ. Я докажу вамъ, какъ безгранично люблю васъ, докажу на дѣлѣ.

— А отецъ Поля?

— Что отецъ! Всѣ отцы, сколько ихъ ни есть, всѣ на одинъ ладъ. Посердится и проститъ! Не дуракъ же Поль, чтобы бѣжать отъ вѣрнаго счастія... Разумѣется, теперь надо за нимъ смотрѣть въ оба. Разстаться съ вами... У меня сердце болитъ. Но я бѣгу на трудное дежурство... Беречь счастіе другаго, когда самъ несчастенъ!

— Вы сегодня неподражаемы!

И Матильда протянула ему свою нѣжную, бархатную, горящую ручку... Восторженный, забывшій все на свѣтѣ ротмистръ засыпалъ ее пламенными поцѣлуями.

— Довольно! прошептала пани Матильда.

— Пора! пора! бѣгу... Позвольте только отдать почтеніе пану-президенту.

— Его нѣтъ дома. Онъ съ утра еще уѣхалъ на охоту.

— Нѣтъ дома! воскликнулъ Орлей, съ любовію смотря на Матильду и не выпуская ея руки.

Матильда торопливо протянула другую руку, чтобы схватить колокольчикъ. Поздно... Орлей не допустилъ...

. . . .

VIII.

— Пугачевъ, что баринъ? спросилъ Ступачевъ, входя въ низкія и холодныя сѣни, гдѣ дымилъ и кипѣлъ самоваръ.

На Ступачевѣ была солдатская шинель, на головѣ солдатская шапка.

— Молятся, отвѣчалъ Пугачевъ, раздувая самоваръ изо всей мочи.

— Что такое?

— Молятся.

— Вонъ оно куда пошло! Бѣдный Паша! повернулъ налѣво. Ужь эти умники всегда кончаютъ верхъ ногами на боку.... Боленъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ! Встали такіе веселенькіе.

— Часъ отъ часу не легче! Плохое веселье!

— Пугачевъ! раздался голосъ Иванова изъ комнатки.

— Что прикажете?

— Нельзя ли чаю?

— Какой тутъ у чорта чай! сказалъ Ступачевъ, поспѣшно входя въ комнату.—Скоро пора обѣдать.

— Развѣ такъ поздно? Ну, спалъ же я богатырскимъ сномъ!

— А теперь какъ себя чувствуешь?

— Прекрасно!

— Ну и прекрасно! Такъ теперь знаешь что: не пей чаю; вредитъ, право вредитъ, страхъ какъ на нервы дѣйствуетъ! Пойдемъ лучше играть на фортепьянахъ.

— Не хочется.

— Паша, душенька, если ты меня сколько-нибудь любишь, не откажи... Пойдемъ играть. Въ три года не дождешься такой оказіи. Орлей въ городѣ; Мануйку я послалъ на охоту, въ Черный лѣсъ, на Глухой фольварокъ, да такъ ловко, что Култусъ узналъ про путешествіе Мануйки, переполошился. А я велѣлъ твои и мои сани заложить, посадилъ на нихъ по гусару, въ моихъ шубахъ; проскакали въ городъ передъ носомъ Култуса. Я, какъ видишь, деньщикомъ нарядился, чтобы удобнѣе присматривать за нимъ. Попался дурень на удочку. Вотъ сію

минуту отправился за Мануйкой на Глухой фольварокъ; а мы, братъ, на покоѣ можемъ заняться музыкой.

— Задастъ онъ тебѣ музыку, какъ узнаетъ.

— Куда ему, скрягѣ! мякиной дворню кормитъ. Вѣришь ли, теперь на дворѣ остались всего три бабы и четыре батрака, съ кучеромъ включительно. На завтракъ онъ имъ даетъ, на всѣхъ, одну черную рѣдьку и семь соленыхъ огурцевъ. Такъ на вѣрность такой прислуги отложи попеченіе. А отъ меня всѣ они получаютъ пенсію по рублю серебромъ въ мѣсяцъ, да иногда ведро пива. Дешевая интрига! А Маріанна, надо тебѣ правду сказать, славная бабенка! Я приволокнулся за ней такъ, отъ нечего дѣлать, ради одной удали. А теперь?... не подумай, однако, что влюбленъ... тфу, къ чорту! Point du tout... какъ говоритъ нашъ ротмистръ; такихъ глупостей у меня и въ заводѣ нѣтъ... а, признаюсь, люблю поболтать съ нею. Премилая вострушка! Ну, а ты самъ знаешь, на глазахъ у Култуса, какая бесѣда: урывкой гдѣ-нибудь за угломъ сорвешь поцѣлуй, мимоходомъ en passant — вотъ и все наше... Пашенька, душенька, ты развѣ не гусаръ, что ли? не хочешь пособить товарищу?

— Ты такъ искусно распорядился, что даже я, кажется, тамъ буду лишній.

— Не умничай, Паша! Пойдемъ и баста! Я про то знаю, лишній ты или нѣтъ. Вѣдь чего я у тебя прошу? поиграй часокъ на фортоплясахъ. Ты и самъ маленько разсѣешься. А то просто огорошилъ насъ вчера такъ, что всѣмъ намъ стало страшно.

— Позволь хоть стаканчикъ чаю проглотить.

— Идетъ! все-равно! можно! Ты только явись! Смотри же, приходи, а я отправлюсь впередъ... Пугачевъ! если кто изъ офицеровъ заглянетъ, говори: въ городъ уѣхали. Слышишь?

— Слушаю-съ!

Во флигелѣ, видно, догадались, что Култусъ уѣхалъ не по доброй волѣ. Зося, даромъ что одиннадцати лѣтъ, принарядилась по праздничному; а Маріанна, вся въ огнѣ, несмотря на дородство, бѣгала изъ угла въ уголъ, прибирала комнаты, обметала пыль и, снявъ съ полки затѣйливую кофейную машинку, которую самъ Култусъ употреблялъ только въ случаяхъ пріѣзда президента, спросила съ улыбкой:

— А что, панна Зося, не сварить ли намъ кофе? Кстати печка топится.

— Сваримъ, няня, право, сваримъ!

— На двѣ филижанки (чашки)?

— Зачѣмъ же на двѣ? Можетъ быть, кто изъ гостей зайдетъ.

— Это панна Зося на мой счетъ гуляетъ. Что жь? Дѣло женское. Онъ мнѣ нравится. Съ вами я откровенна: вы добрыя. Несчастія моего не захотите. Придетъ и ваша пора, Зося!

— Какое же тутъ несчастіе, Маріанна?

— А такое несчастіе, что если панъ Култусъ узнаетъ, такъ меня на Глухой фольварокъ запрячетъ, да и васъ въ шкапъ запретъ... свѣта Божьяго не увидите....

— Что ты, Маріанна! панъ Култусъ тебя ласкаетъ, любитъ.

— Любитъ! хороша любовь! любитъ какъ нарядный *кунтушъ*, пока не обносился. И что я? служанка, дрянь. Меня панъ Култусъ живую можетъ зажарить. Мнѣ все равно: жизнь стала не мила. Пока молода, онъ и кофе пьетъ вмѣстѣ со мною и за столъ съ собою сажаетъ, а состарѣюсь, сгонитъ со двора или выдастъ за паршиваго сторожа.... и пикнуть не смѣй! Вѣдь я все знаю. Ахъ, Зося! кофе кипитъ.... подайте ложку....

Зося въ однѣ двери, а Ступачевъ въ другія.

— Маріанна, что ты это?

— Варю кофе для дорогихъ гостей.

— Култуса я услалъ далеко.

— Да Зося отъ насъ не отойдетъ.

— Мы пристроимъ ее! Брось кофе! не надо!

— Ахъ! вскричала Зося, вбѣгая, будто бы перепугалась.

— Ахъ! вскрикнула Маріанна и, будто нечаянно, опрокинула кофейникъ, прямо въ печку. — Вотъ тебѣ и сварила!

— Боже мой — сказала опечаленная Зося — чѣмъ же мы будемъ подчивать гостя?

— Сегодня моя очередь: не хотите ли отвѣдать варшавскихъ конфектовъ?

— Ахъ какая хорошенькая коробочка! Вотъ, няня, будетъ чудесная шкатулочка для моихъ сережекъ и булавокъ.

— Нѣтъ, панна Зося! конфекты извольте скушать на здоровье, а коробочку отдайте. Пусть панъ Игнацы свѣжихъ принесетъ. Дома держать коробочки нельзя: панъ Култусъ чуть не каждый день ревизуетъ весь домъ и всѣ наши вещи.

— И что жь?

— Послѣ каждой ревизіи начинаетъ насъ хвалить, ласкать, доволенъ.

Всѣ засмѣялись.

— А вотъ и вашъ органистъ *палендрустъ* къ фортепьянамъ. Вы слышали, Зося, какъ онъ играетъ на панталонѣ?

— Да какъ же намъ слышать — подхватила Маріанна — у насъ даже ставни съ той стороны заперты, гдѣ онъ проходитъ. Мы только сегодня такъ вольничаемъ.

— Да вѣдь тутъ есть, кажется, съ большимъ домомъ сообщеніе?

— Лѣтомъ. За дверьми цѣлыхъ три комнаты — не знаю, почему охотничьими называются—тамъ никого не живетъ. Во время резиденціи отворяютъ, когда кто изъ гостей ночуетъ, а теперь на ключъ заперты....

— А ключъ гдѣ?

— Вотъ подъ этой половицей. Я нечаянно наткнулась на секретъ.

— И чудесно! Хотите, Зося, послушагь, какъ мой органистъ играетъ?

— Какъ можно, жеманясь, сказала Зося.

— Отчего же нельзя — перебила Маріанна — вѣдь онъ пану Култусу не скажетъ.

— Еще бы! это мой другъ и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ все знаетъ; ему извѣстно, какъ Култусъ васъ держитъ, точно кормовыхъ индѣекъ, въ тѣсныхъ комнатахъ, какъ онъ не пускаетъ васъ гулять даже по деревнѣ.... все знаетъ, и сколько разъ онъ говорилъ: „Бѣдная Зося! такая прекрасная барышня— и должна остаться рѣшительно безъ всякой цивилизаціи, какъ простая хлопка. Дочери бѣднѣйшаго шляхтича, у котораго всего состоянія полъ-корчмы и два *пахолка* (работника), и тѣ брянчатъ на фортепьянахъ, а она даже и не слышала, какъ на нихъ играютъ!...“

— И все это онъ говорилъ?

— И не одинъ разъ!

— Ахъ я несчастная!

Зося заплакала....

— Чего плакать! Пойдемъ лучше послушаемъ.... Вотъ молодецъ-Маріанна ужъ и половицу подняла и ключъ отыскала!... Пойдемъ!

— Мнѣ стыдно. Я боюсь.

— Правду говоритъ мой другъ.

— А что онъ говоритъ?

— Эта Зося — говоритъ онъ — должна быть совсѣмъ дикая, какъ куропатка.

— Какъ онъ смѣетъ говорить это? Вѣдь онъ меня не видѣлъ.

— Разумѣется: еслибъ видѣлъ, то не говорилъ бы такихъ пустяковъ.... Вотъ и двери отперты.... Пойдемъ!...

— Право, не знаю!

— Да полно быть деревенщиною! сказалъ Ступачевъ, легонько обнявъ станъ Зоси, что ей очень понравилось.

— Буду васъ слушаться: вы такой добрый.

И пошли, и вошли въ залу. Маріанна поотстала и смотрѣла черезъ дверь, чѣмъ все кончится.

Ступачевъ съ Зосей остановились позади Иванова, такъ что онъ ихъ не видѣлъ и, какъ нарочно, съ необыкновеннымъ чувствомъ и одушевленіемъ фантазировалъ на польскія темы. Зося обратилась въ слухъ. Такъ впечатлѣнія музыки были для нея новы и увлекательны!

— Ну, мастеръ ты, Паша! сказалъ Ступачевъ, когда Ивановъ остановился на одномъ изъ частныхъ финаловъ. — Мы заслушались тебя!

— Ахъ извините, сказалъ Ивановъ, увидавъ Зосю.

Зося не могла ничего отвѣчать. Она смотрѣла на него съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ на чародѣя.

— Ничего, ничего — сказалъ Ступачевъ — не церемонься, мой другъ! Бѣдная Зося не хотѣла идти тебя слушать. Говоритъ, разсердится, перестанетъ игратъ. Вотъ видите, милая Зося, что панъ Култусъ говоритъ неправду: гусары не звѣри! Мы только однимъ добромъ живемъ; мы на томъ только и стоимъ, чтобы другихъ утѣшать, другимъ доставлять удовольствіе. Вотъ мой Паша готовъ цѣлый день играть, если замѣтитъ, что это вамъ пріятно. Садитесь сюда, Зося, вотъ такъ! Паша, душа моя! неужели ты откажешь Зосѣ.... бѣдной твоей Зосѣ.... насладиться музыкой досыта? Такіе случаи черезчуръ рѣдки. Посмотри: ты еще не играешь, а она уже слушаетъ. Паша! играй же что-нибудь!... Время дорого!

Ивановъ улыбнулся. Діалектика Ступачева подѣйствовала. Раздался могучій акордъ, посыпались пасажи одинъ другаго мудренѣе.

— Дайте ему наиграться — шепнулъ Ступачевъ наухо Зосѣ—а потомъ попросите спѣть. Соловей, просто соловей!

. . . .

Ступачевъ исчезъ. Разсчетъ его, какъ и всѣ его дипломатическія комбинаціи, оказался вѣрнымъ. Зося такъ мило слушала, такъ наивно глядѣла на чародѣя, что тотъ и самъ обрадовался такой пріятной и хорошенькой слушательницѣ, игралъ долго, добрый часъ, безъ устали, и не кончилъ бы самъ собой, если бы не залаяли собаки.... Какъ только раздалась музыка дворовыхъ псовъ, Ступачевъ вбѣжалъ въ залу, Зося выбѣжала; ключи, одинъ за другимъ, щелкнули....

— Ну спасибо, Паша! сказалъ Ступачевъ, обнимая Иванова. — Вѣкъ не забуду. Теперь пойдемъ обѣдать.... Туда, къ чорту! прибавилъ онъ съ досадой, выходя изъ барскаго дома на красивый дзѣдзинецъ, т. е. попросту на дворъ. — Не могъ Орлей дождаться насъ съ обѣдомъ! Сюда нелегкая принесла! собакъ поднялъ.... Что онъ, тоже музыкантъ, что ли?

— Здравствуй, Паша! воскликнулъ Орлей, шагая на встрѣчу офицерамъ съ какою-то торжественностію и необычною веселостію.

— Значитъ, ты здоровъ и опасенія наши къ чорту! Ура! полдюжины шампанскаго поставлю! У меня праздникъ сегодня!

„Вретъ, шельма! подумалъ Ступачевъ.—Не такой ли праздникъ, какъ и у меня! И я собирался дернуть шампанскаго.“

— Я ѣздилъ, Паша, сегодня въ городъ по твоему дѣлу, но ничего не узналъ. Пани Матильда въ отчаяніи. Они тебя любятъ какъ сына, не могутъ понять нелѣпой невѣжливости Дзвигача. Мы толковали съ пани Матильдой долго....

„Такъ и есть! подумалъ Ступачевъ. — „Вонъ оно гдѣ шампанское! Молодецъ Игнатій Семенычъ: не пророкъ, а отгадчикъ....“

— Панъ-президентъ поѣхалъ на охоту на Глухой фольварокъ.

Ступачевъ расхохотался.

— Чему ты обрадовался?

— Великолѣпное тріо! панъ-президентъ, Мануйко и Култусъ! И я ставлю полдюжины шампанскаго...

— Да ты съ чего?

— А вы, ротмистръ, съ чего?

— Да я за Пашу.

— И я по той же причинѣ!

— Вѣчно у тебя неумѣстныя шутки. Пани Матильда, ты знаешь, Паша, со мной откровенна...

— Какъ не знать!

— Ступачевъ! сдѣлай милость, не перебивай! Вѣдь я не съ тобой говорю....

— Сердится, значитъ правда!

— Пани Матильда боится, чтобы дерзость Дзвигача не повела къ серьезной раздѣлкѣ.

— Ужъ не къ дуэли ли? спросилъ Ивановъ, остановясь у самой квартиры Орлея. — Если бы даже весь полкъ этого потребовалъ, я скорѣе выйду въ отставку, но такой глупости не сдѣлаю. Въ поступкѣ Дзвигача я не нахожу ничего необыкновеннаго. Вѣтеръ свищетъ въ пустой головѣ этого фанатика. Онъ знаетъ мои мысли; ему досадно, что Аврелія, сестра его сумасбродной жены, вѣритъ не ему, а мнѣ. Мудрено ли, что Дзвигачъ ненавидитъ меня и не можетъ даже скрывать своей ненависти, а Петронилла подливаетъ въ огонь масло. За что же сердиться? Если онъ далъ мнѣ почувствовать, что не желаетъ имѣть меня въ числѣ своихъ знакомыхъ, на то его добрая воля. Напротивъ, именно за такую искренность я его уважаю, и мнѣ досадно, что полкъ принялъ мою обиду къ сердцу, тогда какъ я самъ не считаю себя нимало обиженнымъ.... Изъ-за меня вы всѣ цѣлый вечеръ проскучали....

— За то многимъ—перебилъ Ступачевъ — эта исторія доставила восхитительныя послѣдствія....

— Игнатій Семеновичъ—мрачно сказалъ Орлей—позвольте узнать, на чей счетъ вы это говорить изволите?

— На свой собственный! Паша знаетъ.

— Тото-же!... Потому что я не позволю....

— Да съ чего вы сердитесь, ротмистръ? Ступачевъ—не во гнѣвъ ему будь сказано—всегда любитъ врать, а сегодня, послѣ музыкальнаго урока, онъ сталъ особенно словоохотливъ. Онъ покрайней мѣрѣ откровененъ.... Вы меня знаете. Я плохой гусаръ и гляжу съ неудовольствіемъ на всѣ любовныя интрижки, какъ смягчительно любятъ ихъ называть аматеры и зрѣлыхъ дурачествъ и дѣтскихъ шалостей. Неблагородно вносить въ семейства раздоръ, ссорить мужа съ женой, отца съ дочерью. Гусарскій артикулъ едва-ли пригоденъ для нынѣшней цивилизаціи....

— Вотъ куда поѣхалъ! сказалъ Ступачевъ уже въ квартирѣ Орлея, наливая себѣ рюмку водки.

— Развратъ, господа, тамъ какъ хотите, а всегда раз-

вратъ, продолжалъ Ивановъ.—Не говорю уже о томъ, что это не по-христіянски....

— Поднялъ еще нотой выше!

— Это и не по-человѣчески.... Забавнѣе всего, что, посягая на честь, нарушая самыя святыя права семейственныя, мы въ то же время хлопочемъ и кричимъ о свободѣ. Самая свобода-то что же, если не сумма и моихъ и чужихъ правъ, огражденная ненарушимымъ закономъ? А мы считаемъ игрушкой, забавой святѣйшее право: честь женщины, потому только, что это право защищаетъ одна совѣсть сластолюбца.

— Ты бы, братъ Паша, книжку написалъ....

— То-то и бѣда, что ныньче и въ книжкахъ нерѣдко встрѣчается тотъ же развратъ. Кстати, я помню, что какъ-то разъ въ Петербургѣ мы возвращались съ одного обѣда вмѣстѣ съ литераторомъ, который, за столомъ, громко ораторствовалъ противъ злоупотребленій администраціи. Возвращались мы въ сумерки.... Дама шла по тротуару. Откуда ни возьмись пьяный, пристаетъ къ ней, хочетъ обнять ее. Мой литераторъ раскричался, обругалъ полицію, всю администрацію, выручилъ съ моею помощію барыню, и затѣмъ всю дорогу мой ораторъ ругался.... На другой день захожу къ нему по дѣлу—и что же? застаю съ женой его друга и товарища. Мерзавецъ! И дверей не заперъ!... Свобода и вольность—большая разница....

— Резонъ! перебилъ Ступачевъ, садясь къ столу.—Ромъ и водка, кажется, одно и то же, а куда какая разница!

Ивановъ улыбнулся.

— Горбатаго могила исправитъ, сказалъ онъ, тоже садясь къ столу.

— А тебя панна Аврелія....

— Хотя бы ты, голубчикъ, своими нечистыми губками такихъ святыхъ именъ не трогалъ.

— Что, задѣлъ-таки за живое?

— Молодъ, Ступачевъ! Я не по твоему. Я тысячу разъ передумалъ, пока рѣшился вымолвить самому себѣ, что я люблю панну Аврелію.

— Наконецъ выпалилъ-таки изъ пушки! Имѣемъ честь поздравить съ имянинницей!

Орлей во все время разговора сидѣлъ въ задумчивости. Ивановъ имѣлъ большое вліяніе на умъ и сердце Орлея. Случайная рѣчь, обращенная въ назиданіе неисправимому Ступа-

чеву, попала, хоть и поздно, въ рану ротмистра. Ему было крайне неловко. Онъ не зналъ что говорить, но послѣднія слова Иванова его выручили и разбудили.

— Шампанскаго! закричалъ Орлей.—Паша наконецъ признался! Бутылку хвачу за здоровье панны Авреліи!

— Стоитъ, шельма, стоитъ: просто царица вавилонская, вотъ какую я видѣлъ въ Питерѣ, на театрѣ....

— Чучело ты, чучело! сказалъ Орлей.—Ну самъ подумай, какія у тебя холопскія нѣжности!

— Виноватъ, обмолвился небережно, въ азартѣ, а все потому, что у насъ сегодня большія радости...

— Не слушай его, Паша! Болтунъ, доболтается когда-нибудь до исторіи. Ну, Паша, и ты съ нами сегодня выпьешь....

— Выпью! Бокалъ, другой выпью.

И выпили порядочно, но умѣренно, къ великой досадѣ Ступачева. Неугомонный ушелъ домой. Какъ нарочно, въ это самое время Култусъ возвращался въ саняхъ изъ экспедиціи на Глухой фольварокъ. Увидя его, Ступачевъ гомерически расхохотался, потомъ грозно крикнулъ на кучера: „стой!“ Кучеръ уже привыкъ слушаться его приказаній и удержалъ лошадей.

— Что ты, дурень! ступай! толкая кучера въ шею, ворчалъ Култусъ.

Напрасно! Ступачевъ уже сидѣлъ на облучкѣ.

— Вотъ кстати, такъ кстати! Фу! какъ я радъ, что поймалъ тебя, дорогой кумъ....

— Какой кумъ! что это вы сочиняете? Мы съ вами никого не крестили.

— Врешь! Поворачивай оглобли! Не могу, чтобы дорогаго кума *шампаномъ* не поподчивать.

— Да я не пью.... Къ чему вы тутъ кума приплели?

— Врешь, дружокъ! Тянешь *венгржина до подушки*....

— Кто сказалъ?

— Я говорю. Всѣ ксендзы и экономы на одну стать! Вставай! все-равно не отдѣлаешься!

И цапъ-царапъ Култуса за шубу, вытянулъ изъ саней, потащилъ за собой и сдержалъ слово: на славу уподчивалъ, такъ что два гусара еле-еле отвели новопожалованнаго кума къ оградѣ и сдали на руки сторожамъ.

IX.

— Какъ я радъ, что Ступачевъ отчалилъ, сказалъ Орлей, умащиваясь на походный диванъ, сколоченный изъ досокъ и покрытый ковромъ.

— Добрый малый! Воспитаніе изуродовало....

— Эхъ, Паша! воспитаніе то же счастіе. Хорошо, что у тебя родители и образованные и достаточные. А вотъ мой покойникъ! Въ двѣнадцатомъ году пришелъ съ Карпатскихъ горъ волонтеромъ въ арміи нашей служить. Дворянинъ, изъ венгерскихъ карпатороссовъ, а голъ какъ соколъ. „Куда хочешь?"— „Гдѣ поопаснѣе."—„Въ безсмертные гусары желаешь?"—„Изволь!" И пошелъ рубить. Въ три года до ротмистра дорубился; собой молодецъ; на стоянкѣ въ Малороссіи полюбилъ и заставилъ себя полюбить пригожую дочь богатаго помѣщика; приказалъ за себя замужъ выдать. Просто приказалъ. Родители было не хотѣли. „Деревню сожгу, всѣхъ перебью. Пусть судятъ, пусть сошлютъ въ Сибирь! Эка штука! И тамъ люди привольно живутъ." Велѣлъ гусарамъ карабины пулями зарядить, послалъ за попомъ и обвѣнчался.... Самъ неученый, даже малограмотный, но ума бойкаго. Мамаша была предобрѣйшая, да тоже училась на мѣдныя деньги, а сынокъ, твой покорный слуга, и гимназіи не кончилъ. „Ну ихъ къ чорту—говоритъ—гусаромъ быть въ школѣ не выучишься; ступай служить!" Вотъ тебѣ и воспитаніе! Самъ теперь разсуди, чѣмъ тутъ я виноватъ. Передъ смертію покойникъ-отецъ писалъ: „Миша, женись!" А какъ я женюсь? Состояніе хорошее, слова нѣтъ; лѣта самыя такія для мирнаго супружескаго счастія: сорока еще нѣтъ. Да жениться-то какъ? На глупой, неотесаной не хочу, а на такой, какъ Аврелія, совѣстно! Что я буду передъ нею? Чурбанъ, круглый невѣжда! По-французски пополамъ съ грѣхомъ болтаю: у модистки выучился. Право-слово, у модистки! Нарочно интрижку завелъ. Неавантажная была, съ горбикомъ, да бойко на своемъ языкѣ болтала. Я къ ней на хлѣбы и на акордъ пошелъ: хочешь, говорю, амуры вести, такъ учи меня по-французски. Изъ кожи лѣзла—знатно учила. Кончилъ курсъ—и откланялся. Тутъ кстати и полкъ перемѣнилъ квартиры.... А ученые смѣются надъ нами.... Грѣхъ имъ, истинно грѣхъ. И тебѣ грѣхъ, Паша! Я знаю, что ты меня именно за это и не любишь.

— Нѣтъ, ротмистръ, я васъ люблю и уважаю какъ старшаго роднаго брата.

— Будто?

— Я никогда не лгу.

— Лапку, лапку, Паша! Поцѣлуй меня, моя умница, мой красавецъ! О какъ бы я хотѣлъ поскорѣе тебя видѣть кругомъ счастливымъ! Не тяни, Паша, въ долгій ящикъ.... Пани Матильда за тебя. Отецъ.... да что про него спрашивать, когда пани Матильда на нашей сторонѣ!... Аврелія видимо тебя, и только одного тебя, любитъ....

— Я самъ такъ думаю, хотя и не увѣренъ....

— Вздоръ! безъ памяти любитъ! Пани Матильда, ты не думай, на этотъ счетъ прегордая, а обинякомъ про этотъ сюжетъ признавалась. Ну рѣшительно все на порядкахъ. Отчего бы, кажется, не приступить къ сватовству?

— Есть препятствіе....

— Отецъ, что ли, не согласенъ? Воля отца....

— Не то, что воля, а мысль отца....

— Не понимаю....

— Я и самъ насилу понялъ. Вчера цѣлый день, всю ночь.... читалъ, читалъ, насилу дочитался.... Не хотите ли прислушать?...

— Давай, давай его сюда поскорѣе. Постой, дай набью трубку. Когда куришь, лучше думается....

..... „Письмо твое, любезный другъ Павелъ, я получилъ уже съ недѣлю тому назадъ, но чему училъ тебя, то и самъ соблюдаю: не спѣши и пустяками. Иногда отъ прыщика ракъ рождается. Думалъ я всю недѣлю и, кажется, могу отвѣчать на письмо твое довольно обстоятельно. Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ исполнилось. Ты уже штабсъ-ротмистръ; ты надъ сердцемъ и надъ всѣми обстоятельствами жизни полный хозяинъ. Благодарю тебя сердечно за дружбу, а что ты просишь моего позволенія жениться, про случай, если при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи невѣста тебѣ окончательно понравится, то не могу иначе принять этого, какъ за пріятную для меня и похвальную для тебя вѣжливость, и на этотъ пунктъ не могу отвѣчать иначе, какъ: „извольте, Павелъ Михайловичъ, жениться, если намѣреніе ваше, по зрѣломъ разсужденіи, положительно утверждаете“. Съ моей стороны я могу и долженъ, при этомъ удобномъ случаѣ, сообщить только косвенно нѣкоторыя замѣчанія,

пріобрѣтенныя долголѣтнимъ опытомъ и наблюдательностію, которыя всегда были моимъ любимымъ занятіемъ. Во множествѣ встрѣченныхъ мною на пути жизни супружествъ, немало попадалось мнѣ и полекъ, и меня всегда приводила въ затрудненіе двойственность ихъ характера.

„Мы съ тобою много учились и доучились до того, что перестали вѣрить въ національность, какъ химеру, отвергаемую философіей и здравымъ, по методѣ Декарта, очищеннымъ разсудкомъ. Протестантовъ въ политикѣ еще немного, но уже есть, и мало по малу начинаютъ строить ту божественную націю, гдѣ владыко — Христосъ, а подданные — человѣчество. Мы съ тобой давно пришли къ тому заключенію, что русскій нагольный тулупъ не потому хорошъ, что онъ русскій, а потому, что пригоденъ подъ тѣмъ небомъ и подъ тою погодой, гдѣ человѣкъ ходитъ. И французу въ Вологдѣ онъ такъ же къ лицу и къ дѣлу, какъ русскому въ Неаполѣ воздушный хитонъ лаццарони. Изъ этого мы вывели послѣдовательное разсужденіе, что національность есть наружная обстановка одного и того же человѣка, поставленнаго подъ разныя мѣстныя условія, а его нравственная сила никакой націи отдѣльно не принадлежитъ, а любить, чествовать наружное то же, что творить себѣ кумиры и въ существѣ пребывать въ политическомъ идолопоклонствѣ. Я понимаю русскія щи, польскій бигосъ, итальянскія макароны, но никакъ не пойму: русская честность, польская честность, итальянская честность. Если между ними есть разница, требующая эпитета, то двѣ изъ нихъ непремѣнно, а можетъ быть и всѣ три, уже не честность; а честность, ты самъ знаешь, есть сумма правъ и обязанностей въ сознательномъ исполненіи ихъ на самомъ дѣлѣ. Путь совершенствованія именно въ томъ и заключается, чтобы съ нравственныхъ домашнихъ началъ, нажитыхъ воспитаніемъ, счищать эти національныя клички и добраться до честности безъ эпитетовъ. Но пока, несмотря на слово Христово, несмотря на ученія Декарта и Канта, предразсудокъ національности еще слишкомъ силенъ, чтобы не сказать всемогущъ, по малочисленности политическихъ пуританъ. Отчего же, спросишь, такая яркая истина и такъ мало послѣдователей? Оттого, что ребяческій и даже отроческій возрастъ нашъ на рукахъ у матери, а ей некогда углубляться въ такія важныя матеріи; весь досугъ ея поглощается механическимъ повтореніемъ завѣтовъ

предковъ, которые, какъ бородавки, застарѣли и сами собою отвалиться не могутъ, а срѣзать ихъ до живаго, здороваго мяса некому."

— Постой, Паша, погоди! Просто усталъ. Въ потъ бросило. Мудреная штука твой отецъ.... Позволь набить трубочку. Ну-ка, что-то Богъ пошлетъ! Добирается до полекъ: любопытно. Валяй!...

„Одинъ шутовской философъ доказывалъ, что всѣ войны подымали женщины. Тутъ есть капля правды, потому что именно женщины съ утра жизни воспитываютъ чувство ненависти и презрѣнія ко всему чужому и безсознательную до уродливости, пристрастную привязанность ко всему своему. На это никто какъ польки, и онѣ, по философской своей наивности, даже гордятся, хвастаютъ такимъ политическимъ *абсурдомъ*. Имъ и въ голову не приходитъ, что онѣ богохульствуютъ, говорятъ и творятъ явно наперекоръ той самой религіи, которую по названію исповѣдуютъ. Въ этомъ отношеніи опять пуще всѣхъ другихъ—полька! Одна изъ нихъ, въ разговорѣ со мною, дошла до такой запальчивости и фанатическаго самозабвенія, что увѣряла, будто притчу о самаритянкѣ нарочно комунисты сочинили. Выйдетъ замужъ за русскаго нѣмка или англичанка за нѣмца, въ короткое время первая становится русскою, вторая нѣмкой; полька же до могилы остается полькою.... Ростутъ дѣти у польки, какой бы націи ни были, но она успѣетъ вдохнуть въ нихъ свою фанатическую гордость, свой польскій патріотизмъ, свое презрѣніе къ націи мужа. Въ чужомъ домѣ, подъ чужимъ небомъ, у нея польскій порядокъ, польскій столъ, польскіе гости, и часто слышится въ русскомъ домѣ исключительно польскій языкъ.... Нашему брату, не признающему невѣжественнаго принципа національности, братски любящему весь міръ, жена-полька можетъ быть источникомъ нравственнаго стѣсненія и опасности для нашихъ дѣтей. Вспомни, Павелъ, что у тебя не было гувернера: такъ боялся я, чтобы къ тебѣ не прилипли не только недостатки, но и добродѣтели какой бы то ни было одной націи. Мы поставили себѣ *началомъ началъ*, что любить отечество не значитъ любить всѣ его недостатки, уродливости, пороки; мы согласились съ тобою, что надо ненавидѣть все то, что у насъ и у кого бы то ни было дурно, истреблять дурное прежде всего въ себѣ, вокругъ себя, въ собственной своей атмосферѣ—другихъ

не трогай, берегись неволить чужія убѣжденія, своего мнѣнія не прячь, но и другимъ его не навязывай. Дѣйствуй и побѣждай только однимъ примѣромъ. Помни одно, что ты всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, безъ малѣйшаго исключенія, родной братъ. Ну, теперь самъ подумай: можетъ ли полька принять и строго исполнять нашъ домашній катихизисъ? Она вся вылита изъ фанатизма и предразсудка; а это два первые, и едва-ли не единственные, враги и твои и мои. Опытомъ дознано, что вражда между родными всегда сильнѣе, свирѣпѣе, чѣмъ между посторонними; а тутъ еще два такіе неугомонные поддувала! Мы съ тобою, разумѣется, какъ на ладони видимъ, что всѣ эти національныя глупости миражъ больныхъ глазъ, но поди переувѣрь въ томъ одержимаго бѣшенствомъ фанатизма, да еще женщину; а безъ этого условія какая она будетъ жена? Знаешь ли, Павелъ, если бы между польками родилась только одна женщина, которая, нешутя, поняла бы насъ съ тобою, съ той самой минуты послѣдовалъ бы нравственный переворотъ и начался бы періодъ братскаго сближенія. Но такое явленіе, при настоящемъ рѣшительномъ упадкѣ серьезной философіи въ Европѣ, представляется едва-ли возможнымъ, и вотъ почему я, по дружбѣ къ тебѣ, нѣсколько опасаюсь....

„Народная молва утверждаетъ, будто польки любятъ кокетничать, не уважаютъ супружеской вѣрности, легкомысленны, расточительны, увлекаются страстію къ нарядамъ, честолюбивы въ связяхъ, властолюбивы дома. Это все пустяки! Въ этихъ недостаткахъ, если они есть, виноваты мужья, литература и наше время. Замѣть, что у нихъ и сама философія щеголяетъ тѣми же страстишками. Ты, я думаю, уже познакомился съ краковскимъ философомъ Крамеромъ. Въ принципахъ замѣчательный философъ нашего времени, въ толкованіяхъ отчаянный полякъ и католикъ.... Что ты станешь дѣлать! Но чужія глупости намъ не указъ; чужіе и очевидно нелѣпые принципы для насъ необязательны. Знать, не пришло еще время для всѣхъ понять несостоятельность идеи національностей; это пока общая, европейская лихорадка. Не можетъ того не быть, чтобы идея всецѣльнаго человѣчества не проросла сквозь почву, залитую предразсудкомъ, корыстію, временными уродливостями человѣчества. Отъ крошечнаго орѣшка выростаетъ кедръ ливанскій. Религія, не та, что велитъ ненавидѣть, а та, что велитъ любить, для такого растенія лучшая теплица. Конечно, можетъ

быть, мы съ тобой благодатныхъ всходовъ не увидимъ, но мы, душа моя, сами для себя завоевали это благо. Какъ бы его у тебя не украли... Все это, другъ мой, только предостереженія, ровно безъ всякихъ обязательныхъ указаній. Ты, единородный, драгоцѣннѣйшій всѣхъ земныхъ бладъ моихъ клейнодъ, прозелитъ чистой идеи любви къ человѣчеству, ты не можешь любить безумно. А что если въ самомъ дѣлѣ избранница твоего сердца, на перекоръ моимъ трусливымъ соображеніямъ, именно та самая полька, о которой я мечтаю? Твое дѣло разсудить, рѣшить, а я благословляю!...“

— Все? спросилъ Орлей, когда Ивановъ кончилъ.—Все?... Гораздъ баринъ и писать и думать! Вотъ это что называется отецъ, настоящій отецъ! На русскаго отца не похожъ.

— Отчего же?

— Какіе у насъ отцы! Вотчимы, братецъ, вотчимы, да эще плохіе. Только думаютъ, какъ бы сынокъ схватилъ чинишко, выгодное мѣстечко подтибрилъ, чтобы за женой взялъ еостояніе или протекцію. Сами подлости учатъ. А какова у сынка моральная утроба, до этого имъ нѣтъ дѣла. Вотъ твой отецъ, такъ отецъ. Послѣ этого и дивиться нечего, каковъ у него Паша вышелъ! А все-таки дѣло дрянь! Ты, послѣ этого письма, пожалуй, и жениться раздумаешь.

Ивановъ молчалъ. Лицо его было совершенно покойно, весело; онъ съ улыбкой глядѣлъ на озабоченнаго Орлея.

— Паша! Вѣдь, значитъ, ты меня считаешь чѣмъ-то въ родѣ друга. Такъ ты, сдѣлай милость, скажи напрямки: на что ты рѣшился? Мнѣ это знать необходимо.

— А вамъ на что?

Орлей покраснѣлъ.

— Не подружески, Михаилъ Ивановичъ!

— Не могу, Паша, видитъ Богъ, не могу! Въ этомъ секретѣ я не одинъ. Будь я самъ по себѣ, такъ всю душу на столъ бы и выложилъ. Не могу!

— Я и не добиваюсь. Но позвольте и мнѣ подумать.

— Зачѣмъ же ты мнѣ прочелъ это письмо?

— Хотѣлъ знать ваше мнѣніе.

— Мое мнѣніе? мое мнѣніе? Взялъ, да и женился! Вотъ тебѣ и мнѣніе! Вѣдь онъ, мудрецъ, не видѣлъ Авреліи.

— И я то же думаю. Мнѣ кажется, что Аврелія какъ разъ подходитъ подъ идею старика и доставила бы ему на старости

истинное утѣшеніе: онъ увидѣлъ бы въ ней ту вожделѣнную польку, съ которой должно начаться наше братское сближеніе.

— Отецъ твой хитеръ, ну, да и ты, Паша, не промахъ. Такъ, значитъ, мы женимся?

— Я сказалъ, что мнѣ такъ кажется. Я слишкомъ увлеченъ Авреліей: боюсь ошибиться.

— Ну, не будь я Орлей, если это не та самая полька.

— Весьма можетъ быть. Какой-нибудь мѣсяцъ, и я найду случай убѣдиться.

— Зарѣзалъ, просто зарѣзалъ! Ну, задалъ же ты мнѣ антрактъ!

— Какой антрактъ?

— Эхъ, не то я хотѣлъ сказать!... да ты себѣ не женись! Къ тому же и постъ на носу. Ты только объяснись, а не хочешь, я за тебя.

— Нѣтъ, прошу васъ, не мѣшайтесь въ это дѣло. Умоляю васъ: ни слова пани Матильдѣ! Иначе, я рѣшительно не женюсь, потому что вы помѣшаете вашею неосторожностію моему плану.

— Слушаюсь; только, ради Бога, поскорѣе.... Мѣсяцъ! проклятый аккордъ! Просто я умру съ тоски....

X.

Наступилъ карнавалъ: пошелъ сплошной разгулъ,з автраки съ танцами, обѣды съ танцами, вечера съ танцами, театры, маскарады. Гусары всѣ девять дней до полуночи вторника на первой недѣлѣ поста прожили въ городѣ; домой и не заглядывали. Много было перекинуто красныхъ словъ, конфектныхъ комплиментовъ, страстныхъ намековъ. Въ эти дни обыкновенно улаживаются свадьбы, завязываются любовныя связи. Про послѣднія не знаю, но свадьбы не вышло ни одной: гусары волочились напропалую, однако невѣсты никто себѣ не выбралъ. Отношенія оставались прежнія. Орлей, какъ верста, торчалъ при пани Матильдѣ, Мануйко при пани Петрониллѣ....

— Вотъ и карнавалъ кончился, сказала она, сидя съ Мануйкой въ послѣдней мазуркѣ сезона.

— Я не могу объ этомъ подумать безъ ужаса.

— Что же вы будете дѣлать?

— Питаться воспоминаніями, мечтать о будущемъ, хотя въ

этомъ будущемъ только пустые орѣхи. Пани Петронилла, неужели вы и сегодня, на прощаньи, не скажете мнѣ ни одного утѣшительнаго слова?

— Мало съ васъ! Я васъ люблю; я васъ не отвергаю; я говорю съ вами, какъ съ другомъ; я одного васъ изъ всего вашего полка принимаю въ моемъ домѣ. Мужъ не доволенъ; но я на это не смотрю. Чего же вамъ еще?

— Вы просто смѣетесь надо мною! Развѣ это любовь?

— А то что же?

— Это *грандъ-пасьянсъ*, и больше ничего! Я стою на запяткахъ вашего сердца.

— А вамъ хотѣлось бы раскинуться тамъ на покоѣ, выгнать оттуда всѣхъ, безъ жертвъ, безъ потерь завоевать, взять въ плѣнъ бѣдное слабое созданіе? Нѣтъ, и мы умѣемъ защищаться.

— Значитъ, вы меня не любите ни на волосъ?

— А мнѣ кажется наоборотъ. Ваша любовь — гусарскій passe-temps.

— Нѣтъ, вы этого сказать не можете. Ночи не сплю, страдаю, на ученьи подвергаюсь безпрестаннымъ выговорамъ, потому что все задумываюсь. Гдѣ васъ нѣтъ, тамъ я глупъ, неловокъ, ничто меня не одушевляетъ.

— И все это развѣ любовь?

— А то что же?

— Я сказала бы вамъ, но вы сами лучше знаете. Нѣтъ, мой любезный рыцарь, истинная любовь на вашу не похожа. Она не останавливается ни передъ какими жертвами; она ищетъ случая угадать задушевныя мысли своего идола, исполнить его желанія, хотя бы то стоило жизни. Вотъ это любовь!

— Да почему же вы знаете, что я не готовъ для васъ на всѣ возможныя жертвы?

— Merci! Но на словахъ этому не вѣрятъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, если до сихъ поръ не представилось къ тому случая?

— Э, полноте! сколько ихъ было, только вы ихъ не хотѣли замѣтить.

— Вы меня приводите въ отчаяніе. Испытайте меня, скажите!

— Этихъ вещей не говорятъ. Кто умѣетъ любить, тотъ умѣетъ и догадываться.... Перестанемъ говорить о пустякахъ!

Посмотрите лучше, какъ Ивановъ съ моей сестрой въ парѣ стянули на себя всѣ глаза.

— Не удивительно: весь полкъ знаетъ положительно, что Ивановъ любитъ Аврелію.

— Какая наивная откровенность!

— И любимъ взаимно.

— Это кто ему сказалъ?

— Мнѣ сказалъ Ступачевъ: этотъ шалунъ все знаетъ.

— Какія унизительныя конфиденціи! Мнѣ жаль сестру. Я никогда не повѣрила бы этому іезуиту.

— Іезуиту! Паша іезуитъ? Помилуйте! Да это краса всего полка. Знаете ли, что у насъ всѣ, отъ полковника и до солдата, всѣ его такъ любятъ и уважаютъ, что ему даже не завидуютъ. Образецъ чести.

— Для васъ, для всѣхъ такихъ же дальновидныхъ людей. А по моему—тонкій Тартюфъ, волкъ въ овечьей шкурѣ.... О, Боже мой! какъ я глупо люблю мою сестру! Не знаю, на что бы я не рѣшилась, чтобы спасти мою бѣдную Релю. Тотъ, кто разстроилъ бы эту партію, могъ бы потребовать у меня въ награду что угодно: ни въ чемъ бы не отказала.... Что это? Они остановились посреди залы? шепчутся!

— Очень обыкновенная вещь. Фигура того требуетъ. Совѣтуются: какихъ выбрать дамъ и кавалеровъ.

— Вы угадали, проговорила пани Петронилла, испуганная, сдѣлавъ движеніе на своемъ стулѣ.

Ивановъ шелъ прямо къ ней. Поклонъ. Нѣмое приглашеніе.

Мануйко точно былъ недальновиденъ. Стоило взглянуть на Петрониллу, чтобы разгадать всѣ задушевныя ея мысли. Щеки залились яркимъ сплошнымъ румянцемъ; глаза загорѣлись такимъ блескомъ, какъ будто искры тамъ разсыпались. Она встала и, подавая Иванову горящую руку, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Чѣмъ я могла заслужить такую честь?

— Не понимаю, прекрасная пани Петронилла, вашей насмѣшки.

— Ей-Богу, не насмѣшка!

— Такъ что же?

— Вы сердиты на насъ.... Вы имѣете право сердиться.

— Ни на волосъ! Всякой воленъ въ выборѣ друзей и знакомыхъ. Я уважаю это право. Я непріятенъ вамъ.

— Не мнѣ!...

Но это „не мнѣ“ едва было слышно, тѣмъ болѣе, что оно было сказано уже во время танца. Ивановъ сдѣлалъ съ пани Петрониллой, вмѣсто одного, три тура, желая угодить Авреліи, потому что она просила его выбрать ея сестру. Замѣтивъ довольную улыбку Авреліи, Петронилла вдругъ остановилась.

— Довольно! сказала она, задыхаясь. — Я устала. Голова закружилась. „Погоди, погоди“—думала она, усѣвшись на свое мѣсто—„я заплачу тебѣ за такое унизительное великодушіе... А я, дура, обрадовалась? Ухъ! какъ досадно!...“

— Вы взволнованы? спросилъ неотвязный Мануйко.

— Еще бы! Когда приличія велятъ подать руку....

— Не договаривайте! я понялъ васъ!

— Насилу!...

— А кто виноватъ? Сказали бы одно слово, и я не допустилъ бы такъ далеко этого непріятнаго для васъ романа... Теперь придется дѣйствовать круто; но для васъ я на все готовъ...

— Что же вы хотите дѣлать?

— Увидите....

XI.

И постъ прошелъ; и убрали уже столы, въ домѣ президента, изъ-подъ *свѣнцонаго* (пасхальныя кушанья), на которомъ красовалось болѣе сотни яствъ, раскрашенныхъ, раззолоченныхъ, облитыхъ сахарной глазурью. Пахнуло весною. Пани Матильда стала жаловаться на городской воздухъ и, послѣ Ѳоминой недѣли, въ исходѣ апрѣля, перебралась въ Жеребовецъ, къ крайнему удивленію горожанъ, а больше всего Култуса. Онъ долженъ былъ очистить занимаемый имъ флигель, на случай пріѣзда пани Петрониллы съ мужемъ, а самъ, съ домочадцами, переселиться въ садъ, въ старую *альтану* (бесѣдку). Култусъ даже былъ радъ этой выдумкѣ, потому что теперь уже ворота не запирались: гости то и дѣло свободно шныряли по дзѣдзинцу (двору); полевыя работы и безпрерывныя распоряженія пани Матильды заставляли его часто отлучаться, а старая „альтана“ была въ самомъ углу сада, за пасѣкой: по милости пчелъ, туда ни господа, ни гости, ни прислуга не ходили никогда. Ступачевъ въ тотъ же день узналъ

о такомъ мудромъ распоряженіи пани Матильды и началъ, послѣ предварительной рекогносцировки, придумывать удобнѣйшіе пути сообщенія. Панъ-президентъ тоже былъ радъ переѣзду семьи въ деревню. Служба не позволяла ему переселиться туда же; но къ обѣду онъ регулярно являлся въ Жеребовецъ. Когда нарядный президентскій *кочобрыкъ* въѣзжалъ на гладко-вымощенный дзѣдзинецъ, панъ-президентъ, не выходя изъ экипажа, кричалъ: „хлопче! ступай, проси господъ офицеровъ борщу кушать“. Вечеръ онъ проводилъ въ семействѣ или осматривалъ хозяйство; послѣ скромнаго сельскаго ужина тотъ же кочобрыкъ отвозилъ его въ городъ, а офицеры провожали его до плотины и потомъ расходились по домамъ. Удивительно: такая жизнь, казалось, была мучительно-однообразна, а между тѣмъ всѣ были довольны, даже панъ Култусъ. Одинъ Мануйко былъ постоянно задумчивъ и мраченъ, рѣдко приходилъ къ товарищамъ, часто ѣздилъ въ городъ, возвращался не въ духѣ. Ступачевъ неослабно наблюдалъ за нимъ.

— Знаете, господа—сказалъ онъ разъ утромъ за *чаями* у Иванова—мнѣ жаль нашего Нулина—такъ называлъ онъ Мануйку — просто отъ рукъ отбился. На душѣ у него нехорошо. Боится признаться. Этого запускать нельзя, какъ хотите. Надо взять его въ допросъ.... Пугачевъ! сходи попроси Мануйку сюда. Скажи: ротмистръ-де проситъ....

— Вотъ выдумалъ! Да на что мнѣ онъ! Пусть себѣ возится съ Петрониллой! Славная школа!

— Что правда, то правда. Школитъ она его, бѣднягу.... Однако, по правилу товарищества, слѣдуетъ ему растолковать.... Ну, вотъ и онъ кстати! Послушай ты, *эксбукетъ!* Ты не подумай, *резеда* ты этакая, что мы тебя спроста позвали. По распоряженію высшаго начальства, ты долженъ, *во-первыхъ*, причесаться.... при тебѣ ли гребешекъ? глянь въ зеркало, какъ у тебя шевелюра-то взъерошена!... *во-вторыхъ*, ты долженъ объявить откровенно, какъ по нашему артикулу и по присягѣ доброму гусару надлежитъ: какая муха укусила тебя въ носъ?

— Чортъ тебя пойметъ что ты врешь....

— Ты, эксбукетишка, не виляй!... Признавайся! Правъ — поможемъ, неправъ—образумимъ....

— Да съ чего ты привязался?...

— Черная неблагодарность! Понимаешь ли ты всю мѣру

нашей о тебѣ заботливости? Довольно Петронилла за носъ тебя поводила. Глянь въ зеркало! Носъ распухъ....

— Послушай, Ступачевъ! Есть мѣра и въ пріятельскихъ шуткахъ....

— Ну, братъ, не тебѣ мѣрять! А если тебѣ глаза польскимъ крахмаломъ замазали, такъ кто же собьетъ эту нелѣпую штукатурку, если не добрые товарищи?

— Странная заботливость! У каждаго изъ васъ есть свои цвѣточки: забавляйтесь! я вамъ не мѣшаю....

— Мѣшаешь! Честь полка затронута!... Самаго щегольскаго, духовитаго нашего офицера вотъ ужь сколько времени, будто котенка, бумажкой на ниткѣ дурачатъ....

— Михайло Ивановичъ! и вы позволяете въ вашемъ присутствіи?...

— Неужели ты сердишься? Ты вѣдь знаешь Ступачева! Отвѣчай ему тѣмъ же!

— Да что онъ, розмаринъ этакой, что онъ можетъ отвѣчать на мои увѣсистые резоны? Я тебѣ вотъ такъ-таки прямо объявляю, что Петронилла надъ тобой подтрунила, что она тебя не только не любитъ, но оскорбительно для всего полка парфюмеромъ называетъ, а этотъ.... бѣлобрысая польская тыква на парижской колодѣ... конфетчикомъ тебя при гостяхъ публично величаетъ....

— Врешь, Ступачевъ! Сочинилъ!...

— Ей-Богу, правда!...

— Побожиться ты недорого возьмешь....

— Ахъ ты бутонъ-мутонъ! Не вѣришь? Такъ повѣрь моей чести....

— Не смѣши! Кто могъ сказать тебѣ?...

— Кто? Нечего дѣлать: для чести всего полка надо признаться. Мнѣ сказали и Маріанна и Зося.... А имъ сказалъ панъ Култусъ подъ пьяную руку, а панъ Култусъ подкупленъ: онъ долженъ переносить Петрониллѣ обо всемъ, что тутъ дѣлается. Ну что, эксбукетъ, вру я?

— Да изъ чего же Петронилла хлопочетъ? спросилъ удивленный Орлей, съ примѣтнымъ смущеніемъ.

— На это пусть *резеда* отвѣчаетъ. Вѣдь онъ конфидентъ Петрониллы, пріятель, другъ, каша безъ масла....

Мануйку въ потъ бросило. Онъ понялъ, что, невольнымъ образомъ, увлеченный прелестями и кокетствомъ пани Петро-

ниллы, онъ, наравнѣ съ Култусомъ, подкупленъ совершенно пустыми надеждами, какъ тотъ деньгами. Досада, стыдъ, страсть, все разомъ заговорило; но сознаться передъ товарищами нехватало силъ. Мануйко сѣлъ на кровать Иванова и, схвативъ гитару, сталъ брянчать по струнамъ безъ толку.

— Вотъ и спасовалъ! заговорилъ опять Ступачевъ. — Хочешь для куражу чаю?... А? Что, душа моя?... Струсилъ, а не трусъ!... Вотъ ты, моя фіялка, знай и вѣдай, что съ этими чопорными барынями всегда глупый конецъ. Или дуракомъ по свѣту пустятъ, или мужъ полѣномъ колѣнки перешибетъ.... Первое на лицо; второе въ перспективѣ.... Ну, да нашихъ не тронь! У бѣлобрысой тыквы я физіономію испорчу; у меня съ нимъ длинный счетъ: за Пашу, за тещу, за эксбукетъ, за Култуса....

Орлей молчалъ; но Ивановъ не утерпѣлъ—спросилъ:

— А теща тутъ что?

— Тещу оставимъ на-послѣ. Заразъ жирно будетъ! Да и Култусъ вѣдь не каждый день пьянъ, и пьяный не все вдругъ разболтаетъ, и Маріанна, по незнанію, слушала такъ себѣ, безъ инструкціи; а вотъ при слѣдующей оказіи она его за языкъ уже по моимъ нотамъ потянетъ.... Одно пока скверно, если правда, что Петронилла проболталась, будто парфюмеръ съ нею заодно....

Всѣ трое вопросительно взглянули на Мануйку.

— Да чего хочется этой фуріи? заревѣлъ Орлей, топнувъ ногою.—Если знаешь, Мануйко, молчать грѣхъ, нехорошо....

— Бабьи глупости! польскій патріотизмъ! отвѣчалъ Мануйко, вертя гитару.—Ей не хочется видѣть сестру замужемъ за русскимъ....

— Ну?

— Что ну? въ смущеніи сказалъ Мануйко, вставъ и бросивъ гитару. — Что мнѣ теперь жалѣть ее? Во что бы то ни стало, а она поклялась разстроить свадьбу.... Паша, не сердись на меня. Мнѣ слѣдовало давно тебя остеречь. Ну, да ты самъ влюбленъ, самъ знаешь, какъ трудно измѣнить тому, кого такъ любишь.... Богъ съ нею! Теперь все кончено!...

— Кончено? перебилъ Ступачевъ. — Нѣтъ, погоди! Я не губная помада: не растаю! Я ее доконаю. Пусть протори и убытки заплатитъ.... Я знаю что дѣлать.

— Однако, какъ подумаешь, что за дурацкій патріотизмъ! замѣтилъ Орлей.

— Патріотизмъ! Вретъ баба! Дѣло явное! Собака на сѣнѣ. Она сама въ Пашу по уши втюрилась. Не мнѣ, такъ никому!... Ну, да мы разсчитаемся!...

— А какъ мы съ тобою разсчитаемся, Ступачевъ? Вѣдь ты всю эту исторію раскрылъ и распуталъ.

— Благодарите Маріанну: безъ нея что узнали бы мы?

— Проклятый Култусъ! Погоди же! И я не промахъ!... Ушлютъ его далече! замѣтилъ Орлей.

— Что вы, что вы, ротмистръ! Покорно васъ благодаримъ за одолженіе. Вѣдь его безъ дочери и Маріанны не сошлютъ. Вотъ будетъ примѣрная благодарность!

— Панъ-президентъ пріѣхалъ — сказалъ Пугачевъ въ дверяхъ.—Проситъ борщу кушать....

— Вотъ тебѣ разъ! Что такъ рано?

— Какое рано! Это мы съ „резедой“ провозились! Скорѣе одѣваться, а то панъ-староста съ голоду завоетъ... А на счетъ Култуса, Михайло Иванычъ....

— Не бойся! Свой своему по неволѣ другъ. Хорошо, что остерегъ; а то я упекъ бы его....

Послѣ обѣда, по обыкновенію, всѣ пошли въ садъ. Закурили сигары, расположились подъ тѣнью густыхъ липъ, кофе пили. Ступачевъ затѣялъ длинную исторію про медвѣдя съ однимъ ухомъ. Панъ-президентъ стоялъ на томъ, что онъ такъ и родился. Ступачевъ увѣрялъ, что охотникъ отрубилъ ему одно ухо для мѣтки. Спорили. Ступачевъ горячился, панъ-президентъ подтрунивалъ, а, между тѣмъ, обѣ дамы съ обоими постоянными своими кавалерами пошли гулять по тѣнистымъ аллеямъ жеребовскаго сада. Обѣ пары старались выиграть выгодное и безопасное разстояніе.

— Какъ угодно—сказалъ Ивановъ, очевидно послѣ продолжительнаго разговора—а мнѣ грустно видѣть разладъ въ семействѣ. Вотъ уже три недѣли прошло, а пани Петронилла ни разу не посѣтила матери и нѣжно любимой сестры. Неужели чувство ненависти къ русскимъ такъ глубоко сидитъ въ сердцѣ полекъ?...

— Одна не всѣ, отвѣчала Аврелія.

— Значитъ, пани Петронилла исключеніе?

— И того не думаю. Панны визитки отреклись отъ всѣхъ

удовольствій этого міра, а между ними много молодыхъ. Нельзя жить такъ, ттобы ничего не любить на этомъ свѣтѣ съ горячностію, съ увлеченіемъ. Для этого у визитокъ осталась отчизна....

— Да вѣдь она пока и у всѣхъ есть!...

Аврелія вздохнула.

— Была — тихо прошептала она — но вы ее у нась отняли....

— И возвратили....

— И опять отняли....

— Извините! Въ этотъ разъ вы сами потеряли.... Польша процвѣтала, богатѣла. Свой языкъ, свои законы, свое войско, все свое. О религіи и говорить нечего. Никто ее и трогать не думалъ. Но Чарторыйскому захотѣлось быть королемъ, Лелевелю—консуломъ, и счастіе Польши опрокинуто.

— Нѣтъ, не потому; а потому, что братъ захотѣлъ быть не братомъ, а вотчимомъ.

— И это не причина.... Причина та, что въ душѣ и того и другаго брата не было братской любви.

— Вотъ это такъ! Вамъ, правда, не за что было и любить насъ, а намъ и подавно....

— Согласитесь однако, что все это предубѣжденіе, предразсудокъ....

— А кто его уничтожитъ?...

— Время.

— Долго ждать....

— Неужели вражда между двумя родными народами должна стоять вѣчная?

— Не дай Боже!

— Значитъ, вы не врагъ русскимъ....

— Да я-то что! меня не спросятъ....

— А если бы спросили?...

— Я сказала бы, что у Бога нѣтъ ни русскихъ, ни поляковъ....

— Аврелія! Это моя религія....

— За то васъ всѣ такъ любятъ и уважаютъ....

— И вы?...

— Да что я!...

— Что вы для меня?... О, какъ жаль, что вы не читаете по-русски....

— Вы однако выучились читать и писать по-польски.

— Такъ что же изъ этого?

— То, что и другіе могутъ подражать вамъ.

— И вы дали себѣ трудъ....

— Не смѣйтесь! Печатное я уже кое-какъ разбираю. Дайте мнѣ вашу книгу: я стану читать, а чего не пойму, у васъ спрошу.

— То-то и бѣда, что это не книга, не печатное, а просто письмо....

— Жаль! Впрочемъ, вы сами можете прочесть мнѣ....

— Недостанетъ смѣлости.

— Немножко обидно.

— Но если это письмо должно рѣшить счастіе всей моей и вашей жизни...

— Вы меня пугаете, мосье Поль! Какимъ образомъ я могла попасть въ это письмо? Теперь уже не любопытство заставляетъ просить васъ: не скрывайте отъ меня письма. Оно съ вами?

— Со мною.

— Я никогда не замѣчала въ васъ робости, а теперь...

— А теперь я стою на кратерѣ....

— И меня туда же втащили! Вотъ кстати скамеечка.... Сядемъ.... Читайте. Отъ кого письмо?

— Отъ моего отца.

— Начинайте....

Ивановъ сталъ читать. Первый періодъ письма, какъ извѣстно, объяснялъ все, и потому на первой же точкѣ Аврелія остановила чтеніе.

— Я не самолюбива, Поль! Я теперь все понимаю. Прежде, чѣмъ сказать мнѣ, вы рѣшились признаться отцу. Честно! Отецъ старше невѣсты, но, Поль, не старше жены. Я ревнива, Поль!

— Божественная Аврелія!...

— Ради Бога, не употребляйте такихъ святыхъ титуловъ. Далъ бы Богъ быть мнѣ земною женщиной, но какъ слѣдуетъ....

— Несравненная Аврелія! Ты будешь образцомъ жены, матери и всемірной гражданки. Сбылось мое счастіе!

— И мое тоже! Я полюбила васъ, Поль, съ перваго взгляда; но, признаюсь, сначала я боялась васъ.

— Ахъ, Аврелія! Когда я писалъ отцу и просилъ его благословенія, я былъ еще очень далекъ отъ рѣшительной мысли жениться,

— Могу ли спросить о причинѣ?

— Взгляну на васъ, и тайный голосъ шепчетъ мнѣ: это судьба твоя. Отойду и стану разсуждать: полька, воспитанница паненнъ визитокъ! Дѣло невозможное! Для нея, кромѣ поляковъ, нѣтъ людей на свѣтѣ. Взгляну опять на васъ — глаза, лицо, все существо ваше говоритъ мнѣ: не правда, Поль! за что меня обижаешь? я превыше всѣхъ предразсудковъ! Такъ и случилось. Письмо отца на минуту смутило мои убѣжденія.... Я желалъ бы дочитать его вамъ.

— Я слушаю съ жадностію...

Ивановъ сталъ опять читать и труднѣйшія фразы пояснялъ польскими словами-

— Все? спросила Аврелія.

— Все!

— Поль, какой у насъ будетъ чудесный отецъ!...

XII.

Вечерѣло. Всѣ собрались въ большую залу, гдѣ поданъ былъ самоваръ съ принадлежностями и à la suisse холодная закуска. На фортепьянахъ горѣли свѣчи. Недоставало Иванова и Авреліи. И они скоро пришли, но съ такими торжественными, восторженными лицами, что не только опытная пани Матильда, а и отецъ и гусары, за исключеніемъ Мануйки, догадались въ чемъ дѣло. Молодая чета примѣтно искала случая переговорить поскорѣе — Ивановъ съ паномъ-президентомъ, Аврелія съ матерью. Но, какъ на бѣду, панъ-президентъ усѣлся съ Мануйкой въ szachi (играть въ шахматы), а Орлей не отходилъ отъ стола, за которымъ сидѣла пани Матильда. Ступачевъ никому не мѣшалъ, потому что всеусерднѣйше занимался разборомъ сельской закуски. И ветчина, и творогъ со сметаной, и бигосъ съ уксусомъ, все это укладывалось въ одинъ и тотъ же желудокъ и поливалось венгерскимъ.

„Просто рай эта Польша! подумалъ Ступачевъ, вонзая вилку въ холодное жаркое.—Вонъ индюшка, словно миндалями кормленая; а моя-то индюшка—Маріанна? Шельма Култусъ малиной со сливками ее выкармливалъ. А Зося? А? Подростетъ,

будетъ зѣлье: дурмана не нужно.... белладона шельма, белладона! только еще въ бутончикѣ. А впрочемъ и теперь уже смекаетъ, плутовка, гдѣ раки зимуютъ. Какъ долго глядитъ на меня, такъ и загорится, глазки такъ и забѣгаютъ.... Эхъ, жизнь наша походная! Не доживешь на одномъ мѣстѣ, пока Зося на пору придетъ. Ну что за бѣда! На то Польша! Вездѣ есть Юзи, Зоси, Маріанны! Унывать нечего! Посмотрѣть бы лучше что вечеромъ дѣлаютъ пчелы? А что, въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны, не удалось ни разу ходить въ атаку. Чай дома? Попробую прогуляюсь. Барыни, вѣрно, за мое отсутствіе не разсердятся. Еще спасибо скажутъ!...“

И Ступачевъ, пропустивъ еще стаканъ венгерскаго, вынулъ здоровую сигару и, твердо помня мѣстный обычай: не курить при дамахъ въ комнатахъ, вышелъ на балконъ, вынулъ серебряную спичечницу, закурилъ и отправился.

— Вотъ тебѣ и законный предлогъ: курить захотѣлось! сказалъ онъ со смѣхомъ, поворачивая на пасѣку.—Да! А если пчелы табачный дымъ заслышатъ? Дорого прогулка обойдется!

И, не доходя до пасѣки нѣсколько шаговъ, бросилъ сигару въ траву.

— Такъ и есть! Шельма дома. Иллюминація! Бражничаетъ проклятый до подушки! Поглядимъ, полюбуемся!

Подошелъ Ступачевъ къ окну старой „альтаны“—какой-то хустой завѣшено; подошелъ къ другому — та же исторія. Прислушался — женскій смѣхъ.

— Дуэтъ! Третьяго, баса-то, не слышно! видно, уже готовъ. А постучу я въ окно. Ночь зги не видно. Выскочитъ чучело, я его приму въ братскія объятія, задамъ потасовку, отколочу—и слѣдъ простылъ. Право, отличный случай. Давно руки чешутся!

И Ступачевъ легонько постучался въ окошко. Смѣхъ затихъ; огни погасли.

— Это что за притча?

Постучался во второй разъ — молчаніе; постучался въ третій — дверь скрыпнула.

— Лѣзетъ уродъ! Какъ бы его на полянку выманить: тузить просторнѣе.

Но черезъ полуотворенную дверь послышался робкій женскій голосъ:

— Кто тутъ?

— Панъ Култусъ дома? спросилъ не своимъ голосомъ Ступачевъ.

— Уѣхалъ.

— Куда?

— Не наше дѣло.

— Маріанна—сказалъ шепотомъ Ступачевъ, подходя къ самой двери — да вѣдь это я!

— Тс.... Зося не спитъ. А зачѣмъ тебѣ Култусъ? громко продолжала Маріанна.

— Пани-президентова приказали позвать его, говорилъ также громко Ступачевъ не своимъ голосомъ. — А коли Култуса нѣтъ, пусть кто-нибудь придетъ: дѣло нужное.

— Да кто же пойдетъ? Зося, ступайте вы?

— А пусть меня Господь Богъ бережетъ—ни за что! Ступай ты, Маріанна! Ты же кстати еще не раздѣвалась и лѣсныхъ духовъ не боишься.

— Ну я, такъ я!... Доложи, что сейчасъ буду....

Черезъ минуту Маріанна уже была въ тѣнистой алеѣ, что за пасѣкой, на той самой скамейкѣ, на которой рѣшилась судьба Иванова и Авреліи.

— Что это за лѣсные духи? спросилъ Ступачевъ, лаская Маріанну.

— Это панъ Култусъ насъ съ Зосей пугаетъ.

— И Зося вѣритъ?

— Ахъ, ужь какая мнѣ съ нею бѣда, сказать не умѣю. Легковѣрная изъ рукъ вонъ: скажите ей, что у ней мыло во рту, плевать станетъ. Что изъ нея будетъ!

— Будетъ красавица, выйдетъ замужъ и точно такъ же будетъ обманывать мужа и любовниковъ, какъ и другія.

— А что же вы не спрашиваете, куда Култусъ уѣхалъ?

— Ты сказала, что не знаешь.

— То при Зосѣ, а для васъ какъ не знать! Поѣхалъ въ городъ, къ пану Дзвигачу, съ рапортомъ.

— Съ какимъ рапортомъ?

— А вотъ видите: часа два тому назадъ, на этой самой скамейкѣ сидѣла паненка наша съ хорошенькимъ офицеромъ, а панъ Култусъ черезъ пасѣку пробрался, вотъ въ этихъ кустахъ умостился, что за нашей спиной. Что тутъ было — не знаю, только панъ Култусъ прибѣжалъ, запыхавшись, въ „альтану“,

надѣлъ городское платье и шляпу, сѣлъ на своего *драпача* и рысью побѣжалъ полемъ....

Такое важное извѣстіе слѣдовало сообщить тотчасъ же по принадлежности; но Ступачевъ воротился на барскій дворъ тогда уже, когда не только панъ-президентъ уѣхалъ, но и ворота были заперты. Для Ступачева не существовали, впрочемъ, ни замки, ни запоры. Онъ опять отступилъ въ садъ, на пасѣку, несмотря на темную ночь, въ непроходимой на взглядъ гущѣ запущеннаго сада нашелъ устроенный имъ самимъ путь сообщенія, благополучно переправился черезъ стѣну и, замѣтивъ черезъ сердце, вырѣзанное въ ставнѣ, что у Орлея еще горитъ свѣтъ, прямо туда. Къ удивленію и удовольствію Ступачева, ротмистръ и штабсъ-ротмистръ сидѣли за столомъ; передъ ними— два бокала и бутылка шампанскаго.

— Ого! значитъ я кстати!

— Ты откуда?

— Изъ лѣсу.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— Бесѣдовалъ съ лѣсными духами. Премилые и разговорчивые!

— Что же ты узналъ отъ нихъ новенькаго?

— Дайте горло промочить: смерть жажда мучитъ.

— Гдѣ ты это такъ испачкался?

— При переходѣ черезъ Альпы. Дуракъ Онуфрій ворота заперъ. За такую неисправность четвертакъ изъ жалованья вычту.... Ну, что Паша? Поздравляю!

— Съ чѣмъ?

— А на скамеечкѣ? Благополучно покончили?...

— Я отъ тебя и не намѣренъ былъ скрывать моей радости. Но вотъ что, любезный Ступачевъ: отецъ, мать, дочь, ротмистръ и я на домашнемъ совѣтѣ рѣшили нѣкоторое время держать все въ секретѣ, чтобы не узнала Петронилла, и объявить, когда все будетъ готово къ свадьбѣ.

— Благоразумная предосторожность; жаль, что запоздалая.

— Мануйко не знаетъ.

— Да еслибъ и зналъ, не скажетъ; а Култусъ?

И Ступачевъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Какая досада! сказалъ Ивановъ, вставая. — Что теперь дѣлать?

— Выпить еще бутылку шампанскаго: авось поумнѣемъ, что-нибудь придумаемъ.

— За этимъ дѣло не станетъ.

— Мой совѣтъ: идти ротмистру сейчасъ на барскій дворъ, достучаться, просить у пани президентовой формальной аудіенціи, доложить, какая опасность угрожаетъ королевству жеребовскому.

— Нѣтъ, такъ не годится: на всю околицу сплетни подымемъ. А честь дома Жеребовцевъ теперь уже и моя, прибавилъ Ивановъ.

— Значитъ, одной бутылки мало! Велите еще бутылочку откупорить,

— Этимъ меня не удивишь. Хотя дюжину, лишь бы что-нибудь выдумать.

— Фу, какая славная бутылка! съ морозомъ! такъ и щиплетъ.... Вся сила въ томъ, чтобы предупредить пани Матильду; а она уже обдѣлаетъ....

— Какъ же ее предупредить?

— А вотъ какъ. Завтра утромъ, пока не кончитъ туалета, пани Матильда и старой бабы не приметъ, не только посторонняго, ни мужа, ни дочери въ уборную свою не пуститъ. Значитъ, надо письмо написать, вотъ, а peu-près, такъ: „Култусъ—шельма. Сегодня ночью бѣгалъ на *драпачъ* въ городъ и донесъ о нашей резолюціи. Рапортуемъ для свѣдѣнія и распоряженія....“

— А кто же передастъ письмо?

— Я.

— Какимъ образомъ?

— Чортъ васъ побери! Вы всѣ мои секреты повытаскаете. Ну, да для милаго дружка и сережку изъ ушка!... Что, есть тамъ еще на погребѣ холодненькое?...

— Не повредило бы тебѣ, голубчикъ Ступачевъ, замѣтилъ съ нѣжностію Ивановъ.

— Ну, не надо.... Довольно! Вѣдь завтра я долженъ чуть-свѣтъ встать, чтобы не прозѣвать, когда Юзя на садовомъ балконѣ юбки станетъ выколачивать....

— Юзя, горничная пани Матильды? Это, Ступачевъ, что-то новое?...

— Новѣйшее, такъ себѣ, мимоходомъ! Я, знаешь, по утрамъ лечусь, минеральныя воды пью, гуляю.... Нечаянно

наткнулся!... Ну да не ваше дѣло!... Юзя подастъ письмо пани Матильдѣ, а секрета ни вашего, ни своего не выдастъ. Это тонкая штука—на барыню насмотрѣлась....

— Ступачевъ, зачѣмъ всѣхъ трогать?...

— Виноватъ, Паша! Ну, садись, пиши письмо; а то засплю....

— Но когда пани Матильда узнаетъ, какимъ путемъ мы провѣдали, что будетъ съ бѣдной Маріанной?...

— Э, Паша! а сама-то она святая что ли? Вѣрь мнѣ, найдетъ оказію—Маріаннѣ подарочекъ пожалуетъ. Ты, братъ, Паша, знаешь человѣческую голову какъ свои пять пальцевъ, а въ сердцѣ человѣческомъ ни бельмеса не смыслишь.... Женщина не сердится, если самой хорошо и некому завидовать.... Пиши!

На другой день Юзя подала письмо, когда барыня еще лежала въ постели. Пани Матильда, взглянувъ на письмо, встрепенулась какъ молодая дѣвушка. Знакомая облатка слетѣла. Она съ жадностью прочла и расхохоталась.

„Какая у меня отличная полиція“, подумала она.—Нельзя нѣжиться! Надо поспѣшить туалетомъ.... Сегодня гости рано пріѣдутъ....“

И точно, далеко до полудня, пани Матильда уже гуляла съ Авреліей по тѣнистымъ алеямъ, какъ вдругъ раздался стукъ экипажа на мощеномъ дзѣдзинцѣ. Мать и дочь обмѣнялись взглядами и улыбкой.

XIII.

— Кохана мамо! Такъ запѣла пани Петронилла въ залѣ, бросаясь въ объятія матери. — Вы вѣрно сердитесь, что мы такъ долго не навѣщали васъ. Ужасъ сколько хлопотъ съ новымъ хозяйствомъ! Станиславъ просто не выходилъ изъ кабинета. То бумаги, то мастеровые.... Нашъ домъ въ деревнѣ просто игрушка. Но теперь, слава Богу, все кончено, и мы поспѣшили къ вамъ, чтобы узнать и условиться, когда вы можете пріѣхать погостить къ намъ....

Пани Матильда побагровѣла съ досады, но, взглянувъ на Аврелію, опомнилась. Величественная, важная, покойная, она казалась и ростомъ выше и лицомъ краше; кротость была написана на ея античномъ лицѣ, а между тѣмъ, это выраженіе

лица имѣло глубокій смыслъ: оно дышало чувствомъ презрѣнія....

— Не знаю, скоро ли намъ удастся — отвѣчала Матильда съ принужденнымъ спокойствіемъ — побывать въ вашемъ очаровательномъ Бабиловѣ. У насъ и у самихъ дѣла пропасть.... Но подумаемъ, потолкуемъ съ мужемъ. Вы, конечно, проведете весь день съ нами. Не съ визитомъ же пріѣхали! Боюсь только за пана Станислава: скучать будетъ. Впрочемъ, можно послать за вашимъ фаворитомъ: панъ Станиславъ любитъ съ нимъ играть въ шахматы....

— Зачѣмъ? Въ присутствіи нашей очаровательной мамаши не можетъ быть скуки, возразилъ панъ Станиславъ.

— Лесть позволительна обожателю, но ни въ какомъ случаѣ зятю. Вотъ за что я люблю нашихъ гусаровъ. Мануйко исключается. Никогда отъ нихъ не слышу лести и откровенно говорю, очень жалѣю, что они должны перемѣнить квартиры.

— Какъ? гусары отсюда выходятъ? спросила Петронилла.

— И очень скоро. Но это секретъ, Нила! Они и сами еще не знаютъ. Мнѣ пишутъ изъ Варшавы....

— На ихъ мѣсто вѣрно пришлютъ другую экзекуцію, мрачно замѣтилъ Дзвигачъ. — Когда-то мы совсѣмъ избавимся отъ этихъ непрошеныхъ гостей?

— Когда вы въ Парижѣ сформируете польскую армію и освободите насъ отъ пріятной опеки москалей....

— За этимъ дѣло не станетъ! Петронилла не соглашается, а мнѣ даже совѣстно передъ товарищами. Сижу здѣсь, ничего не дѣлаю, когда великій трудъ только-что возникаетъ, когда истинные патріоты кладутъ прочное основаніе новому порядку.

— Полноте морочить, пане Станиславе! Видѣли мы вашъ порядокъ: и до сихъ поръ Польша не можетъ оправиться отъ патріотическихъ подвиговъ героевъ тридцатаго года....

— Еще бы ей оправиться подъ обухомъ Москвы! Впрочемъ, по дѣломъ намъ! У кого нѣтъ сыновняго чувства, зачѣмъ тому мать?

— Вотъ что правда, то правда! Это мы на опытѣ видимъ.

— Гнилая Польша! гнилыя дѣти! Этой Польши намъ не нужно....

— Опять правда: французская Польша для французовъ лучше....

— Вы все шутите, пани Матильда, а будете плакать....

— И весьма вѣроятно, но не по милости москалей, а по милости лукавыхъ друзей Польши. Вы только ножны, а ножъ чужой.... Но довольно этой политики.

Наступило молчаніе. Петронилла, а за нею Аврелія подошли къ фортепьяно.

— Ну что, Аврелія, играешь что-нибудь новенькое?...

— Учу прекрасную фантазію на русскія темы, но еще не кончила.

— А мнѣ сказали, что ты ее разыграла въ совершенствѣ.

— Разыгрываю, ты хотѣла сказать; говорятъ, недурно.

— Надѣешься скоро кончить?

— Какъ Богъ дастъ....

— Реля! И отъ сестры ты стала таиться! Мнѣ все извѣстно. Ты будешь самая несчастная жена. Русскіе будутъ смотрѣть на тебя какъ на пріемыша, поляки какъ на измѣнницу...

— Лишь бы родные—вотъ и ты Нила—смотрѣли на меня какъ слѣдуетъ.

— Я полька.... и всегда буду мнѣнія всѣхъ, всѣхъ поляковъ....

— Жаль, а нечего дѣлать....

— Значитъ, слово дано?

Аврелія помолчала, потомъ спросила тихо:

— Скажи, Нила, если бы Ивановъ посватался за тебя прежде, ты не предпочла бы его Дзвигачу?...

Неожиданный вопросъ такъ смутилъ Петрониллу, что она покраснѣла по уши.

— Какой глупый, неприличный вопросъ!...

— Полно, Нила! Есть чувства, которыхъ нельзя спрятать....

— Ты хочешь оправдать унизительное чувство! Стыдись, Реля!...

— Я горжусь имъ!

— Съ тобой говорить не стоитъ. Чисто сумасшедшая!...

Петронилла отошла, чтобы не сказать отскочила, и усѣлась возлѣ матери.

— А ты, пане Станиславе, не поздравлялъ Рели?

— Съ чѣмъ?

— Выходитъ замужъ.

— За кого?

— За москаля Иванова!...

— У тебя, Нила, иногда такія странныя шутки!... Кто тебѣ сказалъ?

— Сама Реля....

— Она пошутила, а ты и повѣрила! Дочь Жеребовцевъ и Короньскихъ не можетъ забыться до того, чтобы выйти замужъ за врага нашего, врага отвѣчнаго, непримиримаго, съ которымъ одинъ конецъ—бой кровавый на жизнь и смерть, на что уже и рѣшилась вся Польша. Онъ сватается не по сердцу, а по инструкціи. Имъ всѣмъ приказано жениться на полькахъ, чтобы отнять у насъ главную опору, главную силу: воспитаніе дѣтей въ честныхъ и святыхъ правилахъ любви къ несчастной отчизнѣ. Чего казаки, и тѣ на полькахъ безпрестанно женятся. Позоръ—и только! Но пусть бы себѣ прачки, горничныя, бѣдныя шляхтянки, по нищенству, увлекаясь будущимъ значеніемъ и довольствомъ, падали жертвой московской системы нашего окончательнаго порабощенія, а то великолѣпная дочь Жеребовца, яркая звѣзда на польскомъ небѣ, не панна Аврелія, а блистательная Аврора новой Польши....

Пани Матильда расхохоталась.

— Комедіянты! комедіянты! сказала она, съ трудомъ удерживая смѣхъ.—Намъ, право, обидно, что вы такъ много разсчитывали на ваше краснорѣчіе и на наше слабоуміе. Мы знали образъ мыслей пана Дзвигача и не хотѣли объявлять вамъ о нашей радости прежде времени; но письмо изъ Варшавы заставляетъ насъ ускорить развязкой... Свадьба въ воскресенье. Милости просимъ. Вѣнчаться будутъ въ полковой походной церкви, а потомъ въ каѳедральномъ костелѣ... Слово дано... Мы щадили ваши рогатыя мнѣнія; просимъ того же уваженія къ нашему рѣшенію. Не нравится, оставьте ваше неудовольствіе для себя, а мы съ Релей весьма довольны....

„Особенно ты“, подумалъ Дзвигачъ, насупясь, и отошелъ къ окну, а Петронилла, сидя на стулѣ и вся красная, адски улыбаясь, щипала батистовый платокъ.... Въ такомъ расположеніи застали сцену панъ-президентъ и вслѣдъ за нимъ вошедшіе гусары.

— Я очень рада—сказала Матильда—что всѣ вы собрались сюда. Позвольте раздѣлить съ вами нашу радость. Аврелія и Поль—женихъ и невѣста, свадьба въ воскресенье.

— Несравненная пани Матильда! какъ вы добры.... сказалъ Ивановъ, цѣлуя ея руку.

— Задала она имъ оплеуху.... шепнулъ Мануйко Ступачеву.

— Погоди, погоди, не то еще будетъ! отвѣчалъ тотъ и, поздравивъ жениха и невѣсту, подошелъ къ пани Петронил-лѣ.—Позвольте поздравить и васъ....

— А меня съ чѣмъ?...

— Съ такимъ кузеномъ: красавецъ, умница! Весь въ талантахъ, какъ фельдмаршалъ въ звѣздахъ.... Говоритъ — манна небесная, такъ на языкѣ и таетъ; пишетъ—просто паровая машина работаетъ, перо визжитъ. Сердцемъ — ангелъ, умомъ—колдунъ....

— Ахъ Боже мой! да мнѣ-то какое дѣло? Вы разсказали бы лучше этотъ панегирикъ невѣстѣ.

— Знаетъ! наизустъ знаетъ! Впрочемъ, и Мануйко у насъ славный офицеръ, съ большими способностями. Бѣдняга болѣнъ былъ.

— Панъ Мануйко?

— Да, сильно былъ болѣнъ.

— А я и не замѣтила.

— А мы всѣ замѣтили и очень жалѣли такого достойнаго товарища. По счастію, все миновалось. Далъ намъ слово, что больше не захвораетъ.

— Онъ надѣется, конечно, на перемѣну воздуха. Вы куда отсюда переходите? Въ Россію или останетесь въ Польшѣ?

„Что за притча — подумалъ Ступачевъ — должно быть, матушка штучку подбросила.“—Не знаю, право—продолжалъ онъ громко — Пашѣ, говорятъ, дадутъ нашъ эскадронъ, и мы съ нимъ перейдемъ въ какое-то мѣстечко или деревню Вавилокъ, что ли?

— Не можетъ быть! воскликнула въ ужасѣ Петронилла.

„Ага попалъ.“—Точно такъ, Вавилокъ, Бабилокъ. Именно! А Орлей останется здѣсь; къ нему перейдетъ первый эскадронъ....

Петронилла уже не слушала Ступачева, встала, подошла къ мужу и начала съ нимъ шептаться.... Шумно-весело было за обѣдомъ. Пани Петронилла притворялась великолѣпно; но Дзвигача ужасно безпокоилъ Ступачевъ. Онъ, можно сказать, не спускалъ съ него глазъ; улыбка, мудреная, многознаменательная, не сходила съ лица его. Такъ какъ они сидѣли почти

vis a vis, то Дзвигачъ не зналъ куда и смотрѣть, наконецъ не выдержалъ:

— Вы вѣрно хотите мнѣ что-нибудь сказать?

— Теперь нѣтъ. А послѣ, можетъ быть.

— Отчего же не теперь? Кажется, между нами нѣтъ секретовъ.

— Какъ знать.... Послѣ.... послѣ....

Едва встали изъ-за стола, какъ Дзвигачъ исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился. Спустя четверть часа подъѣхала нарядная коляска четверикомъ *съ бича*. Дзвигачъ и пани Петронилла встали, распростились: Дзвигачъ сухо, Петронилла нѣжно. Мануйко выдержалъ характеръ: даже на прощаньи не взглянулъ на пани Петрониллу. Провожали гостей въ коляску Ивановъ и Ступачевъ. Петрониллѣ помогъ сѣсть въ экипажъ Ивановъ. Та сухо кивнула только головкой. Въ это время Ступачевъ сказалъ тихо Дзвигачу:

— Я хотѣлъ съ вами перекинуть слова два; ну да пусть ужъ на той недѣлѣ. Теперь некогда: свадьба....

Бичъ щелкнулъ; коляска покатилась.

— Польская армія разбита — сказалъ Ступачевъ съ хохотомъ — и обратилась въ бѣгство!

— Эхъ, братъ — отвѣчалъ мрачно Ивановъ — а мнѣ все какъ-то грустно! Конечно, безъ вины, а все-таки мы ихъ огорчили....

— Сахарное у тебя сердце! Ну, ихъ! Я еще не такъ собираюсь огорчить бѣлобрысую тыкву.

Воротились въ залу. Пани Матильды не было. Но за то у дверей, сложившись въ почтительную, самосмиреннѣйшую фигуру, стоялъ панъ Култусъ.

„Эта мохнатая рожа зачѣмъ тутъ? подумалъ Ступачевъ.— Ужъ не пришелъ ли на меня жаловаться?“—Но присутствіе Култуса вскорѣ объяснилось. Вошла пани Матильда съ бумагами въ рукахъ.

— Пане Култусъ! сказала она такъ покойно, такъ безстрастно, какъ будто ее не тревожило и малѣйшее подозрѣніе.—Я имѣю къ вамъ большую просьбу.

„Вотъ тебѣ и удружила! подумалъ Ступачевъ и невольно придвинулся къ Матильдѣ.—Бумаги въ рукахъ, личина точно маскарадная! Дѣло плохо! Хочетъ благовидно согнать его со службы. Пропала моя головушка!“

— Извольте приказывать, отвѣчалъ Култусъ, согнувшись, будто аистъ надъ лужей пить собирается.

— Панъ Култусъ человѣкъ дѣятельный и распорядительный — продолжала пани Матильда — онъ сегодня же, не теряя времени, поѣдетъ въ Варшаву.

„Какъ? Что? Не гонитъ со двора, а посылаетъ въ Варшаву?“ прошепталъ Ступачевъ. — Култусъ не слышалъ; но отъ пани Матильды не укрылась выходка Ступачева: улыбка, какъ молнія скользнувъ по лицу, исчезла, и пани продолжала:

— Вотъ подробный реестръ *справункові* (покупокъ); даже магазины означены, гдѣ что купить слѣдуетъ. Деньги онъ получитъ отъ нашего главнаго коммиссіонера Лейбы Страфаловича, которому я пишу объ этомъ и обо всемъ что нужно.... Думаю, панъ Култусъ не откажетъ въ такомъ важномъ и трудномъ случаѣ. Сегодня понедѣльникъ. Къ воскресенью онъ можетъ воротиться. Но нельзя откладывать: надо ѣхать сейчасъ....

„Что, мохнатая рожа? попался? думалъ Ступачевъ, съ наслажденіемъ глядя на Култуса, который отъ такого неожиданнаго порученія выпрямился въ струнку, словно аршинъ проглотилъ. Блѣдный, встревоженный, онъ не зналъ что сказать.— Ну-ка, ложись! Отъ такой политики не отдѣлаешься! А я за тебя тутъ похозяйничаю!...“

— Милостивая госпожа — наконецъ заговорилъ Култусъ кротко, робко, жалобно—полевыя работы могутъ остановиться.

— Какія же теперь полевыя работы? Слава Богу, отсѣялись; до *косовицы* далеко; въ полѣ ровно нечего дѣлать.

„Что взялъ, разбойникъ? Это тебѣ не пана-президента надувать“, думалъ Ступачевъ.

— Позвольте хотя до завтра отложить поѣздку. Мнѣ надо распорядиться.

— Невозможно! перебила пани Матильда. — Панъ-президентъ самъ на это время займется хозяйствомъ.

— Разумѣется! подхватилъ президентъ, не видя въ распоряженіи Матильды никакой задней мысли.—У меня теперь времени довольно.

„Ну, кругомъ оборвали! Что-то онъ теперь запоетъ? Ухитряйся, куманекъ. Полюбуемся на твою удаль!“

— Я приказала дать вамъ — продолжала пани Матильда — мою вѣнскую маленькую коляску — экипажъ для дороги надеж-

ный; велѣла заложить четверикъ *шпаковатыхъ* (пѣгихъ). Въ три *попаса* вы уже въ Варшавѣ.... А вотъ, кажется, и лошади готовы....

Култусь поблѣднѣлъ какъ полотно, къ плохо скрываемому удовольствію Ступачева. Слова столпились во рту, мысли слились въ галиматью. Онъ былъ и смѣшонъ и жалокъ.

— Ну, ступай же Култусъ! сказалъ строго панъ-президентъ.—Скоро вечеръ. Впрочемъ, теперь луна свѣтитъ: можешь всю ночь ѣхать. Ступай же, говорю, а то скучно.

— Надо же хотя бѣлья захватить! промычалъ Култусъ. — Дай Богъ въ недѣлю воротиться!

— Такъ чего торчишь тутъ! Ступай, забирай что нужно и маршъ до Варшавы....

Пани Матильда отдала бумаги мужу, а сама ушла. Култусъ, нечего дѣлать, взялъ бумаги, взглянулъ жалобно на всѣхъ, особенно на Ступачева, и пошелъ домой, будто приговоренный къ смерти.... Но какъ удивился онъ, когда въ старой альтанѣ нашелъ Юзю, горничную Матильды.... Тамъ уже знали, что панъ Култусъ ѣдетъ въ Варшаву, и стали проситься, нельзя ли взять и ихъ: такъ много онѣ наслышались о прелестяхъ веселой столицы. Это нѣсколько успокоило Култуса. „Значитъ—подумалъ онъ—онѣ не въ комплотѣ. Это мнѣ такъ со страху показалось; а если разсудить, такъ въ самомъ дѣлѣ кого же и послать съ такими важными порученіями?“ Между тѣмъ, Маріанна съ необыкновеннымъ проворствомъ, съ помощію Юзи, уложила всѣ необходимыя для дороги вещи, безпрестанно утирая слезы.

— Перестань плакать, Маріанна! Вѣдь не въ Москву же я ѣду!

— Дорога не свой братъ. Мало что можетъ случиться!... А позволитъ панъ Култусъ фляжку старой водки?

— Я не пью. Ну, да на случай, заболитъ желудокъ.

— А венгерскаго? Я только полдюжины положила.

— Не пью. Ну, да про случай, придется какого-нибудь магазинщика поподчивать.

— Вотъ тутъ сахаръ и кофе, а тутъ хлѣбъ, колбасы, жареные цыплята.

— Напрасно, Маріанна, замѣтила Юзя.—Пани уже распорядилась. Пирожки, жареная дичь, ветчина.... все при мнѣ стали укладывать *до кòча*.

— Э, Юзя! свое вкуснѣе!

„Золотая женщина эта Маріанна“, подумалъ Култусъ и, забывшись, что тутъ торчитъ Юзя, обнялъ Маріанну.—За твою дочернюю службу задамъ тебѣ *цалуса.*

— Пора ѣхать! Понесемъ, Маріанна, вещи, а то пани станетъ сердиться.

— Ни за что! живо отвѣчала Маріанна. — Тамъ столько мужчинъ на дворѣ! Какъ только панъ Култусъ уѣдетъ, мы двери на крюкъ, да еще запоръ задвинемъ; въ окно не выглянемъ. Поскучаемъ, да за то панъ Култусъ привезетъ намъ изъ Варшавы....

— Ну, а что тебѣ привезти, Маріасю?

— Марцыпановъ.

— А тебѣ, Зося?

— И мнѣ марцыпановъ.

— И еще чего-нибудь? Ну, хорошо! хорошо! Не въ лобъ битый, и самъ догадаюсь.

— Ахъ, Господи! вскрикнула Юзя, схвативъ мѣшокъ съ венгерскимъ и какой-то узелокъ. — Вся компанія прямо сюда идетъ.

— Туда къ черту!... Прощай, Зося! Некогда хныкать. До свиданія!... Пусть шпаковатые отвѣчаютъ; а я ихъ жалѣть не стану: въ три дня исправлюсь....

И Култусъ схватилъ вязку съ платьемъ, сунулъ флягу съ водкой за пазуху, взялъ еще какой-то узелъ; Маріанна накинула на него плащъ и надѣла фуражку. Култусъ и Юзя встрѣтили компанію прямо противъ завѣтной скамейки. Ступачевъ чуть не закричалъ отъ удовольствія, увидѣвъ Култуса навьюченнаго разной поклажей.

— Весьма благодарна! сказала пани Матильда.—Я никогда не забуду такого примѣрнаго усердія. Счастливаго пути и скораго возвращенія!...

И Матильда съ Орлеемъ и Ступачевымъ повернули въ боковую алею.

— Пане Култусъ — сказалъ панъ-президентъ — вотъ что я вспомнилъ: я заказалъ въ Варшавѣ рѣзной алтарикъ. Полагаю, что готовъ. Лейба знаетъ. Если готовъ, вышли въ тотъ же день, какъ пріѣдешь, хотя на почтовыхъ. Непремѣнно вышли. До скораго свиданія!...

— Ну, этого нескоро дождется — съ улыбкой тихо сказала

пани Матильда. — Я его завалю порученіями! годъ, подлый шпіонъ, просидитъ въ Варшавѣ!...

Ступачевъ самодовольно сталъ крутить усы, собирался что-то сказать, но подошла остальная компанія.

„Шельма-баба! подумалъ Ступачевъ. — Не люблю я этихъ чопорныхъ, а ужь такъ и быть, за такую штуку поцѣловалъ бы ручку.... даже, куда ни шло, пожалуй, зажмурясь, чмокнулъ бы въ щечку....“

И Ступачевъ искоса посмотрѣлъ на пани Матильду. Случилось такъ, что и она въ это время взглянула на него весело и кокетливо.

„Шельма! не я буду, шельма! Знаетъ, все знаетъ. Слѣдовало Култуса по шеямъ со двора, а она, видишь, какой маневръ выкинула! Лафа здѣсь нашему брату. Просто рай—не Польша!“

XIV.

Въ субботу, утромъ, всѣ переѣхали въ городъ. Панъ-президентъ немало удивился, когда ему подали письмо отъ Дзвигача, а еще болѣе удивило его содержаніе письма. Онъ бросился къ женѣ; Матильда въ уборной стояла передъ зеркаломъ и поправляла испорченную дорогой прическу. Аврелія помогала ей.

— Невиданная, неслыханная дерзость! кричалъ панъ-президентъ.—Вотъ дурень запаленный!...

— Что тамъ такое?

— Дзвигачъ!... На, читай!

— Нѣтъ, ужь я не стану глазъ портить.... Потрудись самъ....

— Вотъ что пишетъ этотъ механикъ: „Я получилъ неожиданное извѣстіе, лучше сказать: приказаніе. *Онъ* и святыя обязанности, которыхъ вы понимать не хотите, зовутъ меня въ Парижъ.... Нѣтъ такихъ жертвъ, которыхъ бы я не принесъ нашему святому дѣлу. А потому, кромѣ васъ, никто не удивится, что я съ женой черезъ часъ уѣзжаю къ людямъ, потому что я привыкъ жить между людьми, а не между солдатами. Такъ какъ вашъ любезный швадронъ переходитъ въ Бабиловъ, то Аврелія можетъ располагать моимъ домомъ, экипажемъ, прислугой....

— Что за чепуха? перебила пани Матильда.—Я ничего не понимаю....

— А я такъ понимаю. Я слышала, какъ Ступачевъ подшутилъ надъ Нилой, произвелъ моего Поля въ эскадронные командиры и перевелъ на квартиру въ Бабилово.

— Теперь и я понимаю, съ печальной улыбкой сказала Матильда.—Когда же они уѣхали?...

— По разсчету, въ четвергъ....

— На третій день послѣ визита! И дальше ничего тамъ нѣтъ въ письмѣ? Ни поздравленія, ни пожеланія?...

— Дзвигачъ—болѣе ни слова!

— Хорошъ!...

— А! тутъ есть приписка Петрониллы: „Милая мамо! не сердись. Воля мужа. Релѣ посылаю поцѣлуй и поздравленіе. Пишите къ намъ въ Парижъ, на имя банкира Леви.“

— Глупая!... Впрочемъ, можетъ быть, я и не права. Въ такихъ болѣзняхъ Парижъ хорошее лекарство.... Перестанемъ толковать о пустякахъ. Своего дѣла пропасть. Ты послалъ на Жеребовецъ обойщика?

— Послалъ.

— Послѣ свадьбы мы долго тутъ жить не будемъ. Флигель Култуса будетъ очень мило отдѣланъ. Вы съ Полемъ будете жить совершенно отдѣльно. Я не хочу ничѣмъ стѣснять васъ. Но долго ли Поль останется съ нами? Я подшутила, будто полкъ переводятъ, чтобы имѣть законную причину ускорить свадьбой; но вѣдь это можетъ случиться и въ самомъ дѣлѣ.

На другой день весь городъ сталъ на ноги. Свадьба была съиграна по всѣмъ правиламъ мѣстныхъ обычаевъ. Описаніе ея вы можете найти въ любомъ польскомъ романѣ. Поздравленія и отвѣтные визиты продолжались болѣе недѣли. Наконецъ два великолѣпныхъ *цуга* лошадей, въ двухъ нарядныхъ каретахъ, отвезли стариковъ и молодыхъ на Жеребовецъ. Молодые взошли на свое вновь перестроенное, уставленное множествомъ цвѣтовъ крылечко, вступили въ свои собственныя комнаты, убранныя со вкусомъ и роскошью; потомъ Аврелія одна удалилась въ послѣднюю комнату, и тутъ ожидалъ ее самый отрадный сюрпризъ: высокій рѣзной алтарикъ закрывалъ дверь въ охотничьи комнаты, служившія сообщеніемъ съ большимъ домомъ, но такъ, что проходъ туда оставался свободнымъ. На малиновой бархатной мантіи, съ золотыми галунами и кистя-

ми, какъ обыкновенно рисуютъ на гербахъ, висѣлъ, вмѣсто щита, въ золотой рамѣ со стекломъ, образъ Почаевской Божіей Матери, раскрашенный подъ оригиналъ; кружевныя занавѣски были отдернуты; передъ алтарикомъ небольшой аналой; на немъ молитвенникъ въ серебряномъ, ярко-вызолоченномъ переплетѣ; у аналоя, на полу, подушка для колѣнопреклоненій и готическій стулъ съ высокой спинкой. Аналой, подушка, стулъ, все было обито такимъ же малиновымъ бархатомъ. Въ окнѣ разноцвѣтныя стекла. Но на всю эту изящную роскошь Аврелія въ первую минуту не обратила вниманія. Увидавъ свой дорогой образъ, она съ умиленіемъ протянула къ нему руки, медленно опустилась на колѣни и, заливаясь сладкими слезами, тихо произнесла:

— Пресвятая Дѣва!... благодарю!...

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Нелегко десять лѣтъ втиснуть въ нѣсколько словъ. Впрочемъ, въ этотъ довольно продолжительный промежутокъ ничего не случилось такого, что бы выходило изъ условій обыкновенной жизни и могло быть пригодно для нашего разсказа. Панъ-староста Жеребовецъ, по прежнему, оставался президентомъ въ томъ же городѣ; рѣже, но все-таки ходилъ на охоту на Глухой фольварокъ; домъ его всегда былъ полонъ гостей, хотя туда привлекала уже не красота матери и дочерей, а хлѣбосольство и удовольствія отборнаго общества. Администрація совершенно ополячилась. Русскихъ должностныхъ лицъ и въ поминѣ не было. Назначаемые къ провинціяльнымъ должностямъ чиновники напоминали Дзвигача и олицетворяли въ себѣ его пропаганду. Тенденція пана-президента оказалась перпендикулярно противоположною ихъ замысламъ, и общественное мнѣніе было въ конецъ изнасиловано ихъ проповѣдью. Пани Матильдѣ было уже сорокъ-шесть лѣтъ; но косметическіе секреты все еще продолжали фантасмагорію. Конечно, нельзя уже было назвать ее персикомъ, но на хорошее антоновское яблоко она все еще была похожа. Находились охотники до этого рода плодовъ и засматривались на нее не на шутку, въ особенности высокій, плотный, румяный кармелитъ Бонифаціо, новый духовникъ жеребовскаго дома. Дзвигачъ съ Петрониллой два раза пріѣзжали изъ Парижа, на самое короткое время. Во время пріѣз-

довъ, Петронилла жила у матери, въ охотничьихъ комнатахъ, соединявшихъ большой домъ съ флигелемъ Култуса. Флигель этотъ постоянно былъ запертъ; ключъ отъ него хранился въ карманѣ Жеребовца. Алтарикъ безъ образа и вся мебель оставались въ прежнемъ видѣ, какъ будто Ивановы только сегодня уѣхали. Изрѣдка, послѣ обѣда, президентъ отдыхалъ въ комнатахъ Рели. Петронилла съ большимъ удовольствіемъ замѣтила, что мамаша смотрѣла на москалей уже не такими снисходительными глазами, хвалила только превосходнаго своего зятя, а насчетъ прочихъ отзывалась неопредѣленно. Дзвигачу не сидѣлось на мѣстѣ: періодически, черезъ четыре года, посѣщая на короткое время родину, онъ шнырялъ по всей Польшѣ, заглядывалъ въ Галицію и Познань, проводилъ съ родными день, много два, и опять отправлялся на свои загадочныя экскурсіи. Ивановы цѣлыхъ два года прожили на Жеребовцѣ; ѣздили, правда, зимою въ Петербургъ, къ отцу, но ненадолго, потому что въ это время началась восточная война. Самъ отецъ требовалъ, чтобы сынъ отправился къ своему мѣсту; но едва они успѣли вернуться на Жеребовецъ, какъ войска, квартировавшія въ Польшѣ, должны были передвинуться на австрійскую границу, что было крайне непріятно для всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ.

Война, какъ извѣстно, плодитъ вакансіи, а военныя доблести открываютъ путь къ быстрому возвышенію людямъ способнымъ. Орлей успѣлъ получить соотвѣтственные чины и полкъ, гдѣ-то въ Бессарабіи; Ивановъ тоже получилъ сначала эскадронъ, потомъ командовалъ дивизіономъ и наконецъ, за особенныя отличія, назначенъ былъ командиромъ полка, въ которомъ началъ службу. Семейное счастіе его было невозмутимо. Онъ имѣлъ уже двухъ сыновей: Пашу и Мишу, восьми и шести лѣтъ, двухъ херувимчиковъ, которые, по странному сліянію выраженія хорошенькихъ лицъ, отцу живо напоминали мать, а матери—отца. Великолѣпную свою полковницу не только офицеры, но даже солдаты просто обожали. Въ деревнѣ, гдѣ былъ расположенъ полковой штабъ, полковница, обыкновенно въ восемь часовъ утра, садилась у открытаго окна съ дѣтьми и съ мужемъ къ чаю. Всѣ гусары, сколько ихъ въ той деревнѣ ни было, считали самымъ строгимъ долгомъ пройти мимо завѣтнаго окна и поклониться своей командиршѣ, такъ что она почти всѣхъ знала въ лицо.

Весною 1862 года, полкъ, которымъ командовалъ Ивановъ, былъ расположенъ въ тѣмъ же мѣстахъ, гдѣ мы впервые познакомилось съ нашими героями. Игра ли случая, или ходатайство Иванова, только для зимнихъ квартиръ полку Иванова былъ назначенъ тотъ же городъ, гдѣ начался нашъ разсказъ. Въ началѣ сентября штабъ расположился въ самомъ городѣ, Ступачевъ со своимъ эскадрономъ въ Жеребовцѣ, Мануйко, также со своимъ эскадрономъ, въ Бабиловѣ. Казалось, исполнились общія желанія; но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Панъ-президентъ хмурился, вздыхалъ, задумывался; въ черныхъ волосахъ его показалась сѣдина. Пани Матильда также была недовольна и при встрѣчѣ съ зятемъ и дочерью не обнаруживала особенной нѣжности. Обыкновенный разговоръ былъ перемѣшанъ съ загадочными намеками, страдалъ недомолвками. И Култусъ былъ недоволенъ, потому что Зосѣ минуло двадцать-два года: несмотря на свою замѣчательную красоту, она все еще не была замужемъ. Причина та, что и отецъ и дочь браковали жениховъ десятками, отецъ изъ фанаберіи, что у него дочь такая красавица, а дочь— странное дѣло—ни одинъ полякъ не нравился. Итакъ, всѣ были недовольны.... Виноватъ! Извѣстію о приходѣ на Жеребовецъ гусаровъ обрадовалась одна Маріанна. Она забыла, что ей уже было подъ сорокъ лѣтъ, что она расплылась и сдѣлалась цилиндрическою, въ родѣ кадушки съ масломъ, что отъ возни съ хозяйствомъ руки, когда-то пухленькія, стали точно деревянныя. Воспоминанія заиграли въ доброй, любящей душѣ ея, а когда, при вступленіи на квартиры эскадрона, Маріанна увидѣла Ступачева, которому тоже было подъ сорокъ, въ мундирѣ, на красивомъ конѣ, то расплакалась какъ ребенокъ. Çi-devant ребенокъ Зося надулась, а панъ Култусъ пришелъ въ истинное отчаяніе, никакъ не ожидая встрѣтить въ эскадронномъ командирѣ кума. На бѣду, въ то время, когда его выжили въ старую альтану, панъ-президентъ приказалъ построить для управляющаго особый домъ, который стоялъ фасомъ по улицѣ безъ ограды. Со дня вступленія эскадрона на Жеребовецъ, ставни этого дома съ улицы уже не отпирались, тѣмъ болѣе, что какъ разъ насупротивъ новаго култусова дома стояла нарядная хата мѣстнаго войта, гдѣ была назначена квартира эскадронному командиру.

Жеребовское староство было уже далеко не то, что прежде: дворъ заглохъ, сады запущены; президентша почти не жила въ

деревнѣ, безпрестанно молилась, исповѣдывалась; кармелитъ то и дѣло являлся въ домъ Жеребовцевъ для душеспасительныхъ назиданій.

Гусары не могли надивиться, какъ все измѣнилось въ городѣ. Ихъ нигдѣ не принимали; никто не только не заводилъ съ ними вновь знакомства, но и старыя не возобновлялись. Прежніе друзья и пріятели не узнавали гостей, не кланялись имъ и видимо отъ нихъ сторонились. Ни одного публичнаго бала; скука смертная, а между тѣмъ что вечеръ, то въ той, то въ другой улицѣ цѣлые дома въ огнѣ, гремитъ музыка, пляшутъ. На эти вечера приглашался одинъ Ивановъ, и то ради жены, а жена только ради знатныхъ въ томъ околодкѣ родителей. Но и съ нею обращались съ какимъ-то холоднымъ, жесткимъ низкопоклонствомъ и приторною принужденностію. Сядетъ ли она, кто-нибудь изъ степенныхъ мужчинъ тащитъ подушку, чтобы пани пулковникова ножекъ не застудила; танцовали съ ней не иначе, какъ по наряду хозяевъ, только чиновные, но неинтересные кавалеры. Ивановъ въ это время былъ въ полномъ развитіи мужества: ему, какъ сами знаете, было всего тридцать лѣтъ, на сто процентовъ онъ сталъ краше прежняго, а всѣ городскія дамы положительно утверждали, что не понимаютъ, чѣмъ могъ увлечь этотъ московскій драбантъ панну Аврелію. Высокій, статный солдатъ—и больше ничего! Мужчины, въ своемъ ультра-патріотическомъ обаяніи, подъ диктатурой чиновныхъ агитаторовъ, соглашались съ мнѣніемъ дамъ, не подозрѣвая, что послѣ каждаго вечера, на которомъ являлся Ивановъ, въ тишинѣ ночи много вздоховъ слетало съ горячихъ дѣвичьихъ и супружескихъ подушекъ. Къ числу капитальныхъ перемѣнъ въ городскомъ обществѣ надо было отнести и то, что пани Матильда принуждена была уступить пальму первенства въ красотѣ другой владычицѣ взоровъ и сердецъ мѣстной молодежи... И кому же? некрещеной еврейкѣ, женѣ банкира Леви, старшаго сына заграничнаго милліонера, который въ разныхъ пунктахъ Польши заблагоразсудилъ открыть конторы. Впрочемъ, вся фамилія Леви вела свой родъ изъ Польши, и молодой Натанъ Леви громко провозглашалъ себя „полякомъ моисеева закона", а жена его съ гордостію величала себя такой же полькой. Благодаря богатству мужа, превосходному воспитанію и дальновидной политикѣ агитаторовъ, Леонору Леви, хотя и „польку моисеева закона", принимали во всѣхъ луч-

шихъ домахъ, какъ почетную даму, посѣщали роскошный домъ ея, не дѣлая никакого различія съ лучшими польскими фамиліями. Ивановы, мужъ особо, а жена особо, обратили на себя вниманіе Леоноры. Античная красота Авреліи сильно колебала ея самодержавіе: не будь она женою москаля, конечно, вся молодежь бросилась бы къ ея ногамъ. Примѣрная любовь и нѣжная дружба Ивановыхъ еще болѣе волновали страстную еврейку, а равнодушіе, холодная, хотя и мягкая, вѣжливость Поля больно подстрекали женское самолюбіе.

— Вы насъ забыли, сказала Леонора, на одномъ изъ нарядныхъ частныхъ вечеровъ, на которомъ Авреліи не было.

— Мы выѣзжаемъ—отвѣчалъ Ивановъ—только по приглашенію.

— Отчего же такъ? вамъ вездѣ рады.

— Не думаю: духъ времени измѣнился. Люди хворають періодически. Надо переждать.

— Вы говорите про общую нашу печаль. Черная меланхолія болѣзнь неизлечимая, если можно назвать болѣзнію народное горе.

— Не думаю; впрочемъ, болѣзни воображенія всѣ злаго свойства.

— Воображенія!... Какъ посмотришь что кругомъ дѣлается, по неволѣ надо убѣдиться, что это не фантазія, а страшная дѣйствительность.

— Въ чемъ же состоитъ эта дѣйствительность? Разъясните, пожалуйста.

— Намъ навязываютъ реформы, которыхъ мы не желаемъ. Насъ не спрашиваютъ; намъ велятъ жить и чувствовать по нотамъ какого-то маркиза-музыканта, который фантазируетъ не на польскомъ инструментѣ.

— Значитъ, вы не довольны?

— И очень.

— У нашего государя слухъ и сердце открыты; печать свободна для слова благороднаго, правдиваго, просвѣщеннаго. Васъ и выслушаютъ и прочтутъ.

— И не послушаютъ.

— Путь правды, конечно, труденъ, но возможенъ. И этотъ путь надо прежде расчистить.

— Картечью и штыками!...

— Можно и этими средствами, можно и другими.

— Напримѣръ...

— Взаимною уступчивостію, взаимнымъ довѣріемъ, гражданскимъ мужествомъ, безъ заднихъ мыслей; я готовъ допустить даже *страсть*, но страсть любить, а не страсть ненавидѣть.

— За что любить?

— А за что ненавидѣть?

— За прошлое.

— На прошломъ мы квитъ, да еще едва-ли не мы въ долгу.

— За настоящее!

— Оно еще не существуетъ.

— Такъ за будущее!

— Будущее можетъ быть только плодомъ дружескаго и дружнаго движенія впередъ, а не фанатической, безразсудной распри. Не опомнимся, какъ надѣлаемъ себѣ хлопотъ и наше прекрасное, братское, неминуемое будущее отложимъ на сотни лѣтъ.

— Зачѣмъ такъ долго ждать!

— Конечно, путемъ примирительнымъ дѣло бы побѣжало по желѣзной дорогѣ.

— Вы позабыли про электрическіе телеграфы. Есть чувство, есть сила въ каждомъ народѣ, которую можно сравнить съ электричествомъ.

— Справедливо: какъ быстро горитъ, разрушаетъ, такъ быстро и стынетъ.

— Полноте! Вамъ не слѣдовало бы такъ говорить... и защищать москалей. Даже турки стыдятся. И тѣ васъ обогнали. Наше горькое чувство!... Сколько времени угнетали, а оно не остыло.

— И вулканы гаснутъ! Но, прекрасная Леонора, гдѣ живутъ фанатизмъ, предразсудокъ, дѣтскія предубѣжденія, туда здраваго смысла и въ гости не пустятъ. Неровная компанія! Слишкомъ ясно, что мы не поймемъ другъ друга.

— Постарайтесь меня убѣдить.

— Во-первыхъ, больное воображеніе женщины, съ вашего позволенія, бездонная бочка Данаидъ. Сама мудрость какъ вода пробѣгаетъ мимо. Во-вторыхъ, мы разно понимаемъ обязанность человѣка. Въ-третьихъ, если бы мнѣ и удалось убѣдить васъ, какая изъ того польза? Васъ объявили бы измѣнницей общему дѣлу; да вы и не посмѣете мнѣ повѣрить: у васъ не-

достанетъ для этого мужества. Не своимъ умомъ думаетъ это вѣтряное общество, не своими чувствами волнуется. Тлетворный вѣтеръ дуетъ съ запада... Повѣрьте, тысячи и тысячи, однимъ словомъ огромное большинство поляковъ думаютъ про себя точно то же, какъ и я, но плюнуть не смѣютъ: имъ камнемъ заложатъ рты. Національные недостатки вы провозглашаете такъ громко и—простите—такъ смѣшно патріотизмомъ, а это тотъ же патріотизмъ, хотя и переодѣтый, который въ тридцатыхъ годахъ вѣшалъ всякаго, кто носилъ *пейсики;* украсилъ лѣса Польши и Литвы трупами несчастныхъ евреевъ—новыхъ поляковъ моисеева закона. Появилась новая пропаганда: агитаторы велятъ брататься съ евреями, ставятъ ихъ выше и чище роднаго, одноутробнаго брата, потому что у евреевъ деньги и хитрый умъ—пища и средство для революціи. Какъ видите, ослѣпленіе ненависти бываетъ иногда даже безобразно. Сотни революцій совершались на свѣтѣ, но никогда вражда національная не распространялась на лица, связи и отношенія исключительно частныя, семейныя. У поляковъ ненависть не имѣетъ человѣческихъ предѣловъ; она не знаетъ благодѣтелей, не помнитъ родства, кромѣ своихъ ни въ комъ не признаетъ никакихъ достоинствъ.

— Вы несправедливы! Начиная съ васъ самихъ, вы не можете жаловаться....

— А вы не искренни, пани Леонора! Начиная съ васъ, вы первая подпишете мнѣ смертный приговоръ, если уже не подписали...

Леонора вспыхнула. Ударъ былъ мѣтокъ и вѣренъ: она знала, что списокъ обреченныхъ на закланіе давно былъ составленъ и что въ томъ спискѣ на первомъ мѣстѣ красовался полковникъ Ивановъ. Связи родства и дружбы были разорваны не только вліяніемъ парижскаго терора, но и добровольнымъ движеніемъ фальшиваго патріотизма.

— Какая неизвинительная подозрительность! сказала смущенная Леонора.

— Убѣжденіе!... Больно только то, что подобное настроеніе способно уничтожить въ русскихъ зачатки братской симпатіи, которая начала уже сказываться. Посмотрите на поляковъ въ Россіи! Вездѣ имъ почетное мѣсто, вездѣ радушный пріемъ; ни одного намека на право побѣдителя; ни одного попрека; ни въ чемъ стѣсненія; всегда, вездѣ и во всемъ горячая готов-

ность помочь брату, утонченное усиліе, чтобы не только не ранить, но и не оцарапать ихъ самолюбія. Такъ было до сихъ поръ. Но кто будетъ виноватъ, если въ Россіи заговорятъ скоро иначе. Я чуждъ того патріотизма, который у насъ въ шутку называютъ квасным. Для меня полякъ, русскій и китаецъ — одни и тѣ же люди; но я не могу не отдать русскимъ справедливости. Русское молодое поколѣніе въ образованномъ классѣ встрѣтитъ враждебно заявленіе новыхъ несвоевременныхъ польскихъ фантазій; хуже: ѣдкій смѣхъ, презрѣніе оскорбленнаго братскаго чувства, обидное сожалѣніе—вотъ что ожидаетъ въ Россіи польскую демагогію... Красныхъ любителей революціоннаго терора, революціонеровъ *по страсти*, между русскими, слава Богу, мало, а *по професіи* совсѣмъ нѣтъ. Въ Россіи революціонеры если и попадаются, такъ это дилетанты, изъ желанія поинтересничать, пококетничать краснымъ галстухомъ демагога; большинство проникнуто либерализмомъ раціональнымъ, степеннымъ, сознаніемъ зрѣлымъ—важное преимущество у русскихъ на пути прогресса. Герои краснаго терора называютъ это ослинымъ терпѣніемъ. Но русскихъ эпиграмой не раздразнятъ. Зачѣмъ кровавыя жертвы, когда дѣло обойдется и безъ нихъ?... И за нарушеніе этого принципа поляки еще разъ дорого заплатятъ передъ исторіей и передъ человѣчествомъ. Я говорю о русскихъ образованныхъ: у нихъ дѣйствительно рѣдкое терпѣніе, страсть къ мѣрамъ кротости, отвращеніе отъ терора, въ особенности съ тѣми народами, которые введены въ составъ имперіи путемъ оружія.. Но вѣдь и всему этому есть мѣра. А за простой народъ не ручаюсь: съ нимъ еще никому не удавалось пошутить безнаказанно. Просвѣщенные русскіе люди много и много лѣтъ хлопотали и трудились, чтобы усыпить въ русскомъ народѣ вѣковую вражду, внушить имъ братскія чувства къ полякамъ; но если этотъ народъ пойметъ и увидитъ, что онъ такъ грубо обманутъ, согласитесь, что на сцену явится еще одинъ патріотизмъ, съ которымъ не совладать и всей Европѣ...

— Слушая васъ—сказала Леонора задумчиво—можно подумать, что вы и правы. Одно только странно: на словахъ вы космополитъ, а на дѣлѣ.... русскій мундиръ, оружіе въ рукахъ....

— Это метафизика, пани Леонора! возразилъ Ивановъ съ улыбкой.

— То есть вы хотите сказать, что намъ и не понять этого...

— Такъ-таки и думаю! Для одержимыхъ бѣсомъ какой бы то ни было національности свѣтъ чистый, свѣтъ Христовъ невыносимъ. Я не дѣлаю изъ моихъ мыслей секрета, тѣмъ болѣе, что мои основныя правила слишкомъ стары: имъ отъ роду около двухъ тысячъ лѣтъ; но вслѣдствіе тѣхъ же основныхъ правилъ я не дѣлаю изъ нихъ насильственной пропаганды, никому не навязываю моихъ убѣжденій.

— Вы хотите отдѣлаться отъ меня. Въ этомъ мало великодушія и пропасть эгоизма! Ваша секта...

— Извините! Вы, можетъ быть, смѣшиваете понятія; мѣтите въ спиритизмъ! Нѣтъ, человѣкъ съ общечеловѣческими началами, тотъ, кто выбрался изъ грязи всѣхъ сектъ, толковъ, утопій, кто для самоусовершествованія не нуждается въ волшебномъ карандашѣ загробныхъ бродягъ, кто не оскорбляетъ божества клеветою больнаго воображенія...

— А если у васъ нѣтъ націи, такъ отчего же вы русскій?

— Именно оттого, что у меня нѣтъ еще націи. А пока нѣтъ особой націи или, правильнѣе сказать, пока національности еще не выдохлись, пока онѣ хотя и гніютъ, но еще существуютъ, до тѣхъ поръ надо принадлежать къ одной изъ нихъ, хотя бы только для статистики. Не на воздухѣ же повиснуть; некуда дѣваться! Это разъ. Потомъ: у меня въ Россіи все: родители, имѣніе, родные, знакомые и языкъ, на которомъ я началъ думать. Но и это ничего. Я сердцемъ принадлежу Россіи, потому что она моложе другихъ, потому что она не одержима бѣсомъ національнаго самолюбія, потому что тамъ не учатъ ненавидѣть; тамъ всѣ національности свободны и терпимы великодушно, безъ разсчета на ихъ карманъ. Теперь только одна Россія наканунѣ просвѣщенія; потому одна она и можетъ, если захочетъ, ступить твердою ногою на путь Декарта, то есть: и въ просвѣщеніи не заводить сектъ, толковъ, расколовъ, одностороннихъ утопій, а математически вѣрно идти прямою дорогой. Узколобая схоластика не пустила, по счастію, корней на нашей свѣжей почвѣ. Огромное преимущество!... Та же счастливая случайность одарила ее громадною физическою силою, а вы знаете, что только истинно-могучій богатырь способенъ къ кротости и великодушію. Геркулесъ не

искалъ побѣдъ, но нещадно билъ чудовищъ, защищалъ слабыхъ и правыхъ—и это будущая функція Россіи!

— Это—назначеніе Франціи.

— Да, въ журналахъ! Франція только хвастаетъ, будто хлопочетъ о цивилизаціи, и, вѣроятно, по этой причинѣ защищаетъ Турцію и папу! Франція любитъ войну, страстно любитъ войну, мечется во всѣ стороны свѣта, мѣшается во все. Въ Россіи войны никто не любитъ, но никто и не боится ея. Вотъ почему я не вѣрю Франціи и вѣрю Россіи. Подняли занавѣсъ на театрѣ просвѣщенія—горячо забилось сердце русскаго юношества... Оно громко высказалось, что не хочетъ ни французскаго, ни англійскаго, ни русскаго, ни германскаго просвѣщенія: оно жаждетъ просвѣщенія безъ эпитетовъ; значитъ, въ Россіи ложится декартовъ путь, прямой какъ полетъ пули, значитъ тамъ моимъ мечтамъ начало, жизнь и развитіе. Вотъ за что я люблю матушку-Россію и служу ей искренно, какъ умѣю...

Ивановъ всталъ. Полька моисеева закона была сбита съ толку. Она сама поняла всю нелѣпость польско-еврейскаго патріотизма; она догадалась, что революція щадитъ евреевъ, величаетъ „поляками моисеева обряда“, „старозаконниками“ для того только, чтобы воспользоваться богатствомъ и содѣйствіемъ всегда хитраго, всегда находчиваго и дѣятельнаго племени. Вмѣсто того, чтобы завлечь въ свои амурныя сѣти Иванова, какъ разсчитывало тщеславіе, подогрѣтое постояннымъ успѣхомъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества, Леонора сама не на шутку призадумалась. Поль безпощадно снялъ съ глазъ ея повязку, а со льстецовъ, старавшихся отуманить ее ядовитымъ дымомъ, сорвалъ маску; онъ показался ей какимъ-то древнезавѣтнымъ пророкомъ. Разсѣянно глядѣла Леонора на толпу, которая кривлялась передъ нею въ танцахъ и любезностяхъ, не отвѣчала или отвѣчала невпопадъ на вопросы неотвязной молодежи, отказалась отъ танцевъ, шепнула что-то мужу, игравшему въ карты, и уѣхала одна, когда еще и десяти часовъ не было. То же сдѣлалъ и Ивановъ.

II.

— Что такъ рано? спросила Аврелія, укладывая дѣтей спать.

— Скучно, Реля, безъ тебя! Да и вообще въ Польшѣ теперь стало какъ-то грустно. Куда ни пойдешь, точно на китайское посольство глядятъ съ обиднымъ любопытствомъ.

— Это тебѣ такъ кажется!... Тебя всѣ любятъ и уважаютъ какъ человѣка, который зла полякамъ не желаетъ.

— И ты вѣришь?

— Не имѣю повода не вѣрить.

— Меня терпятъ, потому что я подъ твоей эгидой, Реля, потому что у меня жена полька....

— Какая я полька! Я постоянно благодарю Бога и тебя, что научили меня любить всѣхъ. Роскошь — не жизнь! Приходишь къ вечерней молитвѣ—не обидѣлъ ли кого?... Никого, никого! какое блаженство!

— Полно такъ ли? А мало ты обижаешь обожателей твоимъ мраморнымъ невниманіемъ....

— Ахъ какой ты, право! Они меня обижаютъ, но я имъ прощаю, потому что они не могутъ понять моихъ чувствъ къ тебѣ, да еще и потому, что они случайно попадали на женщинъ, которыя не считаютъ преступленіемъ пошутить и подурачить.... Что, мама была?

— Была, но играла въ карты.....

— А папа былъ?

— То же и то же! Вотъ ты говоришь, что нѣтъ никакой перемѣны.... Бывало, чуть увидитъ меня, тотчасъ пристанетъ и пустится разсказывать про любимую Америку. Безъ философіи, по инстинкту, онъ, какъ Колумбъ, сознавалъ необходимость существованія новой части свѣта, не умѣя ни назвать, ни опредѣлить ее. Тепла была его бесѣда, а теперь мой разговоръ ему въ тягость....

— Старъ сталъ, очерствѣлъ....

— Нѣтъ, Аврелія! Тайна задушила его убѣжденія; ложный стыдъ опуталъ его языкъ; можетъ быть, и невольная, а все-таки жертва деспотизма кровавой мысли....

— Господи! Какой ты сталъ черновидецъ!

— Ахъ, Аврелія!—не Польша.... Что съ нею станешь дѣлать? Она всегда была орудіемъ иноплеменныхъ агитаторовъ. Цѣлую груду камней хотятъ навалить на дорогу, по которой тронулась Россія и.... моя идея! На сто лѣтъ отсрочка.

— Что мнѣ съ тобой сегодня дѣлать? Будемъ ужинать? Я велю подать.

— Пожалуй....

— Поль, вѣрно, тебя раздосадовали на этомъ вечерѣ.... Скажи, кто огорчилъ тебя? Не услужливая ли барыня? Наши на это мастерицы....

— Ты угадала! Полька стараго закона....

— Такъ и есть! И мамаша уже намекала, что она къ тебѣ неравнодушна....

— Какъ не стыдно говорить это maman?

— Напротивъ, весьма простительно! И мамаша женщина: наша страсть — подразнить. Удалось — весело; но мамашѣ не удалось. Я ей отвѣчала: что же тутъ удивительнаго? такъ и быть должно; иначе я сочла бы ее женщиной безъ вкуса.... Я не притворялась; я не кокетничала.... Но ты не любишь, когда я хвалю тебя.

— Точно такъ же, какъ и ты.... Позволь же и моей гордости маленькое сомнѣніе. На сердцѣ все-таки было невесело?...

— Разумѣется! Но на одну минуту. Я вспомнила про тебя, пересчитала твои правила на своихъ счетахъ и пожалѣла о Леонорѣ. Однакожъ, что она тебѣ сказала досаднаго?

— Все тотъ же глупый и смѣшной парадъ старозаконнаго патріотизма! Надоѣло! Я не вытерпѣлъ, пропѣлъ ей длинную проповѣдь и ушелъ....

— И хорошо сдѣлалъ....

— Что ушелъ?

— Нѣтъ! что сказалъ ей всю правду. Она женщина умная, образованная: она можетъ понять и, вѣроятно, пойметъ тебя. Лепетунья! Но это она заразилась отъ парижскихъ и нашихъ козетокъ. Поклонники ея оригинальной красоты балуютъ ее, а все-таки она женщина съ сердцемъ. Слова твои не пропадутъ. Вотъ, если бы забрать въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ всѣхъ такихъ бальныхъ царицъ, да въ школу, да растолковать имъ по твоему, въ чемъ сила, повѣрь, вся Польша—и не одна Польша—повернула бы на истинный путь. Какъ вы тамъ, господа мужчины, ни гордитесь, а и ложь и правда въ нашихъ рукахъ: мы любимъ, мы ненавидимъ, а изъ любви къ намъ и другіе ненавидятъ и доходятъ до злобы фанатизма.

— Въ двухъ словахъ вся исторія Польши! сказалъ Ивановъ, махнувъ рукой, и всталъ. — Пойдемъ, Реля, закусимъ. Завтра въ походъ!

— Въ какой походъ?

— Надо объѣхать эскадроны, посмотрѣть, какъ они расположены, какъ ведутъ себя гусары; особенно боюсь за Ступачева! Ему достался Жеребовецъ.... Тамъ вѣдь Култусъ, Маріанна: старые грѣхи не повели бы къ новымъ. И тогда я не одобрялъ гусарскихъ шалостей. Но тогда онъ былъ мальчишка! Все улыбалось намъ, все ласкало насъ искренно, а теперь надо быть осторожнымъ. Кругомъ насъ волки въ лисьихъ шкурахъ.

— Что ты, что ты, Поль? Право, ты меня пугать хочешь....

— Не пугаю, а только не обманываю. Гроза въ воздухѣ, хоть небо кажется яснымъ. Мы съ тобой ничего не узнаемъ. Ни ты, ни я, мы не умѣемъ, да и не захотимъ, притворяться. А тутъ, попросту сказать, заговоръ.... Онъ еще не созрѣлъ, потому что насъ еще дичатся, обнаруживаютъ къ намъ явное недоброжелательство и презрѣніе. А вотъ когда станутъ ласкаться, льстить, тогда я заряжу револьверъ и велю то же сдѣлать гусарамъ....

— Богъ съ тобой! Это ужь черезчуръ, Поль! Мнѣ даже досадно, что ты такъ унизительно думаешь про поляковъ, исключаешь ихъ изъ человѣчества....

— Не думаю, а увѣренъ!... Предосторожности не помѣшаютъ.... Я только удивляюсь другимъ. Неужели никто не видитъ такого враждебнаго и опаснаго настроенія? Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь хитрыхъ занавѣсокъ? Приготовленія къ спектаклю слишкомъ безцеремонны и очевидны.... Ну, да утро вечера мудренѣе.... Пойдемъ, Реля!...

III.

Осень продвинулась уже далеко, смахнула листья съ деревъ и разметала ихъ во всѣ стороны. Земля раскисла; проселочныя дороги расползлись и затянулись вязкой грязью. То дождикъ шелъ, такой унылый и скучный; то изморозь цѣплялась за все, что ей ни попадалось. Природа будто въ трауръ, насупилась, точно больная спать собиралась. Коляска полковника остановилась у самыхъ воротъ войтова дома. Деньщикъ Шишовъ сидѣлъ у воротъ и, точно махальный, глядѣлъ на култусовъ домикъ.

— Дома ротмистръ? спросилъ Ивановъ.

— Никакъ нѣтъ!

— Гдѣ же, въ городѣ, что ли?

— Никакъ нѣтъ. Они тамъ!...

— Гдѣ тамъ?...

— У барышни...

— Такъ и есть! Опоздалъ!... У какой барышни?...

— У экономки....

— У Маріанны, что ли?

— Какъ можно-съ!...

— Такъ у кого же?

— Не могимъ знать! Не приказано!...

— Такъ поди же, доложи, что я пріѣхалъ...

Шишовъ, пропустивъ Иванова въ квартиру ротмистра, пошелъ во дворъ насупротивъ. Ступачевъ въ гостиной у Култуса, развалившись на диванѣ, дымилъ изъ предлиннаго черешневаго чубука на всю комнату. Въ облакахъ рисовались у одного окна фигура Култуса, у другаго Зося, сидѣвшая за какой-то работой...

— Что же ты, кумъ? заговорилъ Ступачевъ, выпустивъ три кольца густаго дыма.—Рѣшайся! Вѣдь все равно. Я тебя отсюда не выпущу, пока не скажешь: *да* или *нѣтъ!* Впрочемъ, и *нѣтъ* твое не поможетъ, потому что я увезу Зосю — и женюсь! Если бы ты ее спряталъ въ арсеналъ...

— Какой тамъ арсеналъ! Что за арсеналъ! Богъ знаетъ чего вы не выдумаете! перебилъ тревожно Култусъ.

— Я говорю примѣрно. Если бы ты спряталъ Зосю въ арсеналъ съ пушками, пойду одинъ въ атаку и возьму ее въ плѣнъ! Не будь я Игнатій Семеновичъ Ступачевъ! Понялъ?

— Да что тутъ понимать! Вамъ пришла смертная охота жениться, а вы даже не успѣли порядочно и разсмотрѣть невѣсту...

— Это ужъ не твое дѣло! Вѣдь хуже будетъ... я говорю съ тобою на прямки. Благодари Бога, что задумалъ жениться съ твоего согласія, а то бы я и такъ распорядился...

— Вы оскорбляете насъ, господинъ ротмистръ!

— Не жеманься, кумъ, и словъ моихъ на свой ладъ не перевертывай. Спроси лучше у дочери, а не хочешь, такъ я спрошу: „Зося, милѣйшая Зося! любимъ мы другъ друга?...

— Вы смущаете дѣвичью кротость. Кто же такъ дѣлаетъ?...

— Я, Игнатій Семеновичъ Ступачевъ! Да отвѣчай же, Зося! докажи, что онъ вретъ, а я нѣтъ. Любишь?...

— Я не смѣю: папа разсердится...

— Слышишь, кумъ! Ясно? Ну, а хочешь, Зося, за меня замужъ?

— Вѣдь это, помилуйте, ни дать, ни взять, съ ножемъ къ горлу....

— Съ тобой, братъ, иначе нельзя, потому что ты шельм... т. е. большой руки плутъ, какъ угорь изъ рукъ выскользнешь. Ну, милая Зося! была не была, отвѣчай: хочешь?...

— Да это пытка! Помилуйте! на что это похоже?...

— На сватовство простаго, но честнаго человѣка! Зося мнѣ понравилась, я положительно убѣдился, что и я ей не противенъ...

— Да какъ вы могли въ этомъ убѣдиться?...

— Послушай, кумъ! Я не думалъ, что ты такъ ужь по бараньему глупъ. Ну стану ли я тебѣ разсказывать, какъ я ухитрился противъ твоего звѣрскаго нрава и дурацкаго обычая! Дѣло сдѣлано! теперь поздно!...

— Что поздно? какъ сдѣлано! Что я слышу!...

— Я отступить не могу... Сдавайся, кумъ!...

— Дочь моя несчастная! Неужели?...

— Да, папо!...

— Что да??...

— Вотъ безтолковый! Ему говорятъ: *да*, а онъ будто не понимаетъ. *Да!* говорятъ тебѣ, да! понялъ? Это значитъ: люблю, хочу итти замужъ, а не пустишь, сама уйду, потому...

— Не договаривайте!

— Отчего не договаривать! Нѣтъ, затѣялъ, такъ ужь выскажу.

— Не надо! не надо! Я и безъ этого...

— Согласенъ что ли?

— Какъ вамъ угодно...

— Тото-же! Молодецъ, кумъ! приди въ мои сыновнія объятія!... Ну, теперь ты, милая Зося, пожалуй на грудь вѣрнаго мужа!...

— Позвольте, позвольте!...

— Отвяжись! не лѣзь! Твое дѣло сторона! Я и безъ тебя невѣсту поцѣловать съумѣю.

— Помилуйте! Да это не водится...

— Такъ мы заведемъ... Вотъ и чудесно! Что, сладко, кумъ? какъ ты думаешь? Да! Теперь ты ужь не кумъ, а тя-

тенька. Мы на походѣ любимъ скоро дѣла стряпать. Когда свадьба?

— Какъ свадьба?...

— Просто свадьба...

— Свадьба!... свадьба!... — Култусъ оторопѣлъ. — Я не могу такъ скоро согласиться....

— Что такое? назадъ пятиться? да я тебя въ козій рогъ!...

— Куда угодно! не могу! Дайте мнѣ подумать... три дня сроку!... три дня... Ей-Богу, не могу... Будто я ужь такъ глупъ, не вижу, какая выгодная партія... О, Боже мой!... Три дня... три дня... Меня съѣдятъ!...

— Да что ты ошалѣлъ, что ли? бѣлены объѣлся?

— Нѣтъ, кохани Игнацы! перебила Зося въ сильнѣйшей тревогѣ.

Лицо ея стало блѣдно; глаза зажглись недобрымъ свѣтомъ.

— Что съ тобой, Зося?

— Ради Бога, не мучь папу. Я одна виновата. Я забыла! Изъ ума вонъ!... У насъ есть тетка: безъ ея воли ни я, ни папа не можемъ дать слова.... Въ три дня папа съѣздитъ и воротится.

— Что за притча? Откуда ты выкопала тетку? Ты объ ней никогда мнѣ не говорила.

— И на умъ не приходило! Теперь только вспомнила.

— Ну, а если тетку муха въ носъ укуситъ и она заартачится?...

— Куда! она такая добрая! Она обрадуется моему счастію.... Три дня не вѣчность....

— Тутъ что-нибудь не такъ. Я произведу слѣдствіе посвоему, я....

— Полковникъ пріѣхалъ! раздался густой басъ Шишова.— Просятъ ваше высокоблагородіе пожаловать на фатеру.

— Вотъ кстати! сказалъ Ступачевъ.

— Вотъ кстати! подхватилъ Култусъ радостно: ему мелькнула надежда проволочить время и отдѣлаться отъ непріятнаго сватовства.

— Ждите гостей. Мы скоро къ вамъ нагрянемъ.

Ступачевъ ушелъ. Сначала оба, и отецъ и дочь, молчали. Зося, опустивъ головку, вертѣла въ рукахъ работу; старикъ, закрывъ руками глаза, плакалъ.

— Позоръ! страшный позоръ!.... наконецъ прошепталъ Култусъ, какъ будто про себя.

— Ни малѣйшаго?...

— Какъ такъ?

Култусъ вскочилъ.

— Очень просто. Ты не хочешь моего счастія? И не нужно. Я за нимъ и не гонюсь. Тетка не позволитъ; я безъ воли тетки не соглашусь.... И выйдетъ мыльный пузырь....

— Зося! милый мой ангелъ!...

— Да, милая!... Глупая Зося! Не посовѣтовалась съ вами— и дала слово! Непростительная опрометчивость! Зачѣмъ вы такъ скоро согласились?

— Да онъ бы высушилъ меня на порохъ, истерзалъ бы разными штуками. Ты его не знаешь! Это *шатанъ* на выдумки!...

— Хорошо, что я вспомнила про опасность. Дзвигачъ, паны, шляхта выкололи бы вамъ глаза насмѣшками и упреками. Какъ я вспомнила объ этомъ, такъ мнѣ стало стыдно и страшно. Сама Богородица послала такую счастливую мысль. Я вамъ правду скажу: панъ Игнацы мнѣ, если хотите, не противенъ, но и не больше. Понравился, такъ себѣ, но я не влюблена. Партія, что и говорить, слишкомъ хороша для бѣдной шляхтянки; но я не корыстолюбива и привыкла къ бѣдности.... Довольно объ этомъ! Мнѣ трудно говорить.... Грудь заболѣла.... Насъ выручитъ тетка....

— И польскія косы! съ увлеченіемъ сказалъ Култусъ.

Зося презрительно улыбнулась; но отецъ не замѣтилъ и продолжалъ:

— И что хорошаго? Ихъ бы всѣхъ перерѣзали, не пощадили бы и тебя!...

— Разумѣется! Мнѣ страхъ какъ совѣстно за мое минутное увлеченіе.

— Да! Когда онъ завелъ рѣчь объ арсеналѣ, кошки по спинѣ забѣгали....

— Неужели вы могли подумать, что я измѣню народному секрету?...

— Ахъ, Зося, я былъ въ такихъ тискахъ....

— Слава Богу, опасность миновалась. Забудемъ все, что случилось; примемъ лучше мѣры къ отпору, какъ слѣдуетъ добрымъ полякамъ; приготовимъ имъ жирный завтракъ и вкусную лесть.

— Зося, ахъ какая ты умница! Что говорить! Развѣ мы не поляки? Бѣдны; но предки наши на сеймахъ роль играли!

Когда всѣ, даже панъ-староста московскій духъ изъ себя выкурилъ, и вдругъ — ты одна, на посмѣшище всего королевства, пошла бы за москаля! Положимъ, противъ силы что бы я сдѣлалъ? чортъ знаетъ на что бы я могъ рѣшиться.... Не пожалѣлъ бы, можетъ быть, и родной дочери....

— Это я знала, вздохнувъ, прошептала Зося.

— А теперь я и радъ и не радъ. Отстать отъ своихъ нельзя, а и тебя, жаль, Зося! Что ни говори, партія славная: женихъ знатный, богатый, и собой ничего.

— Что ты, папо! Есть о чемъ жалѣть! Какъ знать? Можетъ быть, вмѣсто русскаго ротмистра явится польскій генералъ. Вѣдь за такое дѣло должна же быть и награда.

— Что это у меня за Зося! Не налюбуюсь!...

— Не то еще увидите!... Но перестанемъ болтать: надо готовить завтракъ.

— Маріанна!... Вотъ тебѣ разъ! а у тебя отчего глаза заплаканы?...

— Вѣрно, горчицу терла—перебила Зося—или лукъ рубила.

— Панна Зося угадала, сказала Маріанна, принуждая себя улыбнуться.—Что прикажете?...

Начались распоряженія. Маріанна и Култусъ хлопотали, а Зося стала у окна и простояла неподвижно до тѣхъ поръ, пока въ комнату не вошли такъ радушно ожидаемые гости.

IV.

Полковникъ недолго оставался у Култуса, да и не совсѣмъ пріятно было выслушивать длинныя, напыщенныя похвалы, блистательные титулы, которыми хозяинъ осыпалъ гостей. Закусивъ, полковникъ, отправился въ Бабилово. Култусъ проселкомъ опередилъ Иванова, перешепнулся съ управляющимъ и спрятался. Ступачевъ, разумѣется, поспѣшилъ къ невѣстѣ.

— Молодецъ Култусъ! поѣхалъ къ теткѣ! А далеко живетъ эта барыня?...

— Будетъ миль десять. Въ монастырѣ....

— Ну, если въ монастырѣ, толку не будетъ....

Зося отворила дверь въ сосѣднюю комнату, выглянула туда и сказала грустно:

— Толку не будетъ! Ты угадалъ, милый Игнацы!

— Какъ такъ! Да я монастырь штурмомъ возьму....

— И это не поможетъ!

— Да я старую бабу за зобъ на крючекъ повѣшу.

— И это не поможетъ! Позволь посмотрѣть, гдѣ Маріанна....

— А что?...

— Соперницы всегда опасны.

— Соперницы! Это и упрекъ и попрекъ за старое! Сказано разъ навсегда: этого впередъ не будетъ, такъ и не будетъ!...

Зося посмотрѣла въ окно, обращенное на дворъ.

— Стала коровъ доить. Нескоро воротится. Такъ ты меня, Игнацы, крѣпко любишь?

— Видно, люблю, когда для тебя отказался отъ веселой холостьбы и предложилъ мою руку.... Сломать Игнатія Семеныча на этакую штуку все равно, что неприступную крѣпость взять....

— Я слышала, что тѣ, которые любятъ истинно, ждутъ годы, десятки лѣтъ....

— Глупое положеніе! Для Мануйки такой халатъ впору, а нашъ братъ изъ своей шкуры выскочитъ.

— А если того требуютъ спокойствіе, безопасность невѣсты?...

— Душа моя Зося! Всѣ рѣчи твои что-то больно замысловаты. Вѣрно, Култусъ опять ввернулъ штуку?...

— Не Култусъ, а я. Тетку выдумала я сама, милый, дорогой Игнацы! Я твоя, я въ твоихъ рукахъ. Возьми мою красоту, все возьми—я не пожалѣю.... Но какая тебѣ польза, если у меня отнимутъ жизнь?...

— Тфу, дьявольщина! это новая исторія!

— Какая новая! Десять лѣтъ я слышу, какъ наши собираются противъ Москвы взбунтоваться....

— Ну?...

— Теперь все готово!

— Что готово?

— Объ этомъ надо не у меня спрашивать. Ждутъ только приказаній изъ Парижа. Начнется каша.... Когда кашу съѣдятъ, вотъ тогда наши польки опять сотнями побѣгутъ замужъ за русскихъ

— Те-те-те-те! Значитъ, и ты патріотка?

— Нѣтъ! Что мнѣ? Жеребовецъ моя отчизна; всю жизнь провела затворницей. Ни одинъ раввинъ жидовскій не прочелъ столько книгъ, сколько панна Зося отъ скуки. И научили!

Сравнивая героевъ польскихъ романовъ съ московскими гусарами, я нашла, что панъ Игнацы лучше, добрѣе, благороднѣе: онъ устроитъ счастіе Зоси....

— И устрою-таки!... Да зачѣмъ же тутъ тетка и точка съ запятою?...

— А затѣмъ, что теперь полькамъ запрещено выходить за москалей замужъ....

— Кто же запретилъ?

— А кто ихъ тамъ знаетъ! Невидимка! Кланяйся, а кому? никто не знаетъ....

— Ну, а если которая такого дурацкаго запрета не послушаетъ?...

— Такую измѣнницу патріоты должны уничтожить.... Ты не обратилъ вниманія, какимъ тономъ Култусъ далъ согласіе, какъ онъ глядѣлъ на меня. Тутъ только я вспомнила, что подаю ему въ руки ножъ на себя....

— И ты думаешь, что этотъ трусишка зарѣзалъ бы тебя?...

— Не онъ, такъ другой за него. На такую подлость они куда какъ храбры. Частенько вотъ въ этой комнатѣ такой вой подымутъ, что вотъ такъ и кажется завтра Москву возьмутъ, а пройдетъ инвалидъ съ котомкой по улицѣ, мигомъ присядутъ да прикусятъ языкъ....

— И послѣ этого ты ихъ боишься!

— Нѣтъ! Но если ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь, такъ мнѣ жаль жизни для тебя. Этого мало. Култусъ все-таки мнѣ отецъ. Онъ не остановится надъ жертвой Авраама, какъ выражаются наши патріоты. Изъ всѣхъ его разговоровъ я знаю это навѣрное. Я не хотѣла бы видѣть роднаго отца дѣтоубійцею, да еще по моей винѣ....

— Что же намъ дѣлать?

— Ждать.

— Эхъ, Зося! если бы ты знала, какъ я тебя, чортъ меня возьми, дурацки полюбилъ.... Что передъ тобой скрываться! вотъ такая, какъ Маріанна, иногда по пяти, по шести за-разъ на шнурочкахъ ходили. Ну, просто на женщинъ я смотрѣлъ какъ на банки съ разнымъ вареньемъ. Что Паша! Конечно, дай Богъ ему здоровье! Онъ чуть не каждый день голову мнѣ мылъ; я его сталъ банщикомъ называть, а не безъ того, чтобы иное слово туда не заползло. Пришли мы сюда. Я, сидя на лошади, все про тебя думалъ, разсчитывалъ: какъ ты должна

быть уже высока, стройна, хороша; придумывалъ засады и фортели, какъ тебя посадить — не сердись, мое сердце — на одну веревочку съ Маріанной.... Пришелъ, увидѣлъ, поговорилъ— всю старую дурь какъ рукой сняло; пошла новая дурь.... то есть не могу жить безъ Зоси и—кончено.... А какъ замѣтилъ, что и я тебѣ не противенъ, ну, вотъ какъ Богъ святъ, совсѣмъ другой человѣкъ сталъ. Вахмистръ небережно за Хруской, жидовкой, въ корчмѣ приволокнулся. Прежде я хохоталъ бы до упаду, рубль за удаль на водку пожаловалъ, а теперь за эту шалость галуны слетѣли, сидитъ на хлѣбѣ и водѣ.... Паша приказалъ его въ третій эскадронъ рядовымъ отправить.... И послѣ этого ждать! И чего ждать?...

— Чего? Свадебной церемоніи! Ты не скучай, мой милый Игнацы! Я буду вести интригу за тетку, буду дурачить всю нашу шляхту; наши будутъ смотрѣть на меня какъ на шпіона; я у тебя буду вывѣдывать разные пустяки: они вѣдь всему вѣрятъ. А ты, какъ женихъ, все будешь ходить ко мнѣ, а я буду цѣловать тебя, вотъ какъ теперь.... Лишь бы Маріанна не замѣтила....

— Я все-таки не понимаю....

— Тс! Кажется, идетъ Маріанна! Почтительно, серьезно, знаешь, какъ твой полковникъ, обходись со̀ мной при людяхъ.... Остальное мое дѣло.... Это она!

— Такъ ты полагаешь, Зося — сказалъ громко Ступачевъ, плохо поддѣлываясь подъ натуру—что тетка согласится?...

— Лишь бы папа засталъ ее въ монастырѣ; а то она иногда уѣзжаетъ съ *квестой*.... собираетъ подаяніе....

— Надо было бы и мнѣ что-нибудь послать.

— Отвезете сами, когда поѣдемъ за благословеніемъ.... Пане Игнацы.... уже смеркается.

— Понимаю....

— Благодарю! Безъ папы неловко!...

Простились чинно. Ступачевъ ушелъ. На сцену выступила Маріанна.

— Что это у васъ за тетка явилась, панна Зося?

— Не ты бы спрашивала, Маріанна! Ты лучше меня знаешь этого подлипалу. Я его проучу! Онъ привыкъ къ легкимъ побѣдамъ. Погоди, я его годъ, два, пять лѣтъ промучу, пока пріищу себѣ жениха настоящаго и выйду замужъ передъ его носомъ....

*

— Зося! И вы не шутите?

— Шучу, шучу! Отмщу и за тебя, и за Юзю, и за всѣхъ, а пуще всѣхъ за себя!...

— Такъ ему и надо, обманщику! Не жалѣйте его: не стоитъ. Онъ говоритъ вамъ то же, что говорилъ и мнѣ....

— Только та разница: ты повѣрила москалю, а меня на удочку не поймали. Самъ попался. Посидитъ на крючкѣ, пока Зосѣ не наскучитъ забавляться....

V.

Въ Варшавѣ давно уже начались демонстраціи: раздавались изъ-за угла выстрѣлы, дамы нарядились въ трауръ; но въ провинціяхъ во многихъ мѣстахъ еще не рѣшались снять, или, правильнѣе, надѣть маску національной печали, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ стояли русскія войска, а тѣмъ болѣе въ нашемъ городѣ, гдѣ старшій военный чинъ былъ женатъ на полькѣ и пользовался невольнымъ, но вполнѣ заслуженнымъ общимъ уваженіемъ. Дѣти Иванова заболѣли скарлатиною. Мать не отходила отъ постели ихъ. Ивановъ, чтобы не занести болѣзни, не ѣздилъ даже къ президенту и выходилъ изъ дому только по службѣ. Въ это самое время изъ Парижа пріѣхалъ Дзвигачъ съ женою, и *палацъ* жеребовскій днемъ и ночью былъ полонъ народомъ.... Въ нѣсколько дней послѣ пріѣзда зятя панъ-президентъ посѣдѣлъ какъ лунь. Завтраки потеряли патріархальное достоинство. Вмѣсто веселыхъ, разбитныхъ гусаровъ, за столомъ первенствовалъ длинный и толстый кармелитъ, который распоряжался какъ хозяинъ и ради политическихъ причинъ частенько даже ночевалъ въ домѣ Жеребовцевъ. Дзвигачъ привезъ изъ Парижа проектъ организаціи инсурекціи и объявилъ, что пани Матильда назначена начальницей дамской команды воеводства и сама должна избрать себѣ десять помощницъ.

— Что же, мамо—сказалъ Дзвигачъ—нашъ комитетъ давно дѣйствуетъ; склады оружія полны; почты назначены. Если сегодня подадутъ сигналъ изъ Парижа, мы готовы; а вы медлите устройствомъ вашего порядка. Не забудьте, что каждая изъ вашихъ десяти помощницъ должна подобрать себѣ по девяти компаніонокъ; тѣ опять каждая по девяти, пока доберемся до хлопа, потому что и между мужиками мы должны имѣть со-

участниковъ. Однимъ трудно поднять ихъ. Это уже ваше дѣло, отецъ Бонифацы!...

— Объ насъ не безпокойтесь! У насъ все готово. Съ воскресенья начнется проповѣдь по всѣмъ сельскимъ костеламъ. У каждаго изъ насъ есть свои участки. Жребій доставилъ мнѣ счастіе проповѣдывать на Жеребовцѣ, Бабиловѣ и Кунцахъ.

— Вотъ видите, мамо, а вы все медлите!...

— Легко говорить, а гдѣ между женщинами я найду девять истинныхъ патріотокъ?...

— Вы обижаете насъ! подхватила пани Петронилла.—Мы и мужчинъ научимъ, какъ стоять за отчизну.

Пани Матильда лукаво улыбнулась.

— Ну, если такъ, то я назначаю тебя первою моею помощницею. Посмотримъ, какъ ты будешь служить святому дѣлу....

— Останетесь довольны! замѣтилъ Дзвигачъ.—Моя Нилла и въ Парижѣ удивляла французовъ своею энергіей. Когда *нашъ другъ*, играющій одну изъ замѣтныхъ ролей въ великой имперіи, удостоилъ насъ посѣщеніемъ, то удивился энергіи и краснорѣчію Ниллы. „Вы знаете—сказалъ *онъ*—что одной симпатіи недостаточно для вашего дѣла. Я вамъ привезъ два милліона франковъ, чтобы положить ихъ на колыбель великаго дѣла. Я за крестнаго отца....“ — “Значитъ —прибавила Петронилла—мнѣ приходится быть крестною матерью; другой дамы тутъ нѣтъ. Но съ этимъ я получаю и право голоса.... Польша не можетъ ждать еще три года: въ три года утечетъ много воды.“— „Но вы хотѣли извести главную помѣху....“ — „Приказано—отвѣчалъ я — строго приказано.“ — „Какая въ томъ польза?—возразила Петронилла—убьютъ одного, найдутъ другаго поляка, который за пустяки продастъ Польшу.... У насъ все готово. Позвольте же не останавливаясь начать дѣло!“ — „Ахъ, прекрасная Петронилла—говорилъ гость—по мнѣ хоть сію минуту. Не такъ думаетъ тотъ, отъ кого все зависитъ. Вы готовы, но готовы ли мы?“ — „Мы и сами сладимъ, а вы насъ только поддержите! Пришлите корпусъ войскъ—и москалей какъ не бывало во всемъ королевствѣ....“ — „Я самъ того же мнѣнія — продолжалъ нашъ гость—но вы знаете, какъ трудно съ нашими дипломатами: они все оглядываются. Хотите ли знать мое личное мнѣніе? Пока эти господа будутъ надумываться, начинайте, а какъ только пожаръ вспыхнетъ, пришлите поскорѣе кого-нибудь изъ нашихъ съ извиненіемъ, что сила об-

стоятельствъ переполнила мѣру терпѣнія. Не мы, вѣрные исполнители священной воли, а народъ ринулся; мы должны были думать о томъ, какъ овладѣть вожжами и направить взбѣшенное животное на прямую дорогу, дать ему ровный, могучій ходъ. Я, разумѣется, приму вашу сторону. Да и во всякомъ случаѣ Франція не должна позволить московитамъ устроиться прочно на новыхъ началахъ: тогда вліяніе ея на Европу, ея политическое значеніе подвергнутся серьезной опасности. Россія теперь безобразное пугало азіятскаго варварства; теперь даже нѣмцы ей не вѣрятъ и глядятъ на нее со страхомъ и недовѣріемъ. Во всей Европѣ она нигдѣ не имѣетъ симпатіи. Но если въ Россіи установятся либеральныя учрежденія и она станетъ на путь прогреса.... тогда не къ добру для насъ измѣнятся и политика и карта Европы. Теперь революція живетъ насчетъ папы и Россіи. Австрія сильно подрѣзала у демократовъ жало.... Россія задумала сдѣлать тоже; но мы обязаны предупредить это несчастіе! Пусть москали остаются татарами, а воскресшая Польша станетъ настражѣ и своихъ и французскихъ интересовъ, какъ неодолимая противъ Азіи плотина.“ Мы съ Петрониллой закричали: виватъ!... „Никакихъ манифестацій въ мою пользу! сказалъ нашъ посѣтитель. — Хотите имѣть вѣрнаго союзника, держите его въ тайнѣ!“ — „Мы поклялись—перебила Петронилла—не только въ письмахъ, но и въ разговорахъ не произносить вашего имени.“—„Умно. Могутъ подозрѣвать. Образа мыслей моихъ я и не скрываю.... Но открытое вмѣшательство можетъ скорѣе повредить, чѣмъ помочь дѣлу.... Итакъ, что вы намѣрены дѣлать?“ — „Завтра же ѣхать домой, передать деньги, подать сигналъ и работать.“— „Много ли у васъ такихъ женщинъ?...“—„Всѣ!“ отвѣчала Петронилла рѣшительно. — „Значитъ, нечего сомнѣваться въ успѣхѣ....“

— Да поддержитъ васъ въ благихъ намѣреніяхъ Пресвятая Матерь! произнесъ кармелитъ, умильно посматривая на Петрониллу.

— Она не требуетъ вашего одобренія! надувшись, проговорила сквозь зубы пани Матильда.

— Вотъ вы лучше возвратили бы намъ Аврелію! замѣтила Петронилла.—Она тверда въ святой вѣрѣ, и только этимъ путемъ можно было бы обратить ее къ обязанностямъ доброй патріотки....

— Полно, Нилла! сказалъ президентъ, вставая съ мѣста.— Что ты затѣваешь? Аврелія отрѣзанный ломоть; она давно уже не наша; теперь случайный нашъ гость; потерянная полька!...

— Это почему? перебила Петронилла.—Она можетъ любить мужа, но не его націю; она можетъ, она должна желать гибели Москвѣ, воскресенія отчизнѣ. Положимъ, что ей нельзя стать открыто въ ряды славныхъ защитниковъ святаго дѣла, хотя и это только малодушіе, но въ тайнѣ она можетъ, она должна помогать намъ усыплять дѣятельность врага, затягивать на глазахъ его повязку, давать намъ знать, если что узнаетъ вредное или опасное для нашего дѣла....

— А когда овдовѣетъ—прибавилъ Дзвигачъ—тогда уже открыто перейдетъ на свое почетное мѣсто....

При словѣ „овдовѣетъ" и панъ-президентъ и пани Матильда вздрогнули и невольно взглянули на Петрониллу. Та сложила задумчивую, ничего не выражавшую физіономію. Кармелитъ, напротивъ, такъ сладострастно ухмылялся, какъ будто невидимая рука отворила передъ его носомъ двери въ рай Магомета.

— Маловѣрные! воскликнулъ онъ, замѣтивъ взглядъ президента и Матильды и преображаясь въ строгаго и грознаго оратора.—Бѣдна еще любовь ваша къ несчастной отчизнѣ! Вы готовы на матеріяльныя жертвы, потому что если вы ихъ не дадите добровольно, то воля націи отниметъ силой; на жертвы моральныя вы еще не способны! Значитъ, ваша ненависть къ Москвѣ неполна. Вы еще умѣете жалѣть врага. Вамъ жаль зятя, потому что онъ богатъ, потому что онъ имѣетъ хорошія качества. Тѣмъ хуже для насъ. Негодяи не опасны. Оставляйте ихъ Москвѣ на приплодъ; пусть собственныя дѣти терзаютъ ее. Истребляйте умныхъ, способныхъ, добрыхъ и тѣмъ отнимайте у Москвы умъ и ходатаевъ за примиреніе! Нѣтъ мира! смерть врагамъ!...

Пани Матильда смирилась. Кармелитъ, одушевленный нечистой силой ненависти, стрѣлялъ огненными взглядами въ свою укрощенную овцу и видимо господствовалъ надъ ея совѣстію и волей; за то бѣдный Жеребовецъ едва могъ скрыть свое бѣшенство, какъ оскорбленный мужъ, какъ нѣжный отецъ, какъ политикъ, отвергавшій кровавые принципы. Но онъ очень хорошо зналъ, что рѣчь его въ противномъ смыслѣ навлекла бы на него насмѣшки и презрѣніе даже тѣхъ, которые думали такъ же, какъ и онъ.

— И что вы теряете? продолжалъ Дзвигачъ.—Ненавистнаго для всѣхъ насъ члена фамиліи! Дѣло прошлое: я остерегалъ васъ—вы не послушались, а теперь сами видите, что это позоръ намъ, пятно на домѣ Жеребовцевъ. Вы должны были бы радоваться, что такъ легко и дешево можете избавиться отъ него. Онъ богатъ; но все его богатство—въ рукахъ вашихъ; наслѣдники всего состоянія—дѣти Авреліи. Пока они выростутъ, Польша будетъ свободна; Аврелія, богатая вдова, красавица, найдетъ себѣ мужа получше московскаго полковника, наградитъ собой доблесть лучшаго героя Польши, воспитаетъ дѣтей на лонѣ святой римско-католической вѣры... Не понимаю, какъ вы и пани Матильда можете еще колебаться.

— Кто вамъ сказалъ, что мы колеблемся? съ важностію спросила пани Матильда.—Мы провинились въ томъ, что молчали, а я прежде васъ все это точно также обсудила и съ нетерпѣніемъ жду варфоломеевской ночи. Но, скажу вамъ откровенно, я боюсь за Аврелію: этотъ характеръ не изъ дюжинныхъ; она не броситъ мужа въ минуту опасности; она стрѣляетъ изъ пистолета въ цѣль такъ же мѣтко, какъ отецъ Бонифацы глазами, когда говоритъ проповѣдь. Она ѣздитъ верхомъ не хуже своихъ гусаровъ, а любитъ мужа....

— Какъ моя Петронилла!

— Да, не меньше!... И пани Матильда лукаво улыбнулась. Петронилла покраснѣла, но тотчасъ же оправилась и спросила:

— Что же вы этимъ хотѣли сказать?

— А то, что когда будетъ назначенъ великій день мести, Аврелію съ дѣтьми надо выманить изъ дому.

— Всегда острый умъ пани Матильды — замѣтилъ кармелитъ — является къ намъ на помощь какъ звѣзда путеводная. Но какъ это сдѣлать?

— Вы всѣ умѣете только болтать, и хвастать; а я дѣйствую. Мѣры приняты. Полковой лекарь занемогъ; докторъ Попуцкій, что временно лечитъ въ домѣ Иванова, получилъ инструкцію... Тише: кто-то подъѣхалъ.

— Это Леви! взглянувъ въ окно, сказалъ панъ-президентъ, блѣдный какъ полотно. — Приближается время, назначенное для комитета. Вѣрно, заѣхалъ пораньше.

— Вотъ вамъ помощница—пани Леонора! проговорилъ Дзвигачъ торопливо.

— Еврейка, фи!

— Да развѣ это можетъ служить теперь препятствіемъ? замѣтилъ отецъ Бонифацы, опять ухмыляясь на магометанскій ладъ.—Пенензы, пенензы, пани Матильда! Надо и евреямъ дать долю чести въ общемъ дѣлѣ: иначе мы обратимъ ихъ въ шпіоновъ и потеряемъ ихъ казну. Сказано и приказано, и вамъ свѣтскимъ и намъ: называть и считать евреевъ: „братьями стараго закона“.

— Полноте! И вы обнимете ихъ какъ братьевъ, отецъ Бонифацы? спросила Матильда презрительно.

— Почему же нѣтъ? замѣтилъ шутливо Дзвигачъ.—Сестру Леонору... не откажется!

Всѣ засмѣялись, кромѣ пани Матильды; но разговоръ прекратился. Вошелъ Леви, завитой, раздушенный. На немъ весь костюмъ былъ изъ Парижа.

— Я на одну минуту, сказалъ Леви, раскланиваясь.—Жена ждетъ въ каретѣ.

— Вотъ кстати: по волѣ народа, она назначена помощницеи пани-президентовой!

— Благодарю за честь! отвѣчалъ Леви самодовольно.—Она исполнитъ свою должность не хуже другихъ и заслужитъ одобреніе.

— Такъ пусть же сейчасъ и поступитъ на службу!... Кого бы послать депутатомъ просить ее пожаловать на бесѣду?... Отецъ Бонифацы, потрудитесь. Вамъ нечего дѣлать.

Пани Матильда растерялась и не съумѣла остановить непріятнаго и неумѣстнаго распоряженія Дзвигача. Кармелитъ обрадовался порученію, подобралъ реверенду, проворно исчезъ и воротился—въ парѣ съ полькой стараго закона!

— Я хотѣлъ—говорилъ, между тѣмъ, Леви—сказать вамъ нѣсколько словъ, потому что на этихъ комитетахъ всегда такой шумъ, гамъ, что не дадутъ выговорить. Для такихъ засѣданій я купилъ домъ, что возлѣ полковника Иванова. Чѣмъ ближе, тѣмъ меньше подозрѣній.

— Этого не должны знать и наши, не-комитетскіе.

— Понимаю... Нижній этажъ дома, гдѣ живетъ Ивановъ, я тоже нанялъ.

— Вотъ это превосходно!

— А насчетъ нашихъ поляковъ мы такъ распорядились. Старозаконники собрались вчера у меня, принесли присягу, назначили генеральнымъ прокураторомъ меня. Я сегодня же уѣзжаю въ Варшаву, потомъ поѣду въ другіе города, чтобы

привести къ присягѣ всѣхъ поляковъ-старозаконниковъ... Но, повторяю, господа, москали не должны знать о нашемъ участіи: иначе бѣдняковъ по корчмамъ всѣхъ перевѣшаютъ. Содѣйствіе нашихъ должно быть тайное, невидимое; тѣмъ оно будетъ вѣрнѣе и для всѣхъ насъ выгоднѣе. Должно дать знать по всѣмъ нашимъ арміямъ и комитетамъ, что если встрѣтятъ при московскихъ войскахъ старозаконника, подъ видомъ лазутчика или фактора, то пусть знаютъ, что это притворство, или вынужденное, или добровольное по разсчету. Ну, а у васъ какъ дѣла идутъ?

— Слава-Богу! едва могъ выговорить панъ-президентъ.

— Очаровательная пани Леонора—сказалъ Дзвигачъ, встрѣчая жену банкира—наше посольство къ вашей каретѣ должно вамъ доказать, что въ славное наше время ледъ и огонь сливаются въ одну общую мысль, въ одно общее чувство.

— Давно бы пора выкинуть за окно глупые предразсудки! отвѣчала Леонора.—Патріотическое сближеніе перемѣнитъ, исправитъ многія понятія. Вотъ, напримѣръ, я до сихъ поръ и не знала, что у васъ пастыри душъ умѣютъ быть и пастырями сердецъ.

„Что она хотѣла этимъ сказать?“ подумала, покраснѣвъ, Матильда. „Я ей, чертовкѣ, глаза выцарапаю! Хороша помощница!“

— Мнѣ очень пріятно—продолжала пани Матильда громко—что мужъ вашъ изъявилъ согласіе, чтобы вы были моею помощницею въ трудномъ дѣлѣ.

— Не считаю его труднымъ! Цѣль облегчаетъ всякое дѣло, а живая дѣятельность — пища женщины. Для насъ, женщинъ, кого защищаютъ полъ и приличія, борьба съ Москвой тотъ же балъ, только кровавый, съ оглушительной музыкой, не безъ наружнаго великолѣпія, потому что пока солнце взойдетъ, черный костюмъ не придастъ ему веселаго блеска.

„Хвастунья!“ подумала Матильда. „Хотѣла передо мной щегольнуть своимъ парижскимъ костюмомъ. Не замѣчаю, не замѣчаю!... Пусть злится!...“

— Какъ же мы сдѣлаемъ? спросила Леонора съ живостью. Будутъ у насъ комитеты?...

— Ежедневно, сухо сказала Матильда.

— Зачѣмъ такъ часто — замѣтилъ Дзвигачъ — особенно вначалѣ?...

— Это мое дѣло. Спрашивайте съ меня, а въ подробности моихъ распоряженій прошу не вмѣшиваться... „Я отобью у нея охоту,“ подумала Матильда.

— Въ чемъ будутъ наши обязанности?

— Кажется, объ этомъ и спрашивать нечего, отвѣчалъ Дзвигачъ.—Собирать добровольныя приношенія; заготовлять для арміи что нужно и что можно; узнавать, увѣдомлять, не терять изъ виду и чужихъ и своихъ...

Разговоръ былъ прерванъ: подъѣхалъ экипажъ. Къ общему удивленію, вошла Аврелія. Впечатлѣніе, произведенное ея прибытіемъ, было различное. Пани Матильда растерялась, что стало съ нею нерѣдко повторяться. Пани Петронилла загорѣлась яркимъ во всю щеку румянцемъ, стараясь не смотрѣть на сестру. Пани Леонора глядѣла на всѣхъ съ удивленіемъ. Кармелитъ, который до того сидѣлъ весьма небрежно передъ дамами, любуясь ихъ красотою, всталъ, отошелъ въ сторону и сложился въ важную, но почтительную фигуру; Дзвигачъ посматривалъ на Аврелію съ удовольствіемъ, а у Леви глаза забѣгали, будто по полу червонцы разсыпались. Только панъ-президентъ бросился къ дочери, какъ юноша, обнялъ ее съ чувствомъ; сѣдая голова упала на плечо Авреліи. Заплакать не посмѣлъ, но и говорить не могъ.

— Неужели? сказала громко пани Леонора, глядя вопросительно на пани Матильду.

— Что неужели?...

— Ваша помощница жена московскаго полковника?...

— Какой неумѣстный вопросъ!

— Наконецъ мы тебя видимъ, милая Реля!—сказалъ отецъ, какимъ-то задушеннымъ, страдальческимъ голосомъ, подымая старую голову и смотря на дочь сухими, но страшными глазами.—Ты пріѣхала обрадовать насъ, значитъ внуки мои здоровы? опасность миновалась?...

— Не совсѣмъ! Самая болѣзнь прошла, но послѣдствія неутѣшительны...

— Что такое?...

— Панъ Попуцкій говоритъ: во что бы то ни стало, надо перемѣнить воздухъ.

Пани Матильда съ самодовольствіемъ взглянула на Дзвигача.

— Онъ говоритъ, что жидовская атмосфера нашего города тяжела и для здоровыхъ...

— Что правда, то правда, мѣрно, съ нажимкой на слова, пропѣла пани Матильда.

Леонора и Леви притворились, что не слыхали намека.

— Что же ты намѣрена дѣлать? спросилъ отецъ.

— Сама не знаю. Мужъ совѣтуетъ ѣхать въ наши русскія деревни...

— Отличная атмосфера! воскликнулъ Дзвигачъ.—Пріятный климатъ! Лѣтомъ морозы... слова на воздухѣ мерзнутъ...

— Вы тамъ не были, а я была. Климатъ въ Курской губерніи, гдѣ наши помѣстья, ничѣмъ не хуже здѣшняго. Но оставить мужа, да еще въ такое время!...

— Въ какое время? спросила пани Матильда съ притворнымъ удивленіемъ.

— Виновата, мамо! Мнѣ не слѣдовало бы и намекать на это. Я пріѣхала съ просьбой: не могу ли я съ дѣтьми, пока они оправятся, прожить на Жеребовцѣ...

Невозможно себѣ вообразить, какъ всѣ обрадовались этому предложенію. Матильда даже встала съ своего бархатнаго престола и бросилась обнимать дочь.

— И ты могла, Реля, сомнѣваться въ нашемъ согласіи?... Весь домъ къ твоимъ услугамъ. Онъ теплый. Мы не разъ тамъ зиму проводили...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ пріютиться въ томъ самомъ флигелѣ, гдѣ началось мое счастье...

— Онъ такъ и стоитъ не тронутый, съ умиленіемъ сказалъ отецъ.—Я не велѣлъ оттуда брать ни малѣйшей бездѣлушки, какъ будто ты ушла оттуда на минуту; даже алтарикъ твой такъ и стоитъ, какъ при тебѣ стоялъ; все по прежнему; недоставало только моей Рели. И не разъ я самъ за тебя на пустой бархатъ молился... Сегодня же самъ поѣду, велю вытопить, въ саду для дѣтей алею расчистить, пескомъ густо посыпать. Можно тамъ поставить имъ гимнастику...

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться? почтительно сказалъ кармелитъ.—Сегодня я отправлюсь въ тѣ стороны: могу передать ваши приказанія...

— Такъ велите протопить весь домъ, перебила Матильда тревожно.—И я туда переѣду: не за горами. И ко мнѣ, кому надо, могутъ туда ѣздить, и я, когда нужно, могу навѣщать городъ... А моя милая Реля покрайней мѣрѣ не будетъ скучать въ одиночествѣ...

— Вы, мамо, забыли, что я скучать не умѣю...

— Полно, Реля! Не отказывай мнѣ въ этомъ удовольствіи. Мы опять заживемъ съ тобой по старому... Лучшее время моей

жизни—продолжала пани Матильда со вздохомъ—это тѣ два года, когда мы съ тобою, послѣ твоей свадьбы, жили на Же-Жеребовцѣ... Когда же переѣдешь?

— Когда позволите...

— Опять церемоніи! Реля, моя милая Реля, теперь тамъ хозяйка ты. Завтра можно...

— Я скажу мужу... Онъ будетъ въ восторгѣ.

— Впрочемъ, ты переѣзжай когда хочешь; а я завтра... Не люблю откладывать... И то сказать: въ городѣ теперь такая скука, что я удивляюсь, какъ до сихъ поръ отъ тоски не расхворалась. Мы уйдемъ, Реля, отъ этого принужденія, заживемъ по прежнему!.. Пане Бонифацы! поѣзжайте съ Богомъ, распорядитесь, прикажите заложить экипажъ... Куда же ты, Реля?.. Не присѣла даже, и бѣжишь!...

— Простите моему нетерпѣнію! Я такъ счастлива, что и не знаю какъ вамъ расказать мою радость. Но не забудьте, около часу я не видала моихъ больныхъ бѣдняжекъ... Мнѣ все кажется, что они зовутъ меня... Привычка...

— Разумѣется! Ну, Богъ съ тобой! спѣши: для больныхъ и день одинъ важенъ...

— До свиданія, мамо!... Ту будешь, Нилла, навѣщать насъ?

— Еще бы!...

— А ты, папо?

— Обо мнѣ не спрашивай!... Постой, Реля, я провожу тебя... пойдемъ!...

Провожая Аврелію по анфиладѣ комнатъ, старикъ глубоко вздохнулъ; Аврелія отвѣчала ему тѣмъ же.

— Плохо, Реля!...

— Плохо, папо!...

— Французъ одолѣлъ...

— Русскіе не вѣрятъ ѳпасности...

— Мы погибнемъ!...

— Богъ не допуститъ... Что ты, папо, оглядываешься?

— Гм! У насъ вездѣ шпіоны! Можетъ быть, я самъ плачу тому лазутчику, который за мной смотритъ...

— Неужели такъ огроменъ, такъ плотенъ заговоръ?

— На Жеребовцу, Реля, на Жеребовцу! тамъ насъ никто не подслушаетъ... Когда я ложусь спать, три комнаты на замокъ запираю, чтобы во снѣ не проговориться. Плохо, плохо, Реля! Никому не могу сказать откровенно ни одного слова... Кто-то

идетъ!... И, возвысивъ голосъ, президентъ продолжалъ: — Ты бы, Реля, желтокъ съ сахаромъ дѣтямъ давала: въ этихъ болѣзняхъ помогаетъ.

Аврелія горько улыбнулась.

— Бѣдный папо! Но успокойся! Будемъ вмѣстѣ молиться!... Послѣднее лекарство!...

VI.

Въ то же время въ столовой шелъ разговоръ совсѣмъ другаго содержанія.

— А что, пане Станиславе—сказала торжествующая пани Матильда, когда Аврелія ушла — моя политика поискуснѣе, моя полиція поисправнѣе вашей: Аврелія и дѣти въ нашихъ рукахъ. Теперь Москва окружаетъ Релю и она не слышитъ воплей Польши. Въ объятіяхъ такого мужа простительно забыть даже отчизну....

— Если и не простительно—замѣтила пани Леонора — то возможно....

— На Жеребовцѣ дѣло другое! Мы окружимъ ее всѣмъ тѣмъ, что заставитъ проснуться польское сердце....

— Ну, на это не надѣйтесь такъ скоро.... Вотъ когда овдовѣетъ, дѣло иное.... А переводъ вашей главной квартиры на Жеребовецъ—распоряженіе умное. Не сегодня, такъ завтра по городамъ разсыплются московскіе шпіоны; на Жеребовецъ они не заберутся....

— Мамо! перебила Петронилла.—Возьмите и меня съ собой на Жеребовецъ.

— Зачѣмъ?

— И я просилъ бы объ этомъ, сказалъ Дзвигачъ, искоса поглядывая на жену.

— Я спрашиваю: зачѣмъ?...

— Затѣмъ—сказалъ Дзвигачъ—что во время общей завирухи (суматохи) мнѣ будетъ не до жены, а тѣ москали, что уцѣлѣютъ, догадаются откуда громъ и бросятся на первую на нее....

— И въ дипломатикѣ я могу вамъ помочь. Если нужно будетъ послать куда наскоро, кто же вѣрнѣе и осторожнѣе исполнитъ ваши приказанія?... Вы еще раздумываете, мамо? прибавила Петронилла.

— Нѣтъ, я думаю, гдѣ тебя помѣстить. Домъ небольшой....

— А тѣ три комнаты, что между флигелемъ и домомъ? Тамъ никто не живетъ.

— Охотничьи? Пожалуй! Тамъ ты никому не помѣшаешь. И возлѣ Авреліи! Можете болтать, спорить.... Прекрасно! Я согласна....

Дальнѣйшій разговоръ по этому предмету не могъ продолжаться: экипажъ за экипажемъ подъѣзжалъ къ крыльцу. Двери то и дѣло отворялись, входили мѣстные чиновники, помѣщики, появлялись и неизвѣстныя хозяевамъ лица; только Дзвигачъ всѣхъ зналъ, каждаго привѣтствовалъ, но съ такою сухою важностію, съ такимъ оскорбительнымъ высокомѣріемъ, что едва-ли могъ расположить къ себѣ умъ и волю сотрудниковъ. Одному пану Лешкевичу, который униженно ему кланялся и постоянно называлъ его паномъ генераломъ, Дзвигачъ подалъ руку. Какъ только явился Лешкевичъ, Дзвигачъ сказалъ громко: „Ну теперь всѣ! пойдемъ на совѣтъ!"

Мужчины перешли въ залу, и Дзвигачъ открылъ засѣданіе длинною рѣчью, въ которой описалъ самыми яркими красками положеніе Польши и ея надежды.

— Начнемъ съ королевства, говорилъ онъ.—Наличную московскую военную силу—въ одну ночь вырѣжемъ. „Пся кревъ" (собачья кровь) московская прольется, и тогда примирительныя мѣры сдѣлаются съ обѣихъ сторонъ невозможными. Малодушные консерваторы и робкіе ретрограды, которымъ жаль своего вельможнаго покоя, допустили великую націю зарости смрадными лишаями. Пусть они не подымаютъ ослиной головы, не показываютъ лисьяго хвоста, пусть не открываютъ богопротивнаго рта на московскую службу. Кто не съ нами, тотъ москаль... хуже москаля. Москаль врагъ-варваръ; этотъ врагъ-предатель. Ни у одного изъ насъ не дрогнетъ рука всадитъ пулю въ лобъ такому отцу, такому сыну. Мы отправимъ ихъ по принадлежности въ *пекло;* не похоронимъ по обрядамъ церкви вѣроотступниковъ. У насъ все готово! Правительство, отъ имени котораго я имѣю честь вамъ говорить, не захватило власти насильно: оно избрано въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Туринѣ, въ Женевѣ, въ Константинополѣ, въ Яссахъ, во всѣхъ городахъ, куда несчастные братья ваши скитальцы, потерявшіе за преданность родинѣ не только богатыя помѣстья, но и хлѣбъ насущный, были загнаны злобою Москвы. Они искупали грѣхи ваши десятками лѣтъ изгнанія, всѣми ужасами неописуемыхъ

лишеній; они носили по сушѣ и океану, по всему міру старую, независимую Польшу; они доставили намъ могучихъ, вѣрныхъ союзниковъ и огромныя моральныя и матеріяльныя средства. А сами? питались крохами чужаго хлѣба. Мы веселились, плясали, безчестили себя лестью и поклонами, добивались почетныхъ бляшекъ, а тѣ, какъ кроты подъ землею, копали могильную яму для гордаго врага. И выкопали!... Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ королевства въ эту самую минуту раздаются тѣ же рѣчи, кипятъ тѣ же чувства.... Чего! Въ Литвѣ, на Подолѣ, на Волыни, въ Малороссіи, въ Одессѣ, на Дону патріотизмъ зажигаетъ иллюминацію, которая разомъ со всѣхъ угловъ охватитъ огнемъ врага нашего, обаяннаго своей силой и безпечностію. Гдѣ есть два поляка, будь они ключниками у какого-нибудь варвара-помѣщика, и туда уже посланы наши манифесты и приказы. Единомышленники наши, какъ черви, разсыпались по всей утробѣ разлагающейся Москвы. Великій подвигъ созрѣлъ втайнѣ; въ явѣ остается только торжество. И не пройдетъ двухъ, трехъ мѣсяцевъ, какъ мы возгласимъ въ Варшавѣ общій Te Deum. Повторяю: у насъ все готово! Правительство, арміи, арсеналы, казна, продовольствіе, союзники! И какіе союзники! Не успѣемъ мы поднять знамени независимой Польши, какъ двинутся цѣлые арміи и флоты къ намъ на помощь.... Въ этомъ мы имѣемъ самыя вѣрныя ручательства и завѣренія: теперь уже прошла мода ложныхъ и неразсчетливыхъ обѣщаній. Гарибальди только ждетъ назначеннаго медиками срока, чтобы сѣсть на коня и явиться между нами героемъ и защитникомъ народной свободы. Самые близкіе его сподвижники уже въ Варшавѣ или въ дорогѣ. Венгерцы формируютъ въ Турціи легіонъ польскій; нѣтъ города въ Европѣ, гдѣ бы не было польскаго клуба; тамъ членами не одни поляки, а всѣ національности. Двѣнадцать лѣтъ ополчалась наша мать-страдалица! Какого ума, сколько хитрости, притворства, терпѣнія, лишеній, настойчивости нужно было, чтобы приготовить переворотъ, который не долженъ уже испытать прежнихъ неудачъ! Разомъ, будто по выстрѣлу, Польша станетъ на ноги, не какъ раба возмутившаяся, а какъ сильная, могучая, самостоятельная держава. Система наша вѣрна и какъ судьба неизбѣжна. У каждаго изъ насъ по десяти помощниковъ, у каждаго изъ десяти опять по десяти, и т. д. до самыхъ низшихъ слоевъ населенія королевства. Эта невидимая и неодолимая ар-

мія—свыше милліона. И когда назначенъ будетъ великій день мести, мгновенно исчезнетъ московская сила въ Польшѣ.... Главное—наблюдайте за собою и за своими, чтобы гдѣ-нибудь не выглянула на свѣтъ народная тайна

— Я боюсь за хлоповъ, замѣтилъ кто-то.—Поганцы намъ не вѣрятъ!...

— Повѣрятъ, когда мы истребимъ военную силу....

— Но кто же будетъ рѣзать москалей?...

— Благородная шляхта, вѣчный оплотъ Польши, фабричные, мастеровые, даже старозаконники, и у тѣхъ есть оружіе и память обидъ.... А хлопы.... первыхъ трехъ повѣсимъ, остальные не пойдутъ, а побѣгутъ за нами....

— Какой-то военный пріѣхалъ, сказалъ кто-то у окна.

И всѣ присутствующіе встали; смертная блѣдность покрыла ихъ лица.

— Это нашъ добрый полковникъ, продолжалъ тотъ же голосъ.

— Кто назвалъ москаля добрымъ — сказалъ твердо Дзвигачъ — тотъ намъ не товарищъ! Вотъ выгоды родства съ москалями — прибавилъ онъ, обращаясь къ пану-президенту.— Теперь ваше дѣло! Выручайте!...

Въ это самое время вбѣжали нѣсколько испуганныхъ слугъ, одинъ за другимъ, съ докладомъ.... За ними вошелъ Ивановъ. Посматривая на заговорщиковъ, онъ тихо, покойно прошелъ на середину залы, остановился, еще разъ окинулъ взоромъ все собраніе и сказалъ твердымъ голосомъ, но съ пріятною улыбкой, выражавшей отсутствіе всякой злобы:

— Господа! Я ѣхалъ сюда, чтобы сказать родное спасибо родителямъ жены моей, которые такъ радушно дали пріютъ моимъ больнымъ дѣтямъ, и попалъ въ какое-то непонятное для меня собраніе. Вы сочли бы меня мальчишкой, если бы я сталъ увѣрять, что не догадываюсь о цѣли вашего сборища. Она давно извѣстна и правительству и мнѣ. Вы затѣваете раздоръ въ семьѣ, задумываете кровавую ссору. Если бы я имѣлъ прямыя или косвенныя доказательства, явныя улики вашихъ затѣй, то, конечно, безъ церемоніи, безъ снисхожденія къ родству, распорядился бы и размѣстилъ васъ по безопаснымъ квартирамъ, не какъ бунтовщиковъ противъ правительства, а какъ возмутителей народнаго спокойствія, пока какъ нарушителей полицейскихъ законовъ. Васъ отчасти изви-

няютъ, но только передъ вами самими, предразсудокъ и ложныя убѣжденія. Переувѣрять васъ значило бы терять понапрасну слова, хотя въ другихъ случаяхъ прежде слѣдуетъ дѣйствовать убѣжденіемъ, а потомъ уже силой.... Съ глубокою скорбію понялъ я, господа, что ваши мечты не разлетятся безъ кроваваго разочарованія. Русская воля уже не можетъ спасти васъ. Вѣроломство, въ какія золотыя бумажки вы его ни завертывайте, всегда останется вѣроломствомъ. Убійца изъ-за угла всегда подлецъ, для какой бы то ни было цѣли. Все это вамъ, какъ благороднымъ людямъ, должно быть извѣстно. Если бы въ этой залѣ была собрана вся Польша, тогда можно было бы съ вами и поговорить по-братски, и я убѣжденъ, что девять-десятыхъ согласились бы со мною и позорно прогнали бы парижскихъ учителей ловить рыбу въ мутной водѣ гдѣ-нибудь подальше. Но вы, проповѣдники революціи, вы разсыпали передъ сомнѣвающимися вашими братьями столько соблазновъ, раскрасили будущность такими очаровательными красками, что навели на робкихъ то постыдное для твердаго разсудка чувство, которое вы называете omamienie, а мы обаяніемъ. Omamienie, ma panowie, omamienie! Но что дѣлать! нѣтъ лекарства. Болѣзнь пустила корни. Случайно попавъ къ вамъ, я повторяю, что пришелъ не для словопреній, потому что они безполезны: я хочу только предупредить васъ, что пока я въ вашемъ городѣ, я не позволю открыто издѣваться надъ святостію правъ общаго нашего правительства. Если подобная сходка повторится, извините, я васъ всѣхъ арестую.... А теперь не угодно ли вамъ разойтись по домамъ и помнить мои дружескіе совѣты....

Храбрые паны только того и ждали: одинъ за другимъ, чуть не опрометью, похватали впопыхахъ свои и чужія конфедератки — и давай Богъ ноги!

— Не могу понять, господинъ полковникъ, по какому праву разгоняете вы общество благородныхъ людей, которые собрались, можетъ быть, потолковать о литературѣ.... И вы хотите, чтобы за такой деспотизмъ поляки васъ любили? замѣтилъ Дзвигачъ.

— Вѣрно, литературная бесѣда ваша была очень скучна. Посмотрите, какъ бѣгутъ слушатели! Одно скажу вамъ, какъ родственнику, панъ Дзвигачъ: вся Польша теперь кричитъ по нашему; но помните, что опытный глазъ угадаетъ, гдѣ ори-

гиналъ, гдѣ копія. Если правительство прикажетъ мнѣ захватить зачинщиковъ подготовляемаго здѣсь мятежа, я минуты не задумаюсь: велю взять васъ перваго. Васъ спасаетъ великодушная снисходительность правительства. Не мое дѣло судить о его дѣйствіяхъ; но если правительство признаетъ нужнымъ взять свои мѣры, вы очень хорошо понимаете, что за одинъ вашъ языкъ, не говорю уже за дѣйствія, пани Петронилла можетъ овдовѣть преждевременно.... Жалѣю и васъ, достойный панъ-президентъ.... Не о такой Америкѣ вы мечтали!... Впрочемъ, и ваше предсказаніе сбылось. Вотъ такіе патріоты, какъ Дзвигачъ, хотятъ и у насъ завести, какъ въ Америкѣ, братскую рѣзню. Но Богъ милостивъ!... Могу я видѣть пани Матильду?

Президентъ молча указалъ на двери.

VII.

Въ первое воскресенье жеребовскіе поселяне пріятно были обрадованы колокольнымъ звономъ съ жеребовскаго костела. Мѣстный священникъ уже болѣе полугода лежалъ въ постели, одержимый дѣйствительною или притворною болѣзнію; паства была безъ пастыря. Въ Польшѣ много было такихъ церквей, въ которыхъ не было священниковъ; но въ это воскресенье во всемъ царствѣ не было не только костела, но часовеньки, гдѣ бы не оказалось проповѣдника. Кармелиты тшевичковые (въ башмакахъ) и босые, бернардины, доминиканцы, августины, словомъ— монахи всѣхъ прозвищъ разсыпались для проповѣди, или, точнѣе, для революціонной пропаганды. Отецъ Бонифацы выхлопоталъ себѣ Жеребовецъ, Бабилово и Кунцы и взялъ нѣсколько помощниковъ. На Жеребовцѣ шла msza spiewana, то есть месса съ органомъ и пѣніемъ, что привлекло въ костелъ богомольцевъ изъ сосѣднихъ помѣстій и фольварковъ. Передняя рѣзная скамья, украшенная бронзовыми гербами фамилій Жеребовцевъ и Короньскихъ, запиралась на замокъ. Ключъ былъ у сакристіана, дряхлаго старца, который даже и не зналъ, что дѣлается на свѣтѣ; изъ костела онъ возвращался домой, ложился спать и спалъ до тѣхъ поръ, пока его не разбудятъ къ обѣду или для того, чтобы опять итти въ сакристію. И теперь старикъ не зналъ, что на Жеребовцѣ и старая и молодая пани. Весь народъ уже собрался. Мужики съ недоумѣніемъ поглядывали на гостей, которыхъ прежде никогда не видали въ

своемъ костелѣ: по всѣмъ признакамъ, гости были не изъ ихъ сословія — городовики по платью, пьяницы по заспаннымъ и опухлымъ лицамъ. Несмотря на „бирбантскій“ видъ, они смиренно держались въ темныхъ углахъ костела. Кромѣ Култуса, прикащиковъ и дворовыхъ челядинцевъ, въ церкви много было и почище одѣтыхъ разнаго возраста людей изъ мелкопомѣстной окрестной шляхты; было даже нѣсколько дамъ, всѣ въ черномъ, и въ числѣ ихъ Зося и Маріанна. Вошли наконецъ и пани Матильда съ Авреліей. Пани Матильда была въ глубокомъ траурѣ; поверхъ польской мѣховой шапочки накинута была густая черная вуаль, совершенно закрывавшая ея лицо. Аврелія тоже была въ мѣховой шапочкѣ и въ красивой шубкѣ съ таліей, только изъ свѣтлосиняго бархата; подвязи же у шапочки были изъ розовыхъ лентъ.... Мать и дочь подошли къ фамильной скамейкѣ; но дверцы оказались запертыми. Култусъ бросился въ сакристію: старикъ не заблагоразсудилъ взять ключа съ собою. Нечего дѣлать, пришлось сѣсть на слѣдующей скамейкѣ, а какъ и эта скамейка была полна, то Зося и Маріанна встали и предложили свои мѣста.

— То Култусовна? спросила пани Матильда, садясь на мѣсто.

— Кажется, отвѣчала разсѣянно Аврелія.

Усѣлись. Басокъ стараго органа загудѣлъ, началась месса. Кармелитъ во время служенія красовался на всевозможные лады, стараясь придать всѣмъ движеніямъ своимъ особенную важность и величіе; Аврелія вся погрузилась въ молитву; Матильда, несмотря на густую вуаль, посматривала изрѣдка то на духовника своего, то на публику, проговорила даже нѣсколько замѣчаній, но, вѣроятно, Аврелія не слыхала, потому что ни на одно изъ нихъ Матильда не получила отвѣта. Дошла очередь до проповѣди. Отецъ Бонифацы взмостился на каѳедру, вынулъ бѣлый батистовый платокъ, отеръ потъ и прахъ съ полнаго и краснаго лица своего, наклонился къ алтарю, прошепталъ молитву, прочелъ торжественно текстъ о томъ, что сѣкира у древа лежитъ, положилъ книжку въ сторону, уцѣпился обѣими руками за перила каѳедры и воскликнулъ такимъ страшнымъ голосомъ, что всѣ вздрогнули:

— Кто здѣсь?... Я спрашиваю: кто здѣсь?... Кто стоитъ въ этомъ храмѣ? Дѣти ли святой нашей церкви, или пасынки? дѣти ли несчастной матери отчизны, или клевреты Вельзевула,

предатели, убійцы, купленные или задобренные вражьимъ золотомъ? Изыдите изъ храма, сыны или дщери нечестія! Не вамъ слушать мое горячее слово! Изыдите, говорю вамъ!

Окинувъ грознымъ взоромъ присутствующихъ и нѣсколько помолчавъ, кармелитъ сложилъ руки и, поднявъ глаза кверху, продолжалъ:

— Благодарю тебя, Пречистая Дѣва Марія! здѣсь нѣтъ Москвы: здѣсь чистая Польша! А я, какъ Іеремія, могу залиться слезами правды, оплакать нашъ плѣнъ египетскій, ввести васъ въ радужную палату вашей будущности, которую Пречистая Матерь, святый апостолъ Петръ и святый Бонифацы открыли моимъ недостойнымъ очамъ. Внимайте. Страдая униженіемъ и муками нашей святѣйшей отчизны, я наложилъ на себя тяжкій постъ и заключился въ своей одинокой кельѣ. И дивное дѣло! Ни голода, ни скуки, ни сна не чувствовалъ я. Уже наступила ночь, а у меня въ кельѣ будто сумерки. Но вотъ разливается какой-то чудный свѣтъ, постепенно становится онъ свѣтлѣе, свѣтлѣе и наконецъ превращается въ ослѣпительный блескъ; пахнуло небеснымъ ароматомъ... Проникнутый чувствомъ глубокаго благоговѣнія, со сладостнымъ восторгомъ устремилъ я взоры навстрѣчу святымъ гостямъ. Ко мнѣ приближалась Пресвятая Богоматерь... Покровъ изъ серебряной воды волнами сбѣгалъ съ пречистыхъ плечъ Ея; двѣ слезы на очахъ блестѣли невыразимымъ блескомъ. Ликъ... о, какъ описать божественный ликъ Ея! Гдѣ я возьму словъ?... Уста мои безсильны... На груди Пречистой... вотъ тутъ... струилась кровь!... Благоговѣйный ужасъ охватилъ меня, и я въ трепетѣ повергся ницъ передъ небеснымъ видѣніемъ. Тяжело мнѣ было видѣть Твои, о, Пречистая, Пресвятая Матерь, страданія! О! я понялъ, что за насъ проливала Ты святыя эти слезы, что на груди Твоей была наша кровь! Я все понялъ: тоска сдавила мое сердце—я зарыдалъ... И теперь слезы льются изъ моихъ глазъ, какъ вспомню!..:.

И кармелитъ, вынувъ бѣлый батистовый платокъ, сталъ отирать слезы. По скамейкамъ замелькали платки; послышались всхлипыванія...

Помолчавъ нѣсколько минутъ, кармелитъ продолжалъ:

— „Стыдись плакать!“ сказалъ мнѣ твердый, мужественный голосъ. Подымаю голову: передо мной святый Петръ въ папской тіарѣ... Онъ смотрѣлъ на меня такъ грозно, съ такимъ презрѣ-

ніемъ, что я затрепеталъ. „Презрѣнные тунеядцы — продолжалъ онъ грознымъ голосомъ—презрѣнные тунеядцы! Вы предаетесь бездѣйствію въ то время, когда церковь наша въ прахѣ, а любимица Богоматери, святая Польша, въ цѣпяхъ рабства! Недостойные пастыри! стыдитесь!“ — „Святый отче!“ воскликнулъ я.— „Я не имѣю времени объяснить тебѣ твоихъ обязанностей. Я провожаю Богородицу... Она низошла съ небесъ, чтобы обойти страну и благословить на величайшій, труднѣйшій подвигъ.“

— „Что же я долженъ дѣлать?“ воскликнулъ я въ отчаяніи.

— „Обратись къ своему патрону, св. Бонифацію“, отвѣчалъ св. Петръ, болѣе ласковымъ голосомъ, и исчезъ.

— Въ ту же минуту предсталъ предо мною и св. Бонифацій... Свѣтозарный палліумъ, который поднесъ ему самъ папа, блисталъ точно солнце. Французскіе короли, которыхъ онъ короволъ въ Соассонѣ, составляли его свиту. Приблизившись ко мнѣ, онъ сказалъ: „святый Петръ напрасно упрекалъ тебя— ты не виноватъ: ты постился усердно, ты молился горячо, ты просилъ откровенія. За что же упрекать тебя? Вотъ тѣ другіе (и ораторъ указалъ на народъ) и въ церковь не ходятъ, и москалю какъ рабы служатъ. И за что ихъ Пресвятая Богородица любитъ? Стоятъ ли они одного луча изъ вѣнца Ея скорби и страданій?....

Въ костелѣ, по темнымъ угламъ и по скамейкамъ, раздались рыданія.

— Не плачьте, добрыя дѣти мои—продолжалъ кармелитъ— я за васъ далъ слово, что вы исправитесь.

— Благодаримъ! благодаримъ! раздалось изъ темныхъ угловъ.

— Нѣтъ, лучше плачьте, омывайте вашу гнусность слезами покаянія, до тѣхъ поръ, пока не омоете ее московскою кровью! Недолго ждать! Вотъ только Пресвятая Богородица обойдетъ всю Польшу!... Радуйтесь и веселитесь! мы наканунѣ великаго дня! внимайте, что я скажу вамъ!... Мнѣ открылъ св. Бонифацы, что, по волѣ небесъ, для насъ готовы цѣлыя арміи, и никто ихъ не видитъ; у насъ подъ землею лежатъ сотни пушекъ, сотни тысячъ ружей, косъ... Пороху больше чѣмъ подъ Везувіемъ. Все, все приготовлено для насъ, чтобы сбросить иго московское!... Затѣмъ святый Бонифацы, подавъ мнѣ этотъ крестъ, сказалъ (и кармелитъ живописно поднялъ длинный крестъ изъ рѣзнаго дерева; въ темныхъ углахъ костела послышались шумныя изъявленія восторга): „возьми. Ты

купилъ это право постомъ и молитвой... *Золотые пастыри подавали небесную пищу изъ деревянныхъ чашъ!* И этотъ крестъ не изъ золота; но онъ знаменіе вѣры нашей, знаменіе нашего спасенія! Съ нимъ въ огнѣ не сгоришь, въ водѣ не утонешь; вражеское ядро измѣнитъ полетъ свой предъ нимъ... А кто пойдетъ за нимъ съ тобою, тотъ со мной пойдетъ!.. Двери рая отверсты для тѣхъ, кто станетъ за святой крестъ и отчизну!"

— Кто вѣритъ—воскликнулъ кармелитъ драматически—спѣшите обнять ваше спасеніе, такъ, какъ я его обнимаю...

И, обнявъ крестъ, кармелитъ спустился съ каѳедры. Изъ сакристіи вынесли столъ, покрытый чернымъ чехломъ съ бѣлыми лентами. Кармелитъ положилъ на него крестъ, а самъ сталъ у стола для наблюденія, кто повѣрилъ ему, кто не повѣрилъ. Толпа ринулась ко кресту, но, увидавъ идущихъ къ нему паненъ, отхлынула... Пани Матильда нѣсколько разъ оглядывалась, шла ли за ней Аврелія, и, приложившись къ изображенію Спасителя, стала возлѣ кармелита, желая видѣть, какъ исполнитъ эту церемонію Аврелія. Та подошла къ распятію весьма покойно, но съ заплаканными глазами, опустилась на колѣни, прошептала молитву, поцѣловала изображеніе и тихо отошла на свое мѣсто. Въ эту минуту съ хоръ раздался тотъ самый гимнъ, который запрещено было пѣть по костеламъ.

— Этого я не могу уже слушать! сказала Аврелія матери и, не ожидая ея отвѣта, направилась къ дверямъ костела.

Пани Матильда, невольно слѣдуя за дочерью, спросила провожавшаго ее Култуса:

— А что же мужики не поютъ?...

— А что я съ ними сдѣлаю? Теперь они никого не боятся! Я и слова имъ не смѣю сказать... Смотрите, чтобы они, вмѣсто нашей молитвы, не запѣли русской пѣсни...

— Что же мы будемъ дѣлать?

— Будьте покойны: мѣры приняты...

— Приходи, Култусъ, съ дочкой на кофе...

Аврелія не пришла на кофе.

Вездѣ женщины расположены вѣрить чудесному, но нигдѣ въ такой степени, какъ въ Польшѣ. Нѣтъ небылицы, которой, подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія духа, не повѣрила бы женщина. Умъ Авреліи, конечно, былъ уже много очищенъ, но въ глубинѣ ея души все еще покоились понятія, внушенныя монастырскимъ воспитаніемъ съ нѣжнаго дѣтства. Ивановъ уважалъ святыню

сердца своей жены, надѣясь, что чтеніе, бесѣда и опытъ нечувствительно изгладятъ и послѣдніе слѣды фанатическихъ наставленій паненъ визитокъ. Отчасти онъ былъ правъ. Отецъ Бонифацы показался Авреліи безсовѣстнымъ обманщикомъ, дерзкимъ возмутителемъ, тонкимъ плутомъ; но, несмотря на то, въ душу ея то и дѣло заглядывала мысль: а что, если въ самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ Богородицу и святыхъ?... И Аврелія то сомнительно улыбалась, то задумывалась. Накормивъ легкимъ завтракомъ дѣтей, она, чувствуя головную боль, прилегла на постели.

„Глупо, очень глупо сдѣлала я!... Не послушалась мужа. Вдали отъ этой бури, въ уединеніи, такіе пустяки не доходили бы до моего слуха“... Усталость одолѣла. Аврелія заснула; но враги или пріятели ея не спали.

Пани Матильда, въ ожиданіи гостей, ходила по комнатѣ тревожными шагами; на лицѣ ея былъ написанъ страхъ, нерѣдко бросало ее въ жаръ. Спросите: что волновало эту женщину? Она и сама не знала; темныя чувства, разорванныя мысли; она то обвиняла, то оправдывала себя. И у нея разболѣлась бы голова, если бы не доложили о приходѣ Култуса съ дочкой.

— Проси. Какъ у тебя, пане Култусъ, дочка похорошѣла!... Зося, кажется?...

— Точно такъ, ясновельможная пани!

— Я не узнала тебя сегодня, Зося! Что, уже замужемъ?

— Какъ можно? поспѣшилъ возразить Култусъ.—Какъ бы я смѣлъ выдать ее замужъ безъ вашего позволенія...

— Да я-то ей что?

— Шутить изволите! Вы наша благодѣтельница.

— Довольно, довольно! Есть женихи? я думаю, немало?

— Значитъ, вы о нашемъ несчастіи ничего не слыхали, пани Матильда! перебила съ живостію Зося.—Къ намъ привязался гусарскій ротмистръ.

— Опять гусары!

Пани Матильда вздохнула и посмотрѣла на стѣнку у окна: тамъ висѣли большіе фотографическіе портреты Иванова, Орлея, Ступачева и Мануйки — послѣдніе три, разумѣется, какъ пріятные товарищи любимаго зятя. Въ этомъ невинномъ воспоминаніи не представлялось ничего предосудительнаго.

— Вы знаете его? продолжала Зося съ невозмутимою наивностію.

— Какое мнѣ дѣло? Впрочемъ, можетъ быть.

— Да вотъ и портретъ его!

— Ступачевъ, панъ Игнацы?

— Присталъ съ ножемъ къ горлу. И я, и папа, мы должны были согласиться.

— Напрасно: теперь не время.

— Ужь какъ не время! Впрочемъ, мы нашли препятствія къ скорой свадьбѣ.

— Вотъ это умно.

— Лавируемъ.

— А тѣмъ временемъ подоспѣетъ варфоломеевъ день... Не выходя замужъ, овдовѣешь.

— Долго тянутъ наши. Не понимаю, чего ждутъ... Все готово... Хорошо еще, что на Бабиловѣ стоитъ Мануйко... А будь тамъ панъ Игнацы, добрался бы до арсенала.

— Ты, Зося, кажется, все знаешь! Я очень рада. Ты будешь моей помощницей. Я начальница народовой женской полиціи въ этомъ краѣ.

— Вы? О, какъ пріятно повиноваться такой начальницѣ! Позвольте поцѣловать ручку.

— Ахъ, какая у тебя, Култусъ, милая Зося! И какъ это все чудесно устроилось! Помощница подъ рукой; невѣста москаля: можетъ знать ихъ секреты, вовремя передать то, что мы захотимъ. Чудесно! право, чудесно! Ну, Зося, ты будешь приходить ко мнѣ за приказаніями, послѣ ужина.

— Когда только прикажете.

— А что сегодня въ костелѣ какое впечатлѣніе сдѣлала проповѣдь?

— Городскіе бирбанты (кутилы) славно кричали. Но подлые хлопы, кажется, не повѣрили, уныло отвѣчалъ Култусъ.

— Да развѣ отецъ Бонифацы все это изъ головы выдумалъ?

— Кажется, отвѣчала Зося.—Онъ разсказывалъ, какъ онъ усердно молился, какъ постъ держалъ, а вся парафія (приходъ) знаетъ, что онъ не дальше, какъ вчера, получилъ отъ меня за дерзость пощечину, а отъ Маріанны туза.

„Подлый характеръ!“ подумала Матильда, побагровѣвъ.

— Притомъ же видѣли его и въ жидовской корчмѣ, съ городскими бирбантами кутилъ.... Хорошъ постъ!

— Ну, что за бѣда! Онъ долженъ являться вездѣ для назиданія и руководства.

— Нэхъ бэндзе похвалёны Iезусъ Христусъ (восхвалите Господа Iисуса Христа)! сказалъ важно и мѣрно кармелитъ, безъ доклада входя въ комнату.—Что я вижу! невѣста нечистаго москаля въ такой святынѣ?

— Лучше бы вы не начинали этой исторiи, пане Бонифацы. Я все знаю! И какъ подумаю, въ какую я попала компанiю: на Божiй свѣтъ смотрѣть стыдно!

— Да развѣ я виноватъ—съ запальчивостiю сказалъ кармелитъ—когда отецъ поитъ на убой венгерскимъ, а дочь ласкается? Развѣ можно соблазнять человѣка, пришедшаго спасти и наставить ихъ? Я имъ не вѣрю, пани Матильда! Если не предатели, то во всякомъ случаѣ плохiе союзники. Остерегайтесь этихъ глазъ, что смотрятъ на духовное лицо съ насмѣшкой, не умѣютъ сохранить почтенiя въ вашемъ присутствiи: это козлища! Они продадутъ насъ съ тѣмъ, чтобы этой дѣвчонкѣ сдѣлаться московской ротмистровой! Я ихъ испытывалъ и убѣдился.

— А отчего ты, Зося, поблѣднѣла? спросила со злобой пани Матильда.

— Съ досады! отвѣчала та съ достоинствомъ.—Лжецъ! чего не навретъ на простыхъ людей, когда такъ безстыдно лгалъ на Богородицу! Вотъ предатели нашего славнаго дѣла! Вамъ нравится такая дерзость, а мнѣ она противна, и если бы не въ вашемъ присутствiи, я отпустила бы ему другую пощечину.

Зося повернулась и ушла. Култусъ, опустивъ голову, поплелся за нею.

— Безсовѣстный! тихо, но грозно сказала пани Матильда, оставшись наединѣ съ кармелитомъ.

— Вольно же вамъ вѣрить всякой потаскушкѣ, московской наложницѣ, такое смрадное животное пускать въ свои комнаты! Она боится меня: она знаетъ, что я вижу душу и побужденiя ея насквозь. Разумѣется, надо было очернить меня, выжить поскорѣе отсюда: я ей мѣшаю. Помяните мое слово, эта мерзавка надѣлаетъ намъ много хлопотъ. Мнѣ изъ-за васъ совѣстно за такое непростительное легковѣрiе.

— Ахъ, Боже мой! но поставьте вы себя на мое мѣсто.

И пошло словопренiе. Долго трудился кармелитъ, пока добился примиренiя. Уступчивость не была въ характерѣ Матильды; но, по странному противорѣчiю, она и упрямствовать

долго не умѣла: и въ томъ и въ другомъ случаѣ ея убѣжденія были случайныя. Посердилась, поспорила и помирилась.

Усѣлись за столъ, стали пить кофе, держать совѣтъ. Вдругъ къ крыльцу подлетѣли сани. Изъ нихъ выскочила Петронилла и, не раздѣваясь, вбѣжала въ комнату.

— Рекрутскій наборъ!

Матильда и кармелитъ вскочили.

— Что такое?

— Объявленъ рекрутскій наборъ! Молитесь! благодарите Бога: теперь и хлопъ встанетъ за насъ! Мужъ мой поскакалъ въ Варшаву, а я сюда. Теперь живо за дѣло! Черезъ двѣ недѣли—ужь вѣрно не позже—зададимъ мы имъ сицилійскіе нешпо́ры (вечерню)... Гдѣ Аврелія?...

VIII.

Въ самомъ староствѣ, т. е. у барскаго двора, крестьянскихъ дворовъ было немного, да и тѣ предположено было перенести на Жеребовецъ, большое селеніе, которое отстояло отъ барскаго двора не болѣе версты и образовало съ нимъ, по названію и по спискамъ, одно имѣніе. Въ домикахъ, поблизости барскаго двора, жили только Ступачевъ, еще одинъ офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ; остальные офицеры и весь эскадронъ помѣщались въ селеніи. Какъ-разъ на половинѣ дороги, между барскимъ дворомъ и селеніемъ, стояла нарядная корчма. Домъ былъ большой, каменный, оштукатуренный; примыкавшая къ нему *стодола* или огромный сарай былъ построенъ изъ какого-то не совсѣмъ приличнаго матеріяла, но такъ гладко и чисто, то никто бы и не догадался, изъ какого вещества онъ былъ слѣпленъ. Однако наружность обманчива: въ стодолѣ невылазная грязь. Въ домѣ общая зала и сегодня въ ней квартира арендатора—хуже конюшни. Столъ и скамьи испачканы; на полу соръ по колѣни; въ квартирѣ арендатора визгъ, пискъ; дюжина жиденятъ, полунагихъ и грязныхъ, точно поросята въ мѣшкѣ, толкались и кричали. Отдѣленіе для проѣзжающихъ шляхетскаго или другаго почетнаго званія было не лучше въ своемъ родѣ: полы нечистые, годъ не мыты, но посыпаны пескомъ съ ельникомъ; стѣны имѣли видъ географическихъ картъ, по которымъ видимо путешествовала сальная свѣча въ догонку за домашними вампирами. Диваны съ обло-

манными ручками, стулья на трехъ ножкахъ. Какъ ни строгъ былъ Култусъ, но за безпорядокъ взыскивалъ слабо. Если ему попадался самъ Хаимъ, то онъ подвергалъ его штрафу: бралъ бутылку старой водки, два десятка яицъ и т. п.; но если подалась Хруска, жена арендатора, то взысканіе оканчивалось тѣмъ, что Култусъ трепалъ Хруску по щечкамъ, по шеѣ и назначалъ взысканія въ томъ же родѣ. Хруска въ самомъ дѣлѣ заслуживала бы такого снисхожденія, если бы грязь корчемной жизни позволяла ей держать свою личность въ чистотѣ и опрятности. Глаза... Гомеръ назвалъ свою Минерву волоокою. Такіе же глаза были и у Хруски, въ добавокъ словно уголь черные, правда безъ влаги, за то пламенные, полные блеска, а рѣсницы хоть вершкомъ мѣрять. Изъ-за этихъ-то необыкновенныхъ глазъ и пострадалъ бѣдный вахмистръ. Что касается до остальныхъ статей красоты Хруски, то и онѣ въ своемъ родѣ дѣлали жидовку смазливою. Она была полна, но проворна, въ трехъ комнатахъ заразъ прислуживала, умѣла плебеевъ держать въ субординаціи, а съ почетнѣйшими гостями любезничать безъ послѣдствій. За удовольствіе полюбоваться волоокою Хрускою, не одинъ шляхтичъ переплатилъ нѣсколько лишнихъ грошей, даже *злотыхъ*.

Въ это воскресенье, когда народъ былъ еще въ костелѣ, въ жеребовской корчмѣ уже засѣдали гости... Прискакалъ на вислоухой клячѣ Ицекъ, изъ Бабилова, и заперся съ хозяиномъ въ почетномъ отдѣленіи.

— Ай вай!... кричалъ Хаимъ. — Рекрутъ!...

— А что тебѣ рекрутъ? Корчма доходная: заплатишь триста карбованцевъ, кого-нибудь за себя поставишь. Еще указъ на Бабилово не пришелъ. Это наша почта изъ Варшавы вѣсть принесла.... Михель съ Кунца ко мнѣ *конно* прибѣгалъ; надо было дать знать пану. А у него на Бабиловѣ сеймъ; тамъ и большіе паны и шляхта. Ты знаешь кармелита Гилляра? онъ въ костелѣ такія штуки разсказывалъ, что мужикамъ ажъ страшно стало, всѣ перепились съ перепугу; а говорятъ, что онъ имъ сегодня еще страшнѣе будетъ разсказывать....

— Эхъ, Хаимъ! Мы тутъ болтаемъ, а тебѣ надо бѣжать скорѣе до *мяста* (города), сказать про рекрута Мовшѣ да банкиру Леви.

— А что же я имъ скажу?

— А то, что на Варшаву Москва указъ прислала: давай рек-

рута! Напугай сначала для порядку, а послѣ скажи: не бойся, Мовша! Это москаль шутитъ, а рекрута чтобы никто не боялся: рекрута не нужно. Такъ и губернаторъ и всѣ паны на сеймѣ сказали: не будетъ рекрута!...

— А что же будетъ?...

— Гвалтъ!...

— Какой гвалтъ, Ицекъ?...

— Ты присягалъ у Леви?...

— Присягалъ, хоть со страху ничего не помню, точно на свиной шкурѣ стоялъ....

— Ну, такъ держись!....

— Не пугай, Ицекъ! Пожалуй, еще стрѣлять будутъ?...

— Будутъ; а есть у тебя ружье?...

— А зачѣмъ мнѣ ружье? Еще само выпалитъ, дѣтей покалечитъ.... Бремзеле, попеле, мурмеле, гегеле!

— Это съ непривычки! А ты дѣлай, Хаимъ, такъ, какъ я сдѣлалъ.... Панъ далъ ружье, пороху, четыре пули.... Порохъ и пули я въ двухъ разныхъ комнатахъ заперъ, чтобы не снюхались, а ружье поставилъ въ углу.... Въ первый день даже мимо пройти было страшно. На другой день попробовалъ взять въ руки: словно ледъ въ рукахъ.... Ладонь мерзнетъ.... На третій посмотрѣлъ я въ дуло и зажмурился: бездонный колодезь!... Голова завертѣлась.... А теперь попривыкъ: курокъ на оба взвода взвожу и спускаю. Только какъ щелкнетъ, я назадъ и отскочу.... Пока будетъ гвалтъ, и совсѣмъ привыкну.... И ты сдѣлай такъ, Хаимъ!...

— Нѣтъ, Ицекъ, ты дѣло другое: ты храбрый, а я....

— Трусъ—перебила Хруска—своей тѣни пугается. Вотъ теперь день, а онъ въ городъ побоится побѣжать....

— А какъ же я побѣгу, когда мой сивый охромѣлъ?...

— Надо бѣжать, Хаимъ! Десять карбованцевъ штрафу въ кагалъ заплатишь; а будетъ гвалтъ.... помнишь, какъ тогда было?... веревку на шею да на дерево!... А теперь Леви съ *ними* контрактъ написалъ: не вѣшать, не обижать, считать насъ поляками стараго закона. А мы за это *имъ* служить должны.... Ну, и надо дѣлать такъ, будто служимъ.... О!

— О! а за правду служить не надо, Ицекъ?...

— Какъ можно! Гвалтъ москали уймутъ, какъ уняли и въ то время, когда и Варшава у *нихъ* въ рукахъ была и пушки....

А теперь что? На Бабиловѣ въ саду четыре пушки закопаны, немножко побольше трубы отъ самовара....

— Пушки! на Бабиловѣ пушки! стрѣлять будутъ!... Бремзеле, попеле, гегеле, мурмеле!... Ицекъ! зачѣмъ ты про пушки москалямъ не скажешь?

— Для чего?...

— Пушки отымутъ, стрѣлять не будутъ....

— А Ицка и Хаима на воротахъ повѣсятъ.... Нѣтъ, Хаимъ! надо служить полякамъ, такъ служить, чтобы москалю не за что было сердиться....

— А какъ же такъ?

— Придутъ поляки: „гдѣ москали? куда москали пошли?“ а ты ругай москалей, плачь, говори: ограбили, къ женѣ приставали. Разсказывай, куда пошли и сколько ихъ, и все разсказывай, какъ на дѣлѣ есть. А придутъ москали, ступай къ самому начальнику, тоже скажи ему всю правду, да проси, чтобы велѣлъ тебя высѣчь....

— Высѣчь?...

— Да, да, высѣчь нагайками, и непремѣнно при людяхъ, чтобы видѣли....

— Ай, вай! смѣешься, Ицекъ, надо мной!

— Эхъ ты, одурѣлъ отъ трусости!... Да вѣдь тебя сѣчь-то не станутъ, а только для вида будутъ махать нагайками, да еще денегъ дадутъ. А когда москали *ихъ* нагонятъ и затылки *имъ* нагрѣютъ, такъ никто не скажетъ, что ты указалъ: самому досталось....

— А если солдатъ ошибется, да взаправду....

— Дурень!

— Ну, пусть и взаправду высѣкутъ: все же лучше, чѣмъ повѣсятъ.... Эге! народъ валитъ: будетъ попойка.... Сегодня праздникъ.... Какъ же я поѣду?...

— Поѣзжай! Хруска сама управится, а пока лошадь отдохнетъ, и я помогу.

— Ицекъ! голубчикъ Ицекъ! Да гляди, чтобы вахмистръ проклятый не забрался.... Усы вотъ этакіе! будто пейсики дегтемъ смазаны и къ губѣ вверхъ ногами приклеены.

— Что ты врешь? перебила Хруска.—Вахмистра давно въ другую деревню перевели, и сюда ходить не велѣно....

— Да теперь и ни одинъ гусаръ въ корчму не заглянетъ: строго запрещено....

— Полно, Хаимъ! поѣзжай съ Богомъ! Стыдно, если въ городѣ наши отъ чужихъ прежде узнаютъ.

Хаимъ спѣшилъ медленно: то сивый сѣна не доѣлъ—а сивый съ сѣномъ и знакомъ не былъ, кушалъ сѣчку съ половой—то сиваго поить повели, а, между тѣмъ, оба отдѣленія корчмы наполнились до тѣсноты разношерстными гостьми, такъ что на улицѣ еще стояла толпа, большею частію мужики съ Жеребовца. Вездѣ шелъ одинъ и тотъ же разговоръ про видѣніе кармелита....

— Святое дѣло! Такъ и видно, что святое дѣло! Какія персоны на небесахъ заодно съ нами! толковалъ шляхтичъ, не молодой и не старый, не красивый и не безобразный, въ чамаркѣ и конфедераткѣ.

— Что и говорить! замѣтилъ другой шляхтичъ. — Одно скучно: небо за насъ, а мы сидимъ сложа руки, а руки такъ и чешутся надъ москалемъ поработать.... Гей, пива!...

— А я все того мнѣнія, что такое дѣло ведутъ черезчуръ гласно. Чтобы намъ москали въ шкуру не задали....

— Куда имъ! Ты слышалъ? У насъ арміи; команду взялъ самъ Гарибальди....

— А на что намъ этотъ влохъ! своихъ нѣтъ что ли? Вотъ панъ енералъ Мѣрославскій пріѣдетъ....

— Дуракъ будетъ, кто пойдетъ съ Мѣрославскимъ!...

— Подлецъ будетъ, кто не пойдетъ....

— Можешь подлеца оставить при себѣ, а я лучше дуракомъ останусь....

— Вотъ тебѣ за подлеца!

— Вотъ тебѣ за Мѣрославскаго!

И пошла потасовка. Хаимъ уже сидѣлъ на сивомъ, но, заслышавъ шумъ, соскочилъ съ лошади, вбѣжалъ въ комнату.

— Панове! что вы это затѣяли? Москали сюда идутъ....

Но едва унялъ шляхту, какъ заслышалъ такой же шумъ въ общей залѣ, вскочилъ и чуть не упалъ наземь.... Городовикъ тащилъ Хруску, а другіе тащили его отъ Хруски....

— Да что же это за революція, коли нельзя въ корчмѣ надъ жидовкой потѣшиться? кричалъ пьяный городовикъ.

— Я полька! Я старозаконничка! Тебя, мошенника, панъ Дзвигачъ разстрѣляетъ....

— Молодъ! Я и самъ теперь такой же панъ, какъ онъ.

Всѣ теперь равны; мы ихъ земли и *маіонтки* (пожитки) поровну раздѣлимъ.... Бонифацы говорилъ: все ваше! бери....

— Съ ума вы сошли! закричалъ Хаимъ не своимъ голосомъ.—Москали идутъ сюда! Всѣхъ, и насъ и васъ, заберутъ....

Городовикъ, при этихъ словахъ выпустилъ изъ рукъ Хруску, но все еще храбрился.

— Идутъ! ну, пускай идутъ! *пся кревъ!* Подавай ихъ сюда!...

— Не важничай! возразила Хруска.—Черезъ мѣсяцъ самъ москалемъ будешь. Забрѣютъ тебѣ безстыдный лобъ! пойдешь въ рекруты!...

— Въ рекруты! Ну, что жь! мы будемъ съ тобой пара: вѣдь и у тебя голова бритая....

— Шути! шути! а тутъ не до шутокъ. Наборъ объявленъ....

— Наборъ!...

— Рекрутскій наборъ! это вѣрно! произнесъ Хаимъ твердо.—

Наступило молчаніе.... Вдругъ кто-то глухимъ, но страшнымъ голосомъ сказалъ: „за ножи!...“; также глухо, также страшно всѣ повторили: „за ножи!“ и опять все замолкло. Хруска убѣжала въ свою комнату и заперлась. Хаимъ наконецъ сѣлъ на сиваго, понуждаемый Ицкомъ, и отправился. Ицекъ, провожая его, вышелъ изъ стодолы.

— Я этого кармелита давно знаю, говорилъ мужичекъ въ тулупѣ на заячьемъ мѣху.—Онъ отъ своего монастыря за милостыней ѣздилъ. По всѣмъ костеламъ сегодняшнюю сказку разсказывалъ. Только та разница, что сегодня святые приказывали противъ добраго нашего царя подыматься, а прежде на монастырь ничего жалѣть не велѣли. Напрасно мы его за реверенду съ амвона не стащили да не отвели къ ротмистру: тотъ бы вывелъ его на чистую воду....

— Плутъ обезпечилъ себя. Вы видѣли, какія по угламъ разбойничьи рожи торчали? Это суконники съ бабиловской фабрики....

— Двухъ я узналъ: городовики. Одному я сапоги заказывалъ, а другой извощикъ; пароконной фурой и у меня нанимался....

— Да развѣ у нихъ въ городѣ мало костеловъ? Каждый день служба, а на Жеребовецъ зачѣмъ пожаловали? Водка такъ же дорога, какъ и въ городѣ....

— За то пиво дешево. По гарнцу приказано отпустить на человѣка, который у пана Култуса запишется до польской арміи...

— А пока соберется армія, станутъ красть по нашимъ избамъ, безчинствовать. Женъ и маіонтки береги....

— У насъ не страшно. Гусарамъ только надо сказать. Ночей спать не будутъ, а ужь въ обиду не дадутъ.... Мой толкъ: пойти къ пану ротмистру, да обо всемъ и донести.

— А если вдругъ гусары уйдутъ? свалки не миновать! Гдѣ ихъ покажется больше, туда и пойдутъ гусары, а мы такъ съ голыми руками и останемся; тогда насъ всѣхъ перевѣшаютъ....

— Что жь намъ дѣлать?

— А что намъ дѣлать? Вонъ Янъ Бродавка пошелъ до Култуса, записался; тотъ ему гарнецъ пива и двѣ косы далъ. А видѣли вы, какія косы? На нашихъ ярмаркахъ такихъ не купишь! Можно побриться....

— То Янъ Бродавка! Пиво онъ выпилъ, а косы вѣрно продалъ.

— Одну я купилъ....

— Напрасно! Вотъ эти косы такъ отъ дьявола.

— Отъ какого дьявола! На Бабилово австріяки привезли и теперь, говорятъ, каждый день по три, по четыре фуры привозятъ; карабины, пистолеты, косы, порохъ, пули: недавно ѣздилъ до зятя, самъ видѣлъ....

— И въ толкъ не возьмешь, что и дѣлать....

— По моему, держать себя въ сторонѣ, маіонтки припрятать....

— А куда ты воловъ, лошадей, коровъ, куръ, гусей припрячешь?... Все заберутъ! и пикнуть не смѣй....

— Да изъ чего они взъѣлись?...

— Какъ изъ чего? Паны хотятъ нашу волю воротить, назадъ насъ забрать, какъ свиней, опять въ дворовую грязь утопить, запречь въ свою работу.

— Дудки! Руки коротки!...

— А Янъ Бродавка слышалъ отъ Култуса, будто пановъ совсѣмъ не будетъ, будто польское начальство постановило, чтобы всѣ земли, и панскія и коронныя, отобрать и между всѣми раздѣлить поровну, сколько ни есть поляковъ. Хлопъ, фабрикусъ, шляхтичъ, панъ, графъ, князь, все равно, кто бы ни былъ: смотрѣть не будутъ....

— А ты повѣрилъ?

— Бродавка говоритъ, что онъ самъ видѣлъ золотую бумагу: на ней все это написано.

— Да кто писалъ бумагу? Вѣдь ни ты, ни я, а тѣ же паны. Такъ изъ чего же панамъ хлопотать, пивомъ поить, карабины и косы раздавать? Я тебѣ скажу, о чемъ они хлопочутъ: имъ мало того, что они всю власть по городамъ забрали. Теперь и пожаловаться некому: придешь въ городъ за дѣломъ, ходишь, ходишь—ничего не *докажешь*. Все свои. Вотъ они съ жиру и бѣсятся. Всѣмъ имъ захотѣлось быть королями. Помнишь, въ тридцатомъ сколько ихъ въ короли собиралось! Ну, а не удастся въ короли попасть, сдѣлаютъ магнатомъ. Не ихъ земли раздѣлятъ, а наши заберутъ, и насъ самихъ запрягутъ до плуга. *Байки!* а тою золотою бумагой рога намъ обовьютъ и поведутъ на убой....

— Скажи же, на милость Божью, что намъ дѣлать?

— А вотъ что! Пойдемъ всѣ до Култуса—запишемся. Косы, карабины заберемъ, пива напьемся, оружіе припрячемъ; пригодится....

— Не думаешь ли ты, что Култусъ такъ тебѣ и повѣритъ? Нѣтъ, братъ! прежде велитъ присягать! Бродавка присягалъ....

— Развѣ это присяга! Ты Култусу говори что прикажетъ, а Богу говори другое, то, что самъ заправду думаешь.... Грѣха въ этомъ нѣтъ.

— Ай, вай! прошепталъ Ицекъ, притаясь за угломъ стодолы.—Такого и нашъ братъ еврей не выдумаетъ!...

— Ну, что, идемъ?... Насъ обманываютъ, дурачатъ, какъ барановъ: не грѣхъ тою же монетой разсчитаться!...

Ицекъ круто повернулъ половинку воротъ; тѣ запищали: Ицекъ вышелъ изъ засады....

— А что, добрые люди, вѣрно, про рекрута толкуете....

— Про какого рекрута?...

— Наборъ объявленъ....

— Ага! значитъ до царя про польскія штуки дошло! А если дошло, такъ нечего бояться! Пойдемъ къ Култусу!...

— Да ты забылъ, что съ васъ рекрута возьмутъ....

— На то законъ! Людей не украдутъ. Возьмутъ, кого слѣдуетъ. И тебя возьмутъ.

— Шутишь! Мы рекрута не дадимъ! Паны не велятъ....

— Ну, тамъ увидимъ, а теперь идемъ, хлопцы! День коротокъ, солнце низко....

„Э! подумалъ Ицекъ. — Такъ Мовша правду говорилъ?

Хлопы не съ нами! Оттого-то паны велятъ хлоповъ больше бояться, чѣмъ евреевъ.... Кто же съ нами?... Шляхта!... Плохое будетъ *повстанье!*"

IX.

Аврелія не вышла къ обѣду. Она принадлежала къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ сонъ замѣняетъ лекарство. Когда она предавалась такому спасительному сну, и Тереза и Марина говорили: „барыня лечится". Пани Матильда послѣ обѣда хотѣла навѣстить Аврелію, но Тереза предупредила: барыня нездорова, барыня лечится, и мать оставила дочь въ покоѣ. Но когда пріѣхала Петронилла, а вслѣдъ за нею пани Леонора и еще шесть дамъ, принадлежавшихъ къ десятку хозяйки, Матильда поспѣшила принять мѣры предосторожности. Не успѣли онѣ усѣсться и начать совѣщаніе, какъ вошелъ кармелитъ, безъ доклада, къ явной досадѣ пани Матильды. Такая фамиліярность, въ присутствіи самыхъ почетныхъ городскихъ дамъ, смутила гордую хозяйку дома, и она уже собиралась разразиться противъ невѣжливости монаха; но кармелитъ важно, таинственно приложилъ палецъ къ губамъ, заглянулъ въ сосѣднія комнаты и, ставъ, какъ Аполонъ посреди девяти музъ, сказалъ тихо, но торжественно:

— Наконецъ мы дождались великаго дня нашего возрожденія! Сейчасъ я получилъ изъ города ордеръ, о которомъ приказано объявить только несравненному президенту и очаровательнымъ членамъ дамскаго общества...

— Видите, я недаромъ говорила, что насъ соединило важное дѣло, сказала одна изъ дамъ. — Я сейчасъ догадалась, какъ только получила повѣстку...

— Странно! сказала Петронилла съ примѣтной досадой.— Дзвигачъ не сказалъ мнѣ ни слова!...

— И мнѣ Леви не говорилъ, замѣтила Леонора.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, возразилъ кармелитъ.—Теперь сталъ порядокъ, *организація* вступила въ дѣйствіе... Иначе у великаго нашего дѣла не будетъ души. Во всѣхъ общихъ дѣлахъ, въ генеральныхъ распоряженіяхъ всякія частныя конфиденціи строжайше запрещаются. Безъ этого государственная тайна невозможна...

— Прекрасно! прекрасно! перебила пани Матильда съ не-

терпѣніемъ.—Скорѣе къ дѣлу. Аврелія можетъ проснуться, и мы не успѣемъ...

— Надо принять мѣры, чтобы намъ не помѣшали...

— Не безпокойтесь: это мое дѣло. Говорите смѣло...

— Помните, очаровательныя богини польскаго Олимпа, что вы присягали передъ Богомъ!...

— Вы надоѣли, Бонифацы!... Стыдитесь напоминать обязанности тѣмъ, которыя ихъ лучше васъ исполняютъ. Объявляйте что слѣдуетъ поскорѣе! У насъ своего дѣла пропасть! съ запальчивостью сказала Петронилла.

— Поспѣшность неумѣстна. Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ необходимо повторить присягу...

— Бонифацы—воскликнула Петронилла съ сердцемъ—не дурачьтесь и не играйте совѣстью нашей! Мы присягнули разъ навсегда и не на воздухъ! Того гляди Аврелія проснется...

— Ну, такъ извольте слушать.

И кармелитъ, безъ церемоніи, взялъ стулъ, присѣлъ къ столу и, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, сталъ оглядываться и разсматривать красавицъ.

— Ну, что же вы? Читайте!...

— Здѣсь не всѣ! здѣсь только девять....

— Не ваше дѣло! замѣтила пани Матильда.—Десятая не получила повѣстки и не будетъ.

— Во имя Отца и Сына и духа Святаго! Amen! такъ началъ кармелитъ, развертывая бумагу... Варфоломееву ночь, сицилійскую вечерню, а по нашему, попросту, избіеніе москалей, одновременно во всей Польшѣ, предположено было произвести въ концѣ февраля, подъ ростепель, когда войскамъ двигаться неудобно; но рекрутскій наборъ такой прекрасный случай, что другаго подобнаго нескоро дождешься. Глупо было бы откладывать. Наше мудрое народное правительство постановило поразить гидру тотчасъ, но, чтобы не произошло недоразумѣній и промаховъ, дало намъ знать предварительно, чтобы мы вездѣ разставили своихъ людей и приготовились къ рѣшительному удару... Теперь слушайте! Нашъ провинціяльный комитетъ, на точномъ основаніи приказа главнаго центральнаго комитета, предписываетъ...—И кармелитъ сталъ читать. Провинціяльный комитетъ со всею подробностію описывалъ, какимъ образомъ должны быть вооружены надежные люди, какъ они въ одну ночь должны напасть

на сонныхъ офицеровъ, солдатъ и вообще русскихъ и всѣхъ перерѣзать. Всякая пощада вмѣнялась въ уголовное преступленіе. Назначенный день будетъ объявленъ тотчасъ по полученіи изъ Варшавы соотвѣтственнаго приказанія, а до того тѣ, которые должны перебить солдатъ и офицеровъ, познакомятся со своими жертвами, высмотрятъ ихъ помѣщеніе, входы и выходы. Оружіе должно быть роздано каждому подъ росписку и подъ особую клятву. На полковника Иванова назначено двѣнадцать человѣкъ, которые уже и живутъ въ нижнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома, подъ видомъ портнаго съ подмастерьями. Распорядиться на Жеребовцѣ приказано Бонифацію съ Култусомъ; на Бабиловѣ Гилларію съ мѣстнымъ управляющимъ, Мацюшевскимъ... Въ приговорѣ перечислены были по именамъ не только гусарскіе штабъ и оберъ - офицеры, но и всѣ русскіе не военнаго званія, какъ - то: учитель городской гимназіи, русскій лавочникъ, торгующій икрой, и содержатель постоялаго двора. И слѣда московскаго чтобъ не оставалось!... Кармелитъ читалъ приговоръ съ какимъ-то адскимъ наслажденіемъ, съ какимъ-то сатанинскимъ злорадствомъ. Послѣ имени каждаго обреченнаго на смерть, онъ умильно жмурилъ глаза и словно въ щелки смотрѣлъ на дамъ, какъ будто желалъ съ ними подѣлиться удовольствіемъ, которое не могло умѣститься безъ раздѣла въ его патріотическомъ сердцѣ. При имени полковника Иванова, Матильда, Петронилла, Леонора и еще нѣсколько дамъ невольно вздрогнули; глухой звукъ ужаса вырвался изъ ихъ хорошенькихъ устъ, лица покрылись смертною блѣдностію.

— Не правдали, жаль? сказалъ кармелитъ.—Туда ему и дорога! Онъ отнялъ у Польши великую и прекрасную женщину! Казни, быстрой, мгновенной для него, конечно, мало. Но что дѣлать! Необходимость спасаетъ его отъ мучительной смерти... Вотъ о чемъ жалѣть надо! А вы жалѣете его потому, что онъ хорошъ собою!... Фуй! Стыдно! Я не скажу... Но берегитесь обнаруживать такія матеріяльныя чувства въ такой святой, торжественной моментъ...

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на ораторскую выходку кравожаднаго кармелита. Продолжая читать, онъ остановился, назвавъ Ступачева.

— Мы уже толковали объ этомъ *монстрѣ* съ Култусомъ, замѣтилъ кармелитъ съ примѣтной заботой.—На этого медвѣдя

вашъ фурманъ Рохъ и садовникъ Чуба, даромъ что Голіафы, а вдвоемъ нейдутъ. Мы прикомандировали къ нимъ еще двухъ: цырюльника Бибулевича и слесаря, ловкаго *хлопца*. Этого сразу не зарѣжутъ. Култусъ имѣетъ съ нимъ счеты. Мы его пощупаемъ немножко...

„Чуть ли Зося не права!“ въ ужасѣ подумала Матильда. „Слушать страшно!“

— Мануйко на Бабиловѣ! продолжалъ кармелитъ и остановился.

— Насчетъ этого элеганта есть особенное приказаніе пана Дзвигача...

— Что вы тамъ разсказываете! какое приказаніе! съ запальчивостью перебила Петронилла.

— Есть, есть! ухмыляясь, съ необыкновеннымъ наслажденіемъ и гладя себя по толстому подбородку, отвѣчалъ кармелитъ.—Велѣно прежде всего закатить ему сто *бизуновъ*, потомъ отрѣзать языкъ, а потомъ уже задушить, вспрыснуть роковую простыню *левандовой водкой* (Eau de lavande).

Петронилла побагровѣла, не могла слова вымолвить; но пани Матильда не вытерпѣла:

— Я вижу — сказала она съ достоинствомъ — что у васъ цѣль не отечество, а личныя страсти. И кто же подливаетъ масла на такой подлый огонь? служитель алтаря! Я соглашалась на погибель зятя; меня увѣрили, что это чистая жертва чистому дѣлу.... Мнѣ жаль моего благороднаго, добраго и честнаго зятя; но я полька и съумѣла запрятать мои истинныя чувства такъ далеко, что сама ихъ не слышу. Мнѣ некому мстить, это правда: меня никто не обидѣлъ; но если бы въ числѣ назначенныхъ жертвъ былъ самый лютый мой врагъ, никогда бы, изъ одной благородной гордости, я не позволила дѣлать исключеній. Смерть ихъ нужна, необходима для Польши.... Такъ пусть умрутъ всѣ какъ одинъ, какъ жертвы нашей отчизны, а не вашей личной злобы. Довольно!...

Пани Матильда встала и продолжала въ томъ же тонѣ:

— Торжественно объявляю, и, пане Бонифацы, знайте впередъ, никакія извиненія не будутъ приняты въ оправданіе: если ваши люди не только надъ офицеромъ, но надъ простымъ солдатомъ позволятъ себѣ злодѣйскую выходку, я умываю руки, беру дочь, внуковъ и уѣзжаю въ Россію....

— Какъ прикажете! смиренно запѣлъ кармелитъ.

— Я такъ приказываю! Не плутуйте! Не разсчитывайте на свое краснорѣчіе! Ни на что не разсчитывайте! Всему есть мѣра. Не глядите на меня такъ строго: я ничего не боюсь! Я плюю на всѣ ваши угрозы!... Читайте дальше!...

И приговоръ былъ дочитанъ безъ коментаріевъ. Наканунѣ страшнаго подвига сжались сердца у самыхъ рьяныхъ патріотокъ; бесѣда не клеилась, стали разъѣзжаться. Послѣдняя уѣхала пани Леонора. Замѣчательно, что она, во все время засѣданія, не вымолвила слова, даже распрощалась молча, но едва усѣлась въ свою нарядную карету, залилась слезами и заговорила громко сама съ собой:

— Кровожадные, лютые звѣри! Куда мы впутались! Москва подарила намъ значеніе въ обществѣ, уравняла права: чего намъ еще нужно?... Изверги! Они никого никогда не любили! Я не сердилась, когда льстивыя уста ихъ величали меня полькой, а сладострастные глаза громко называли жидовкой. Всѣ они, какъ и этотъ подлый кармелитъ, посягали на мою красоту.... *Онъ*, одинъ *онъ* любилъ мою бесѣду и былъ бы безкорыстнымъ моимъ другомъ, еслибъ я не увлеклась чужимъ и суетливымъ легкомысліемъ. Фанатики спѣшатъ злодѣйствомъ разорвать послѣднія нити.... И тѣ были не крѣпче паутины. Между нами будто земля на сотню миль проваливается; явится пропасть.... Въ эту пропасть обрушатся невинныя жертвы злобы и вызовутъ месть праведную, которая завалитъ пропасть трупами. Тогда придется надѣвать трауръ не изъ-за химеры, не для фанатическаго парада! Не досчитаемся мужей, братьевъ!... Да мы-то изъ чего? Смѣшная, жалкая роль! Удастся полякамъ, они насъ отблагодарятъ еще большимъ, нежели теперь, униженіемъ.... Боже мой, какъ мы глупы! Нѣтъ! нѣтъ! Старцы наши мудры! Нашимъ добровольнымъ союзомъ мы спасли беззащитныхъ бѣдныхъ братій; мы вѣрно разсчитали на великодушіе русскихъ и на изувѣрство нашихъ союзниковъ.... Мы купили пощаду еврейскому народу, застраховали его нищенскія убѣжища отъ пожара, пожитки отъ грабежа, красоту женъ и дѣвъ отъ неистоваго сластолюбія.... Неглупо, нѣтъ, неглупо!... Но неужели Богъ попуститъ?... Свѣтъ страшенъ, свѣтъ гадокъ.... Мало ли чего видимъ на свѣтѣ такого, гдѣ самая дерзкая мысль не смѣетъ подозрѣвать присутствія воли Божіей!... Зачѣмъ я родилась жидовкой!... Все, что гадко, подло, несправедливо, унизительно въ этомъ расхваленомъ

мірѣ—все это я должна была испытать вдвойнѣ. Даже любовь моя — трижды преступленіе.... Но пропадайте вы всѣ, евреи, поляки! Мнѣ все равно; я не умѣю переиначить сердца!... Я васъ ненавижу, мои законные и незаконные родные! Пусть я не увижу его больше или увижу побѣдителемъ, даже мстителемъ.... Нѣтъ, на месть онъ неспособенъ!... Да, его нація выше, чище нашихъ всѣхъ.... И я отдамъ его на съѣденіе? Позволю, чтобы онъ палъ подъ ножами грязныхъ, пьяныхъ портныхъ, безъ чести, безъ славы? Нѣтъ, ночные герои!... вы ошиблись!... Боже мой!... Вотъ домъ, гдѣ живетъ онъ! Въ окнахъ его квартиры свѣтъ! Стой!...

Переднее окошко въ каретѣ опустилось. Карета остановилась; лакей отворилъ дверцы....

— Развѣ мы уже пріѣхали? тихо спросила испуганная Леонора.

— Вы приказали остановиться!...

— Съ ума сошелъ! тебѣ послышалось!...

И пани Леонора, вся дрожащая, закуталась въ шубу и робко прижалась въ уголъ кареты.

— Благодарю тебя, Боже! Ты остановилъ мое безуміе! Какихъ глупостей я могла бы надѣлать.... Нѣтъ, такъ нельзя.... такъ нельзя....

X.

Положеніе всѣхъ дамъ было незавидное. Покойнѣе другихъ была Аврелія. Благодатный сонъ освѣжилъ и укрѣпилъ ее. Въ послѣднія минуты этого сна ей показалось, что въ неизвѣстной храминѣ заиграли органы такіе сладкогласные, мягкіе, тихіе, что и проснуться не хотѣлось. Открыла глаза—темно; сквозь щель дверей—свѣтъ; въ гостиной шушукаются.... Няня Марина, русская, съ горничной Терезой, полькой, бесѣду ведутъ. Какъ ни тихо разговаривали, но глубокое молчаніе, господствовавшее въ комнатахъ, дозволяло разслушать рѣчи до послѣдняго слова.

— Какъ хочешь, Марина, надо барыню разбудить. Тутъ что-то неладно!...

— Что жь неладно, голубушка? Вѣстимо, гости наѣхали, такъ зачѣмъ слугамъ по комнатамъ таскаться?...

— Да запираться зачѣмъ? Этого нигдѣ не бываетъ. Кул-

тусъ стоитъ въ прихожей. Чуть кто въ двери, ступай съ Богомъ! не надо!...

— Э, голубушка! Мало ли какія у господъ бываютъ прихоти! Нашему брату не слѣдъ и знать о томъ....

— Нѣтъ, Марина, ты больно добра, а я за барыню смерть боюсь, пуще того, какъ бабиловская пріѣхала....

„Петронилла пріѣхала! Не къ добру!“ подумала Аврелія и встала.

Узнавъ же, что изъ города наѣхало много дамъ и не было ни одного мужчины, кромѣ кармелита, Аврелія пришла въ недоумѣніе.

— Странно—сказала она тихо—уже свѣчи горятъ. Неужели я такъ долго спала! Надо однако выйти къ гостямъ, чтобы чего не подумали.... Тереза! давай одѣваться!...

— Опоздали! Слышите, экипажи застучали: видно, разъѣзжаются....

— Досадно! Но все равно!... Надо пойти....

Одѣлась, подошла къ дверямъ, что за образомъ: заперты на ключъ и съ той стороны.

— Что это значитъ? Сходи, Тереза, скажи, чтобы отперли....

— Теперь отопрутъ: всѣ уѣхали, секреты кончились....

И точно, всѣ уѣхали. Остался кармелитъ, въ ожиданіи ужина. Но пани Матильда, обратясь къ нему, сказала сухо:

— Благодарю васъ, пане Бонифацы! Мы сегодня у васъ цѣлый день отняли. А у васъ много трудовъ впереди, надо отдохнуть, набрать на завтра силъ. Ступайте! Богъ съ вами.... Доброй ночи!....

Кармелитъ коротко зналъ свою паству и понималъ, что Матильдѣ, когда она не въ духѣ, не смѣй никто поперечить; сложился въ почтительную фигуру, поклонился и согнувшись вышелъ изъ комнаты. Матильда погрузилась въ глубокую думу; Петронилла, тоже задумчивая, ходила по комнатѣ, не говоря съ матерью ни слова. Мать тоже молчала. Въ это время въ прихожей комнатѣ, куда вышелъ кармелитъ, послышался громкій разговоръ:

— Ойче Бонифацы — спросилъ Култусъ—вы что тутъ дѣлаете?

— Ищу шапки....

— Да она у васъ въ рукахъ!...

— Какая разсѣянность!...

— Онъ подслушивалъ! злобно улыбаясь, сказала громко Матильда.—Много услышалъ!... Култусъ! скажи Зосѣ, пусть пожалуетъ: мнѣ надо съ нею переговорить.... Двери оставь такъ, не запирай, а то опять кто-нибудь придетъ за шапкой!

— Ну, Петронилла! славную исторію затѣялъ твой Дзвигачъ....

— Отчего же *мой?* Не онъ одинъ: всѣ, вся Польша, Литва, даже русскія наши провинціи; тотъ же духъ вездѣ; тѣ же сборы; тѣ же приготовленія....

— За что онъ такъ золъ на Мануйку?...

— Вретъ Бонифацы....

— Нѣтъ, не вретъ!... Видно нѣжный ротмистръ тебя разнѣжилъ.... Когда я его знала, просто былъ помадная конфетка въ золотой бумажкѣ....

— А теперь посмотрѣли бы вы на него! Получше длиннаго Орлея съ китовыми усами....

— Съ какой стати ты тутъ Орлея приплела?

— Взглянула нечаянно на портретъ. Надо бы убрать портреты гусаровъ: неловко!...

— Твоя правда! Завтра велю снять. Хочешь, я тебѣ подарю Мануйку....

— Дзэнкуе (благодарю)! Теперь не до портретовъ....

— Правда: если увидитъ Дзвигачъ, еще пятьдесятъ *бизуновъ* прибавитъ. Хорошъ твой Дзвигачъ!...

— А кто меня за него замужъ выдалъ!

— Неблагодарная! И ты мнѣ рѣшаешься дѣлать такіе упреки....

— Зачѣмъ же вы меня дразните! Мануйко былъ у меня какъ болонка, собачка, но собачка вѣрная. Сколько лѣтъ прошло, а у него въ сердцѣ нѣтъ никого, кромѣ Петрониллы. Я съ нимъ шутила, дурачилась....

— Не шути съ огнемъ: обожжешься!...

— Не то, мамо! Пусть умретъ! Не такіе должны умереть!... Петронилла вздохнула. Матильда заплакала. — Но за что для него придумали такую звѣрскую казнь? продолжала Петронилла.—За вѣрную любовь ко мнѣ?... Другой мужъ гордился бы этимъ....

— Такъ, Петронилла, истинно такъ! Ты говоришь правду!...

— Я не такая полька, какъ вотъ эти, что у васъ тутъ

молчали, трусили, соглашались съ каждой іотой этого чудовища въ ревerendѣ... Меня не нужно поджигать; я сама изъ Мануйки польскаго патріота сдѣлала. Изъ любви ко мнѣ нашу руку держитъ.

— Какъ нашу руку?

— Не подумайте, что онъ хочетъ измѣнить своимъ. Этого онъ никогда не сдѣлаетъ. Я бы сама презирала его. Но онъ признаетъ, что мы правы, одобряетъ наше желаніе самостоятельности, увѣряетъ, что въ Россіи многіе тѣхъ же мыслей и намъ сочувствуютъ.

— Вретъ! Онъ хочетъ угодить тебѣ...

— Всѣ москали, сколько мы ихъ знаемъ, ведутъ себя такъ благородно, величественно. Ни слова! Вырѣзать ихъ надо: пощада была бы глупостію и преступленіемъ; но назначать мучительныя пытки!

— Это все твой Дзвигачъ!

— Всѣ они такіе же! А кармелитъ развѣ лучше?

— Продолжай! сказала Матильда.—Это Зося! наша! десятая моя помощница.

— Я спрашиваю: развѣ кармелитъ лучше? Несчастнаго Ступачева назначено четвертовать, жилы вытянуть, и вы не поможете. А кто приказалъ, какъ вы думаете? тотъ же кармелитъ...

— Нѣтъ! приказала моя пощечина, перебила Зося.—Я ищу случая, чтобы при всѣхъ дать ему другую.

— Вотъ это по моему! перебила Петронилла, остановясь и дружески протянувъ руки.

Зося хотѣла поцѣловать руку, но Петронилла съ живостію ее отдернула.

— Нѣтъ, сестра! сказала она съ достоинствомъ.—Я не играю словами. Свобода, равенство, независимость, эти святыя имена я ношу на душѣ, а не для украшенія бабиловскаго знамени. Ихъ вышили шелками и золотомъ не руки мои, а сердце. И я, грѣшница, знаю; адъ меня испытывалъ, но время очистило... Мамо, мамо.... и ты, Зося, какъ вижу, достойная полька! Кто изъ насъ, по женской слабости, не оказывалъ снисходительнаго вниманія къ москалямъ? Но то было дьявольское навожденіе! Постараемся не допустить звѣрства, но и не покроемся стыдомъ малодушія: оно равно измѣнѣ! Правда, Зося?

— Еще бы неправда! Но я должна предупредить васъ: у

москалей обоняніе чуткое, носъ большой; они чуютъ, что пахнетъ гарью, хотя и не знаютъ, гдѣ пожарище.

— Помню, твой женихъ былъ большой болтунъ! сказала разсѣянно пани Матильда.

— И теперь такой же! Сегодня разсказывалъ, что былъ у полковника въ городѣ.

— Ну что же полковникъ? торопливо спросили и мать и дочь.

— Полковникъ, говоритъ, все знаетъ.

— Господи Іисусе Христе!

— Постойте, постойте! Не пугайтесь... Что онъ тамъ знаетъ!.. Говоритъ, полковникъ ему разсказывалъ, что панъ Дзвигачъ не унимается, собираетъ на Бабиловѣ заговорщиковъ, что онъ написалъ ему предостерегательное письмо, а не послушается—арестуютъ, и заваренное пиво изъ кадки выпустятъ. Изъ глупой революціи выйдетъ мыльный пузырь....

— Превосходно! перебила Петронилла.—Вотъ, видите! Вотъ, они, умники, эти мужчины! А это я настояла. Значитъ, я не дурной политикъ.... Теперь съѣзды назначены по имѣніямъ въ очередь, и то въ тѣхъ только, гдѣ нѣтъ москалей.

— И этихъ съѣздовъ не надо бы, замѣтила Зося.—Приговоръ есть... роли розданы.

— Еще не всѣ. Набираютъ охотниковъ. Такого дѣла хлопамъ поручить нельзя: хлопы пока за москаля тянутъ; потомъ мы ихъ погонимъ силой, да тогда уже и сами пойдутъ.

— Охотниковъ! Сколько же ихъ надо? Съ моимъ, напримѣръ, паномъ Игнацы и двое ничего не сдѣлаютъ.

— На него твой отецъ четырехъ назначилъ.

— Четырехъ! мало! Каковы эти четыре? Добрый волъ десятокъ телятъ, какъ солому, рогами разбросаетъ.

— Фурманъ Рохъ, садовникъ Чуба, еще двое изъ города.

— Хорошо подобрано: эти сладятъ!

Вбѣжала Тереза.

— Пани Аврелія хотѣла придти, да двери заперты.

— Это я заперла. Поди отвори.... Зося! При Авреліи... и пани Матильда положила на губы палецъ.... Ты, Петронилла, такъ поздно на Бабилово не ѣзди: теперь по всей околицѣ Богъ знаетъ какой сбродъ шатается. Переночуй у насъ.

— У васъ и безъ меня тѣсно.

— Найдемъ мѣсто!... Зося! скажи Юзѣ, пусть въ охотничьихъ

комнатахъ постель приготовитъ.—Что съ тобой, Аврелія? сказала мать, обращаясь къ вошедшей дочери.—Я стала не на шутку безпокоиться.... У насъ много гостей было. Но безъ тебя все было какъ-то скучно. Петронилла хотѣла разбудить тебя; я не позволила. Сонъ лучшее твое лекарство.

Завязался разговоръ. Толковали болѣе о пустякахъ, о предстоящемъ карнавалѣ, о свадьбѣ Зоси. А Зося мастерски выдерживала свою роль въ этомъ мудреномъ женскомъ квартетѣ, къ особенному удовольствію Петрониллы, которая то и дѣло подхваливала и видимо задобривала дѣвушку.... Наговорились до зѣвоты. Ужинать никому не хотѣлось. Матильда простилась съ дочерьми.

— Милая Зося! ты такъ хорошо и умно разсказываешь! Ступай со мной: передъ сномъ побалагуримъ.

Въ гостиной остались двѣ сестры, обѣ на ногахъ; но лишь только Матильда ушла, Петронилла упала на диванъ и прислонила голову къ подушкамъ.

— Что же, Нилла? спросила заботливо Аврелія.—Пора въ постель.

— Позволь мнѣ, Реля, я еще такъ полежу, помечтаю.

— Ты встревожена?

— Милая Реля, не спрашивай! Сама знаешь, что мы съ тобой сестры только по рожденію.

— Ты слишкомъ откровенна, Нилла! не скрываешь ненависти ко мнѣ....

— Ненависти! Богъ съ тобой, Реля! уйди, ради Бога! Въ томъ и вся бѣда моя, что я глупо люблю тебя, хотя бы и не слѣдовало.

— Ты любишь меня? новость!...

— Для тебя, Реля! Еще разъ умоляю: дай мнѣ поплакать!

— Бѣдная Нилла! тебя мучатъ фанатическія страсти...

— Видишь, какая ты эгоистка! Вѣдь я тебя не упрекаю въ измѣнѣ бѣдной отчизнѣ! Тебѣ весело смотрѣть, какъ нашу мать несчастную терзаютъ соотечественники твоего мужа и наши предатели... Ну, и любуйся — не мѣшаю! Ты не можешь мнѣ запретить оплакивать твою измѣну; тебѣ ничего: ты русская полковница, мать двухъ красавцевъ-москалей; на тебя смотрятъ съ восторгомъ наши враги, какъ на славную добычу, какъ на блистательное завоеваніе. А мнѣ-то каково! Вѣдь я не живу съ моими тиранами; я слышу только вопли родные. Какой полькѣ

ни взгляну въ глаза, все одинъ и тотъ же вопросъ: „а что сестрица счастлива, довольна своей измѣной?“ О, милая Реля, развѣ весело, когда ежедневно колютъ и колютъ ножемъ въ сердце?

— Химера, Нилла, право, химера! Если бы я вышла замужъ теперь, когда французы наэлектризовали вашъ патріотизмъ, увѣрили васъ, что вамъ нѣтъ другаго спасенія, кромѣ преждевременной гибели, полезной для ихъ политики....

— Французы! Какая московская выходка!

— Кто же не знаетъ, что французы зажгли пожаръ! Если бы я не имѣла капли здраваго разсудка, то и тогда не повѣрила бы французамъ... Всѣ такъ думаютъ, и я отъ другихъ не захотѣла бы отдѣлиться... Но десять лѣтъ тому назадъ иначе думали во всей Польшѣ.... И ты сама....

— Понимаю, куда ты мѣтишь, Реля! Да теперь, когда все прошло, нѣтъ и надобности скрывать. Мы съ тобой, слава-Богу, не дѣвушки неопытныя, а зрѣлыя женщины. Правда, каюсь, я любила твоего мужа, можетъ быть, больше, чѣмъ ты. Ты этому вѣришь, Реля? А дальше, бьюсь объ закладъ, не повѣришь. Дзвигачъ былъ женихомъ, когда мы познакомились съ Полемъ. Ты не ошибалась: я была влюблена, но любовь не убила вполнѣ чувствъ польки. Вотъ чѣмъ я горжусь! Естественно, любовь къ Полю росла, а съ тѣмъ вмѣстѣ росло и отвращеніе къ Дзвигачу. Мнѣ нетрудно было бы разстроить нашу свадьбу. Съ моимъ характеромъ не могли бы управиться наши добрые родители. Не хочу—и кончено! Но я, какъ ни любила безумно, сказала: „нѣтъ, матерь несчастная, нѣтъ, церковь моя святая, не вѣрьте моей слабости! я вамъ не измѣню.“ И подала руку... человѣку, котораго я ненавидѣла, но котораго уважала за мои собственныя чувства. Я думала, я была убѣждена, что ты сдѣлаешь то же; а ты покрыла и себя и всѣхъ насъ позоромъ.

— Нилла! милая Нилла! увлеченіе тебя ослѣпило... Невозможно говорить съ тобой. Твоя непомѣрная горячность довела тебя до крайней степени раздраженія. У тебѣ пожаръ и въ головѣ и въ сердцѣ.

— Ошибаешься: наоборотъ, я умѣю любить какъ женщина, но управляю моей волей какъ мужчина. И вотъ тебѣ доказательство. Я этого не скажу даже матери, потому что она теперь едва-ли пойметъ меня. Но тебя, моя милая измѣнница, я все-таки люблю, какъ сестру, хотя и падшую, какъ друга моего дѣтства. Вспомни, Реля! мы думали съ тобой, мы вѣри-

ли, чувствовали одинаково. Насъ раздѣлило опять одно и то же чувство. Помнишь ли ты нашего парфюмера, конфетчика, passe-temps моего больнаго сердца? Я играла съ нимъ въ grande patience отъ скуки, отъ муки.... Мы разошлись надолго. Въ десять лѣтъ мы видѣлись на одну минуту въ Парижѣ. Возвращаюсь на Бабилово—встрѣчаю тамъ Мануйку. Онъ уже ротмистръ; не только чиномъ, но всѣмъ существомъ уже другой человѣкъ; баловень дамъ, онъ разлюбилъ ихъ; въ его сердцѣ осталась одна Петронилла.... Такое постоянство меня изумило, но не обрадовало. Согласись, такая непоколебимая любовь побѣдила бы и Діану. Я тронута, Реля, я глубоко тронута... Но если его поведутъ на эшафотъ, если на моихъ глазахъ слетитъ его голова, я не вскрикну; самъ Дзвигачъ не замѣтитъ на моемъ лицѣ и тѣни сожалѣнія.

— Что же хорошаго въ этой притворной, въ этой насильственной гордости!

— Безъ этой гордости не бывать свободной Польши... Воля мужчинъ въ нашихъ рукахъ. Будь женщины союзницы москалей, они нашими руками наложили бы на поляковъ цѣпи и повели бы ихъ какъ кроликовъ въ свою холодную Сибирь.

— Все ужасы и ужасы! Тебя и несчастныхъ одномыслящихъ съ тобою полекъ терзаютъ чудовища воображенія... Нилла! мнѣ отъ души жаль тебя!

— Только отъ этого чувства избавь меня! Лучше ненавидь меня, какъ лютаго врага, но безъ сожалѣнія! Я полька, ты москалька: на томъ и разойдемся!

— Вотъ въ томъ-то вся ошибка: я ни полька, ни москалька!

— Кто же ты?

— Жена достойнаго, всѣми любимаго и всѣми уважаемаго человѣка! У насъ есть, кромѣ Россіи, другая святая отчизна: царство любви къ ближнему.

— Утопическія бредни и больше ничего!...

— А у тебя кровожадное упрямство и больше ничего....

— Упрямство, въ которомъ принимаетъ участіе само небо...

— Ужь не черезъ посредство ли пана Бонифацы, кармелита?...

— То для простаго народа, для черни.... Но ты опять не поймешь: ты не бесѣдовала съ высшими силами....

— Спиритизмъ!...

— Не улыбайся такъ презрительно!... Испытай, убѣдись, и тогда говори.... А я сама допрашивала патроновъ Польши...

— Что же они сказали тебѣ?...

— Благословили!...

Аврелія не отвѣчала на такое неожиданное откровеніе, посмотрѣла на Петрониллу, а та, всперивъ блестящіе, полные слезъ глаза въ пустой воздухъ, съ выраженіемъ блаженства и упоенія, будто внимала невидимымъ собесѣдникамъ.... Въ этомъ пиѳическомъ положеніи Петронилла была начудо хороша! Богъ вѣсть, чѣмъ кончилась бы ночная бесѣда сестеръ, если бы не вошла Зося.

— Кто тутъ? спросила тревожно Петронилла, какъ бы просыпаясь отъ тяжкаго, но сладостнаго сна. — Ахъ, это ты, Зося! Что мама?...

— Я убаюкала моими сказками пани-президентову....

— Ты волшебница, Зося! Въ такое время не спится доброй полькѣ: есть о чемъ всю ночь напролетъ думать.... Все равно: что здѣсь, что на постели. Пойдемъ по домамъ. Только кто же меня раздѣнетъ? Вѣрно, старая Юзя про меня забыла.

— Позвольте вамъ помочь.

— Благодарю, Зося! Я принимаю твою дружескую услугу... Доброй ночи, милая Реля!

Сестры горячо обнялись, расплакались, опять обнялись и безъ словъ пошли: Аврелія впередъ, Петронилла за нею. Постель для нея была приготовлена въ средней охотничьей комнатѣ. Если припомните, три охотничьи покоя служили связью между большимъ домомъ и флигелемъ.

— Что, Зося? сказала Петронилла, снимая передъ зеркаломъ черную наколку.—Мнѣ говорилъ Култусъ о твоей бѣдѣ...

— Бѣда не велика, но если исторія протянется мѣсяцъ, другой, такъ этотъ звѣрь велитъ своимъ гусарамъ схватить меня и женится.

— Я и сама не понимаю, чего мы ждемъ. Вѣрно, не вездѣ такъ, какъ у насъ все приготовлено.... Тс!

Петронилла стала прислушиваться. Двери въ послѣднюю комнату были отперты. Какъ тѣнь безплотная, на цыпочкахъ она перешла въ другую комнату, приложила ухо къ замочной щелкѣ. Аврелія громко молилась передъ своимъ образомъ; но разобрать явственно ея словъ не было возможности. Петронилла протянула было руку къ замку, но вдругъ отдернула, вороти-

лась въ свою спальню грозная, задумчивая, стала машинально раздѣваться. Зося молча помогала.

— Зося! наконецъ глухо проговорила Петронилла.

— Что прикажете?

— Не пройдетъ недѣли, во всей Польшѣ, безъ воли народа, никто уже не будетъ приказывать... Милая Зося! у меня есть къ тебѣ просьба....

— Пока еще недѣля не прошла, извольте приказывать.

— Охъ Зося! это такая тайна....

— Теперь, слава-богу, у насъ секретовъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ.

— Но эта тайна страшная!

— Не страшнѣе тѣхъ, что у насъ уже за пазухой.

— Ты должна дать клятву.

— Какую угодно! И къ этому можно получить привычку... Извольте разсказывать: спать пора!

— Нѣтъ здѣсь нельзя! Какъ знать! у всякаго могутъ быть шпіоны: и здѣсь, можетъ быть, стѣны слышатъ....

— Ну, сегодня, я думаю, онѣ наслушались досыта.

— Завтра, Зося! Гдѣ бы намъ увидѣться?

— Панъ-президентъ приказалъ для внуковъ большую алею расчистить: тамъ очень пріятно гулять...

— Приходи туда въ десять часовъ.

— Слушаю. Покойной ночи!

— Прощай, милая Зося! Поцѣлуй меня! не такъ, не такъ! поцѣлуй меня, какъ добрая сестра.

— Господи! да у васъ огонь, не лицо.

— А у тебя ледъ.

— Я всегда зябну, когда спать хочется.

— До завтра!

— Свѣчу потушить?

— Не надо: я сама.... До свиданія!

XI.

Промелькнули и Рождество и новый годъ и новаго и нашего стиля. Ивановъ часто ѣздилъ къ женѣ на Жеребовецъ. Дѣти поправились, но Аврелія сама какъ-то западать стала, потому ли что скучала безъ мужа, или бесѣды Петрониллы наводили на нее болѣзненное раздумье. Мужъ не могъ не замѣтить та-

кой недоброй перемѣны. Толковали, толковали и рѣшили секретно отъ всѣхъ, если черезъ недѣлю здоровье дѣтей позволитъ, отправиться въ дальнее путешествіе: ѣхать ей съ дѣтьми въ Россію. Экипажъ былъ готовъ. Въ городѣ Ивановъ самъ уложилъ вещи жены и съ невольнымъ безпокойствомъ ждалъ назначеннаго срока.

7-го или 8-го января, по утру, во время чая, заѣхалъ панъ-президентъ. Трудно было узнать его. Волоса совершенно побѣлѣли; глаза бѣгали, будто мышь отъ кошки. По всѣмъ признакамъ, онъ пріѣхалъ за дѣломъ, но не могъ рѣшиться начать серьезный разговоръ, вздыхалъ, жаловался на разстройство здоровья... Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы посѣщеніе, если бы, къ удивленію полковника и президента, не вошелъ безъ доклада Дзвигачъ. Лицо его, въ противоположность президенту, сіяло торжественнымъ веселіемъ. Онъ разсыпался въ любезностяхъ, намекалъ на прежнее съ сожалѣніемъ и кончилъ приглашеніемъ въ Бабилово на семейный праздникъ на $^{12}/_{24}$ число января. Ивановъ обѣщалъ условно, и Дзвигачъ, уѣзжая, почти насильно утащилъ съ собою президента. Еще не успѣли убраться неожиданные гости, какъ лакей (деньщиковъ у Иванова не было) доложилъ, что пришла съ товарами жидовка, которой полковникъ приказалъ придти.

— Я?... приказалъ придти?... Ужъ не жена ли это распорядилась? Она что-то говорила, что надо бы штуки двѣ-три полотна купить. Но какого? можетъ быть, жидовка знаетъ. Пусть обождетъ минуту!

Ивановъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ записочку: „Любезный Ступачевъ! ласкамъ и любезностямъ нѣтъ конца. Надо ружья и пистолеты зарядить, усилить караулы“.

Вошелъ опять лакей.

— Жидовка не хочетъ дожидаться.

— Ну, такъ пусть потрудится пожаловать другой разъ.

— Баринъ! тихо сказалъ лакей, почесываясь въ затылкѣ.

— Ну, что?

— Это не жидовка!

— Что?

— Не жидовка...

— Вотъ тебѣ разъ! А кто же?

— Притча въ простынѣ. Говоритъ такъ странно, не по-жи-

довски: „доложи, голубчикъ! мнѣ надо во что бы то ни стало видѣть полковника“.

— Проси!...

Жидовка слышала, вѣроятно, послѣднее слово, потому что она вбѣжала такъ стремительно, что чуть не опрокинула въ дверяхъ лакея. Дѣйствительно, бѣлая, тонкая глянцовитая чадра (какъ евреи называютъ эту простыню, не припомню) покрывала не только голову и станъ, но и лицо, такъ что въ щелку свѣтились лишь два глаза... Подъ мышкой замѣтна была коробка съ товаромъ; изъ-подъ чадры, внизъ по юбкѣ, торчалъ конецъ желѣзнаго аршина.

— Полковникъ! сказала она торжественно. Два слова! наединѣ!...

— Ступай, Степанъ, съ Богомъ! Не принимай никого...

Жидовка кивнула головой одобрительно.

— Полковникъ! Послѣ завтра, 22-го числа, въ 12 часовъ ночи, назначено вырѣзать всѣхъ русскихъ въ Польшѣ... ночью... спящихъ... безъ исключеній и безъ пощады!... Ваши родные въ заговорѣ... Аврелію выманили изъ вашего дома, чтобы свободнѣе убить васъ. Ваши убійцы портные, что живутъ внизу... Все ли я сказала? Господи! не забыла ли я чего?...

— Не угодно ли вамъ присѣсть? сказалъ Ивановъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ, подвигая кресло.—Вы такъ взволнованы! Вамъ надо отдохнуть...

Жидовка стояла какъ вкопаная, пораженная спокойствіемъ Иванова.

— Прекрасная пани Леонора! продолжалъ Ивановъ въ томъ же тонѣ. — Я предвидѣлъ страшную катастрофу и уже принимаю мѣры къ нашей безопасности. Грустно, больно! Жаль мнѣ бѣдныхъ поляковъ; но ваше героическое вниманіе къ чуждымъ для васъ людямъ—высокое чувство человѣколюбія...

— Человѣколюбія! прошептала Леонора и отдернула чадру, такъ что булавки разлетѣлись.—Извините! Я чуть не задохлась подъ моимъ покрываломъ...

Надо было видѣть Леонору въ эту торжественную минуту. Чадра слетѣла. На головѣ, изъ тончайшаго батиста, была еврейская чалма; изъ-подъ чалмы выбѣгали золотые кованные фестоны, съ узорами изъ крупнаго жемчуга. Никакой въ мірѣ костюмъ не шелъ такъ великолѣпно къ лицу еврейской красавицы. Вернетова Юдиѳь казалась прачкой въ сравненіи

съ Леонорой. Я разумѣю голову Леоноры, потому что ея стройный станъ уродовала толстая лисья шуба, перетянутая широкою золотою цѣпью. Но все это богатство костюма меркло передъ сіяніемъ глазъ, въ которыхъ, сквозь слезы, свѣтились и гордость, и страсть, и радость, и неисходное горе, такъ что Иванову, цѣломудренному Іосифу, стало крѣпко жаль Леонору. Подвигъ любви былъ слишкомъ великъ, чтобы не возбудить самаго нѣжнаго сочувствія.

— Ради Бога, присядьте! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Леонора машинально повиновалась. Ивановъ придвинулся къ ней, взялъ за руку и поцѣловалъ. Слеза капнула на руку. Леонора схватила обѣими руками его разгорѣвшуюся голову, и уста слились съ устами въ продолжительный жаркій поцѣлуй...

— Поцѣлуй дружбы, Леонора! прошепталъ Ивановъ, когда она выпустила изъ рукъ его голову.

— Только не признательности! весело сказала Леонора.

Адскій пламень страсти погасъ; глаза сіяли радостію...

— Вы побѣдили, Леонора! Но побѣдитель долженъ быть великодушенъ...

— Не бойтесь! не бойтесь! Съ меня довольно! Я васъ боготворю и вы меня не презираете! Вы не оттолкнули грѣшницы!... Вы спасены!... Я торжествую!... Вы поняли меня... Не шпіонъ пришелъ къ вамъ, а вѣрный другъ, вѣрный до гроба... Я уплатила только долю моего долга...

— Объяснитесь, Леонора!...

— По вашей милости я уже не жидовка...

— Вы никогда и не были...

— Не смѣйтесь! Я разъигрывала роль польки, но теперь я и не полька!... Тс!... боюсь сказать... Я христіанка... я все прочла, ночей не спала... Я все передумала, перечувствовала. Вы мой пророкъ! вы мой учитель! Христосъ глава вашей религіи, вашей, Поль! Она теперь и моя!... Поняли?... Теперь вамъ нечего бояться меня.

— Милая Леонора! вы будете высокимъ другомъ моей Авреліи...

— Можетъ быть, можетъ быть... задумчиво отвѣчала Леонора.—Бѣдная плѣнница! проплыветъ ли она цѣлое море приготовленныхъ для нея испытаній?... Въ этомъ вертепѣ фанатизма...

— Успокойтесь, Леонора: завтра жена, и съ дѣтьми, уѣдетъ въ Россію.

— А вы?...

— А я останусь! Теперь ни въ отставку, ни въ отпускъ нельзя.

— И вы наравнѣ съ другими будете казнить вашихъ польскихъ братій?...

— Что вы хотите сказать, Леонора?...

— Вы обрызгаете ваши руки кровію человѣка...

— Не я, а долгъ, который я на себя принялъ добровольно. Война грустный путь; но утѣшительно думать, что онъ ведетъ къ тому, что войны когда-нибудь да не будетъ. Это разъ. Во-вторыхъ: если уже Богу угодно, чтобы пожаръ вспыхнулъ, то разсудите, и гдѣ правая сторона, туда меня и поставьте... Жду вашего рѣшенія...

— Но вы будете мстить полякамъ за изувѣрство....

— Никогда! Мы будемъ отъискивать и истреблять зажигателей, которые, изъ своекорыстныхъ видовъ и во имя страсти къ переворотамъ, разорвали узелъ дружбы и братства въ самомъ началѣ. Этимъ господамъ не будетъ пощады!...

— И вы надѣетесь на успѣхъ?...

— Не сомнѣваюсь ни минуты! Ни Польша, ни Европа не знаютъ русскихъ, не только тѣхъ, что *будутъ*, но и тѣхъ, что *есть*. Узнаютъ—самимъ стыдно станетъ. Истинно такъ, Леонора!... Не качайте сомнительно головой! И вы обмануты, какъ и вся Европа. Все, что русскимъ приписываютъ дурнаго, все это не-русское. А вотъ теперь, когда между ними принципы чести и честности сказались и стали проникать въ воспитаніе дѣтей, посмотримъ, какая нація перещеголяетъ ихъ. Горяча, длинна моя ежедневная молитва за Россію: въ моемъ отечествѣ много недостатковъ. Но, повторю, все дурное не-русское.

— Боже! И я такъ долго не увижу васъ! въ горькомъ раздумьѣ проговорила Леонора.—Такъ долго не буду бесѣдовать съ вами!...

— Отчего же?...

— Длинную исторію затѣваютъ...

— Богъ милостивъ!...

— Что я буду дѣлать въ этомъ вертепѣ? Я всегда притворялась съ отвращеніемъ... Нѣтъ! Сегодня я разъиграла роль мою съ восторгомъ. Знаете ли, самъ мужъ одѣвалъ меня. Я на-

рядилась торговкой, чтобы обмануть... кого вы думаете?.. васъ! Чтобы не подать вамъ подозрѣнія и обойти еврейское населеніе нашего города, внушить бодрость, чтобы не перепугались въ страшную ночь, чтобы не выходили по вечерамъ изъ дому и т. д... И все это для того, чтобы тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе зарѣзать васъ и вашихъ!... Но пора!... Неужели это послѣднее свиданіе?...

— Гдѣ же ваша вѣра въ провосудіе Бога?...

— Правда! Если Богъ доставилъ такое счастіе, то безъ вины и не отыметъ... До свиданія, дорогой другъ!...

Леонора схватила съ полу чадру. Ивановъ, подобравъ булавки, помогъ приколоть, гдѣ нужно, проводилъ на лѣстницу... Пожали другъ другу руку, крѣпко-накрѣпко, и распрощались.

— Ротмистръ Ступачевъ, сказалъ слуга, когда Ивановъ возвращался съ лѣстницы.

— Вотъ кстати!... Гдѣ онъ?...

— Въ канцеляріи...

— Проси...

— Господинъ полковникъ! началъ Ступачевъ офиціяльно.

— Господинъ ротмистръ! мы здѣсь одни...

— Спасибо, Паша! Ты все тотъ же, да я не тотъ! Ну, да и подлецы же твои любезные братцы! Слышалъ что затѣяли?...

— Слышалъ.

— Какъ слышалъ?...

— А ты какъ?...

— Я очень просто. У меня, ты знаешь, исправная полиція...

— И я обзавелся...

— Да ты, братъ Паша, факторамъ не вѣрь! Все жидовство за нихъ. Погоди, задамъ я имъ трезвону...

— Ступачевъ! Какъ начальникъ, запрещаю, какъ другъ прошу. Объяви и нашимъ гусарамъ, что только нападающій съ оружіемъ въ рукахъ нашъ врагъ; за всякую же обиду безоружному я взыщу вдесятеро, хоть бы то былъ самъ Ступачевъ!...

— Мирволь, мирволь, гладь ихъ по головкѣ, а любезнѣйшій братецъ тебя одной рукой обниметъ, а другой пырнетъ ножемъ въ бокъ!... Подлецы! Видишь, что задумали! Въ одну ночь всѣхъ нашихъ перерѣзать...

— 10-го января...

— Въ субботу...

— Ночью...

— Въ самую полночь...

— Съ подлиннымъ вѣрно!... Степанъ! позови писаря Ершова.

— Да, ты Паша, что хочешь дѣлать?

— Пока еще не знаю. Самому мнѣ нельзя отлучиться изъ города. Завтра жену и дѣтей отправляю...

— Умно! Зося мнѣ не успѣла передать. Петронилла что-то затѣваетъ...

— Не удастся! Сегодня ночью я отправлюсь съ экипажами, а завтра чуть свѣтъ мои уѣдутъ... Однако ты этого и Зосѣ не говори...

— Да теперь и сама Зося подъ арестомъ... Култусъ-шельма отъ нея ни на шагъ не отходитъ. Умница моя ухитрилась: на запискѣ написала; отвела обманомъ глаза Култуса... шмыгъ! передала мнѣ записку... вотъ она!..

Ивановъ прочелъ:

„Въ ночь съ 10-го на 11-е всѣхъ русскихъ перерѣжутъ. На тебя четыре назначены: фурманъ, что пани возитъ, Рохъ, садовникъ Чуба и двое изъ города. Петронилла затѣяла подлую штуку: я не согласилась....“

— Видно помѣшали кончить. Не успѣла дописать.

Вошелъ писарь.

— Приготовь подорожную унтеръ-офицеру Чарукову на Варшаву и обратно, да пошли за нимъ. Черезъ часъ отправится съ письмомъ отъ меня... Поторопись, Ершовъ! Дѣло экстренное!...

— Паша, душенька! началъ Ступачевъ чуть не со слезами на глазахъ. — Скажи по-дружески: какъ мнѣ быть? Хочу съ Култусомъ порѣшить, взять Зосю силой!...

— Не пойдетъ....

— Пойдетъ! Покричитъ для виду, а сама будетъ рада....

— Разсуди: подъ самую рѣзню, гусарскій ротмистръ, насильно, противъ воли отца и невѣсты, крадетъ дѣвушку, и не крадетъ, а хуже: беретъ ее какъ атаманъ разбойниковъ. Мужики, и тѣ вступятся, и будутъ правы....

— Что же мнѣ дѣлать? Плакать хочется.

— И мнѣ за тебя больно, другъ мой! Да противъ злой судьбы что сдѣлаешь?...

— Ну, чортъ ихъ побери! буду терпѣть!... Когда-нибудь я Култусу, по домашнему, всѣ скорби мои на конюшнѣ нагайками вымещу на его поганой спинѣ! Въ одномъ не откажи мнѣ: подари мнѣ бездѣльника-кармелита!

— Да развѣ онъ чубукъ? Какъ я его тебѣ подарю?...

— То есть ты только не вступайся за него.... Я ему задамъ бернардинскую баню!...

— А онъ что?

— Онъ—все! Да еще такая образина лапу на Зосю протянулъ; та влѣпила ему горячую пощечину....

— Ну и квитъ!

— Нѣтъ, не квитъ! Да я-то развѣ не женихъ?

— Частное дѣло, душа моя, расправляйся съ нимъ самъ-на-самъ, какъ знаешь; только бы чего противъ новаго нашего гусарскаго артикула не вышло.... Вѣрь мнѣ, что кармелитъ отъ грозной судьбы своей не увернется. Кто заблуждается, того еще и Богъ и люди могутъ простить и помиловать; но кто другихъ насильно тащитъ въ кровавое заблужденіе, тотъ дорого поплатится. Не сдобровать ни ему, ни Дзвигачу!

— Эхъ, Паша! ты будто и дѣло говоришь, а смерть досадно.... Вонъ еще гости!... Мануйко! ты съ чѣмъ?

— Съ почтеніемъ, отвѣчалъ Мануйко развязно.—Я заѣхалъ въ городъ по дѣлу. Петронилла поручила....

— Петронилла!... Слышишь, Паша! Вотъ тебѣ и остепенился!

— Да гдѣ же твоя Петронилла?...

— Она сегодня тоже въ городѣ. Завтра непремѣнно пріѣдетъ на Бабилово. У нихъ тамъ приготовляется семейный праздникъ.

— Разумѣется, пріѣдетъ, подхватилъ Ступачевъ.—Истинно-семейный праздникъ. Она хочетъ самолично видѣть, какъ ея любезнаго рыцаря холопская рука, словно барана, зарѣжетъ....

— Какихъ ужасовъ Ступачевъ не выдумаетъ на бѣдныхъ поляковъ!

— Къ сожалѣнію, это не выдумка, замѣтилъ Ивановъ.

— Не вѣрьте, господинъ полковникъ!... Могу поручиться.

— Это лишнее, господинъ ротмистръ! А вотъ что: 10-го числа, въ шесть часовъ пополудни, вашъ эскадронъ на рысяхъ явится въ городъ, съ заряженными ружьями и пистолетами, и становится на площади у ратуши....

— Нѣтъ, не такъ, полковникъ—перебилъ Ступачевъ—Мануйку слѣдовало бы посадить въ канцелярію на эти два дня, а то бабы изъ него секретъ вытащатъ....

— Обидно, Ступачевъ!

— Разумѣется, обидно, подтвердилъ Ивановъ.—Можно любить двадцать лѣтъ женщину, но не измѣнять долгу и чести.

XII.

Въ богатомъ кабинетѣ городскаго своего дома панъ Дзвигачъ сидѣлъ въ огромныхъ вызолоченныхъ креслахъ и доканчивалъ свою заграничную кореспонденцію. У окна сидѣла Петронилла; возлѣ стоялъ почтительно бабиловскій управляющій, панъ Мацюшевскій, и велъ разговоръ съ Петрониллой шепотомъ....

— Punctum et finis! Вотъ будетъ доволенъ! сказалъ Дзвигачъ, запечатывая письмо....

— Кто?...

— Разумѣется, кто! *Онъ!* Я пишу, какъ будто уже все совершилось.... Да и не можетъ быть иначе.... Организація идетъ великолѣпно!... А что начальникъ штаба еще не приходилъ!...

— Лешкевичъ?

— Какой Лешкевичъ! Я вѣдь просилъ васъ не называть меня Дзвигачемъ, а его Лешкевичемъ. Бертье, прошу помнить! кажется, нетрудно выговорить.... Фамилія извѣстная!... Ну, пане Мацюшевскій, а у васъ все готово?...

— Готово-то, готово.... Но...

— Что тамъ но?... Этого слова нѣтъ въ моемъ лексиконѣ....

— Я хотѣлъ доложить, что полушубковъ въ кредитъ не даютъ....

— Это что такое? Для отечества, подъ реверсъ комитета?... Глупый жидъ! заплатитъ штрафъ вчетверо. Поди, Мацюшевскій, къ Леви: пусть велитъ выдать полушубки или пусть заплатитъ свои деньги. Полушубки необходимы.

Мацюшевскій ушелъ....

— Что вы съ нимъ шептались? мрачно спросилъ Дзвигачъ, обращаясь къ женѣ.

— Ужь не къ нему ли ты меня ревнуешь?...

— Вѣчно у тебя амуры на умѣ....

— Ложь.... Впрочемъ, у тебя за этимъ дѣло не станетъ.

— Стыдись, Петронилла! Я долженъ за тебя краснѣть передъ своими. Когда другія польскія дамы, истинныя польки, при встрѣчѣ съ русскими офицерами, безъ церемоніи, плюютъ— и это не аллегорія, а просто à la lettre, плюютъ—Петронилла, жена Дзвигача, прославленная патріотка....

— Не унижается до площадныхъ демонстрацій, приличныхъ рыночнымъ торговкамъ и грязному невѣжеству какихъ-нибудь дикарей. Да и тѣ едва-ли такимъ героизмомъ не погнушаются! И послѣ подобныхъ школьныхъ продѣлокъ, уличныхъ *бравадъ*, кривляній и фырканій обезьяны, вы еще смѣете называть себя цивилизованною націей! Вы и мстить благородно, какъ львы, вы и ненавидѣть съ человѣческимъ достоинствомъ не умѣете! Смерть ихъ намъ нужна, а такое безчестіе только насъ самихъ безчеститъ. Не тебѣ меня корить! Я и въ угарѣ головы не потеряю. Не о любви Мацюшевскій говорилъ мнѣ, а о томъ, что въ бабиловской кассѣ гроша нѣтъ. Намъ жить нечѣмъ!

— Мы разорились въ Парижѣ.... Но это еще не безчестіе....

— И объ этомъ ни ему, ни тебѣ не судить! Пока война, проживемъ на казенный коштъ.... а тамъ....

Дзвигачъ замолчалъ лукаво улыбаясь.

— Что тамъ?

— Эхъ какая ты недальновидная! Государство не можетъ не вознаградить того, кто принесетъ ему все свое имущество на жертву. Дадутъ должность, способы. Кто можетъ впередъ знать, куда выдвинетъ достойныхъ и способныхъ людей революція?... Старики все захватили, всѣмъ пользуются; нашему брату и понюхать не дадутъ земныхъ благъ. А теперь, vice-versa, придетъ и наша очередь.... Мы съ Мѣрославскимъ объ этомъ уже толковали.... Наконецъ-то! Гдѣ ты пропадалъ, Бертье? сказалъ Дзвигачъ, обращаясь къ вошедшему.

— Панъ генералъ приказалъ осмотрѣть всѣ посты.... Люди еще не привыкли.... слишкомъ нетерпѣливы. Вотъ Войцѣхъ молодецъ: подобралъ себѣ подъ руку ловкихъ малыхъ. Можно головой ручаться, что у него жертва изъ рукъ не уйдетъ.... Я хотѣлъ, пане генерале, и на Бабилово послать....

— Дѣлай какъ знаешь!... Кто-то пріѣхалъ....

— Дама! сказалъ Лешкевичъ, глядя въ окошко.

— Это къ тебѣ, Нилла!

Петронилла встала и вышла въ задумчивости.

„Кого это онъ хотѣлъ послать на Бабилово?“ шептала она

дорогой.—„Зачѣмъ?... Вѣрно еще выдумали какую-нибудь подлость противъ бѣднаго Мануйки!...“

Петронилла ушла на свою половину—и кстати: то и дѣло являлись гости, послѣ короткихъ объясненій уѣзжали; ихъ смѣняли новые. И мужъ и жена принимали отдѣльно. Въ залу вступилъ кармелитъ. Таинственный видъ его и коварная улыбка обличали, что онъ не съ пустыми руками пожаловалъ. Провожая одну даму, Петронилла вышла въ залу и, увидѣвъ кармелита, сказала торопливо:

— Долго же вы заставляете себя ждать.... Потомъ, обратясь къ дамѣ:—милая Герсилія, я надѣюсь на тебя, какъ на каменную гору....

— Не бойся, Петронилла! Школьная дружба прочнѣе всѣхъ связей! А тутъ и дѣло такое святое.... Только ты не забудь прислать экипажъ....

— Я уже распорядилась.... Обнимаю тебя, Герсилька, до свиданія!...

Герсилія убѣжала.

— Пане Бонифацы! скажите, чтобы ко мнѣ никого не принимали. Пустые визиты, а дѣла пропасть. Приходите. Я васъ жду....

Петронилла вошла въ свой будуаръ; кармелитъ не замедлилъ явиться.

— Достали? спросила она нетерпѣливо.

— Съ большимъ трудомъ! Въ трехъ аптекахъ не умѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ. По счастію, истинно по счастію, я встрѣтилъ отца Леона. Какъ будто нарочно въ городъ пріѣхалъ, какъ будто зналъ, привезъ съ собой цѣлую банку, и мнѣ удѣлилъ.

— Давайте же поскорѣе! уже поздно! ѣхать пора.

Кармелитъ сѣлъ возлѣ Петрониллы и, поглядывая на нее изъ-подлобья, вынулъ баночку и еще что-то длинное. И то и другое было завернуто въ бумажку.

— А вотъ вамъ и оружіе, сказалъ онъ, придвигаясь къ Петрониллѣ. — Я долженъ вамъ показать на дѣлѣ.... Надо осторожно....

— Сама знаю! перебила Петронилла, вырвала изъ рукъ его и баночку и оружіе и встала.

— Петронилла! проговорилъ кармелитъ глухо, задыхаясь отъ волненія.

— Ну, что тамъ еще! высказывайте поскорѣе! нѣтъ времени....

— Присядьте, Петронилла! на одну минуту!...

— Вѣчные секреты! Поскорѣе.... Я слушаю!...

Кармелитъ судорожно схватилъ ее за руку и сказалъ скороговоркой, съ жаромъ:

— Проклинаю тотъ день, когда я васъ увидѣлъ! Ваша красота поразила меня; я лишился сна, пищи.... Я рѣшился служить вамъ какъ послѣдній рабъ, въ надеждѣ дослужиться вашихъ милостей.

— И дослужишься! Я даю вамъ самыя секретныя порученія, о которыхъ на Божьемъ свѣтѣ никто не знаетъ...

— Петронилла!... Я разумѣю не то....

— Послушайте, Бонифацы! Я уже нѣсколько разъ намекала, но страсти мѣшаютъ вамъ понимать. Нечего дѣлать, я принуждена сказать напрямки: выкиньте всѣ эти вздоры. Не къ лицу, не къ платью и не вовремя. Москали смѣются надъ ксендзами, мнихами и мнишками. И правы! Мы должны краснѣть за нашихъ пастырей. Отчего вы думаете, хлопы нейдутъ противъ москаля? оттого, что ваше слово безсильно, оттого, что вашимъ словамъ и на амвонахъ не вѣрятъ, потому что этимъ словамъ противорѣчатъ ваша жизнь и поведеніе. Не о Богѣ, не о независимости нашей церкви вы хлопочете.... Васъ ломаетъ лихорадка самыхъ подлыхъ страстей, вы брызгаете самой отвратительной грязью на самое святое дѣло. И я не скрою отъ васъ: я боюсь за успѣхъ, потому что сомнѣваюсь, вступятся ли за насъ Богъ и святые патроны, когда у нихъ въ Польшѣ такіе слуги.... Ваше ли дѣло ухаживать за женщинами до наглости? Прилично ли служителямъ христова алтаря увлекаться порывами безобразной мести?...

— Петронилла! Вы....

— Молчите! Я не изъ тѣхъ, которыхъ можно обмануть красивыми словами. Вы придумали тортуры для Ступачева — за Зосю!... Вы краснѣете — и это подаетъ мнѣ надежду, что у васъ еще осталась капля совѣсти... Берегите ее, Бонифацы, если не хотите, чтобы я васъ прогнала съ глазъ долой! Этого мало: я могу васъ удалить съ Жеребовца и Бабилова. Вашъ начальникъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ это для меня.

— Еще бы! прошепталъ кармелитъ, злобно улыбаясь.

— Я васъ не спрашиваю! Вы всѣ сидите подъ женскимъ

башмакомъ. Не только вамъ, никому не позволимъ мы господствовать! Это наше право! У васъ религія — женщина. Такъ слушайтесь же вашихъ богинь, поклоняйтесь, и довольно съ васъ! Ни на волосъ больше! Поняли? сказала Петронилла, уходя. — Прошу понять и помнить, не то конецъ коротокъ.... Вы знаете, мнѣ стоитъ сказать одно слово....

„Знаю, знаю, адское племя!“ ворчалъ про себя кармелитъ, терзая неповинную свою шапку, когда удалилась Петронилла.— „Плѣшивый старикъ! и онъ туда же! Умирать собирается, а ночей, дурень, не спитъ отъ проклятыхъ глазъ Петрониллы!... Не хочешь! Чортъ съ тобой! Видишь, святая! патріотка! а московскаго гусара при дворѣ держитъ. Ну, пане Мануйко, теперь держись! Надо пана Дзвигача на сковородкѣ ревности поджарить....“

XIII.

— Что такъ поздно? спросила пани Матильда Петрониллу, въ дурномъ расположеніи духа.—Я думаю, плохой будетъ обѣдъ: кушанье перестояло....

— Нельзя было, мамо! На извѣстное вамъ число такъ много нужно было покупокъ. Хорошо еще, что Богъ мнѣ помощника послалъ. Добрый Мануйко бѣгалъ по магазинамъ, какъ родной хлопоталъ.

Мать и дочери горько улыбнулись.

— Я у васъ, мамо, только до вечера останусь, а на ночь домой....

— Не люблю я ночныхъ поѣздокъ....

— Не тревожьтесь! Далеко ли тутъ?... Что же, мамо, велите подавать кушать.

— Ахъ, да! я и про обѣдъ забыла: такъ мы тутъ спорили съ Авреліей.... Ты и не спрашиваешь, о чемъ?...

— Не спрашиваю, потому, что я перестала съ ней спорить. И ей, я думаю, мы надоѣли. Каждый день одно и то же....

— Отчего же не поговорить? Всякій можетъ оставаться при своихъ мысляхъ. Я никогда не соглашусь, что полякъ и жидъ, французъ и влохъ—одинъ и тотъ же народъ. Если Богъ послалъ разный языкъ, разную религію, разный климатъ и одежду, такъ, значитъ, на то Его святая воля, чтобы на свѣтѣ были и поляки, и жиды, и французы, и влохи....

— Стоитъ спорить о такихъ пустякахъ! И вы хотѣли переубѣдить Аврелію?...

— Кушать подано....

— Вотъ это лучше! Я ужасно проголодалась. Ахъ, мамо, какъ французскіе трюфели нынче дороги!...

— Польскій столъ и французскіе трюфели!...

— Нельзя! Будутъ французы у насъ, одинъ даже генералъ, и макароны будутъ для итальянцевъ....

— А для русскихъ? спросила пани Матильда шутливо, проходя въ столовую.

— Будетъ одинъ Поль; у него кухня всемірная....

— А Мануйко?...

— Не будетъ! мужъ не хочетъ. Да я и сама не желаю. И Мануйко со мной согласенъ. Для меня онъ готовъ какой угодно постъ держать.

— Бѣдный! невольно произнесла пани Матильда, садясь за столъ.

Обѣдъ прошелъ въ разговорахъ самыхъ пустыхъ. Матильда иногда заводила патріотическія пѣсни, но Петронилла тотчасъ ихъ сворачивала на предметы посторонніе. Послѣ обѣда поздно было отдыхать: уже стемнѣло, давно горѣли свѣчи...

— Аврелія—сказала Петронилла—мы съ тобой лѣтъ сто въ четыре руки не играли... Попробуемъ! Вотъ, я думаю, выйдетъ неладица!...

Аврелія машинально подошла къ флигелю.

— Господи! воскликнула Петронилла, перебирая ноты.—Сколько лѣтъ прошло, а наши любимые попури до сихъ поръ валяются, какъ будто мы играли вчера!... Что намъ съиграть, Аврелія?...

— Что хочешь!...

— Ну, изъ „Роберта"...

Стали играть; ошибались, поправлялись, повторяли. Петронилла шутила, Аврелія притворялась покойною, веселою. Кто-то подъѣхалъ... Вошла Герсилія. Обѣ сестры обрадовались подругѣ дѣтства. Герсилія была изъ бѣдной шляхетской фамиліи, воспитывалась у паненъ-визитокъ на счетъ Жеребовца, вышла замужъ за чиновника, котораго, не больше какъ мѣсяца два тому назадъ, перевели на службу въ губернскій городъ... Особенно Аврелія была въ восторгѣ. Она теперь покойно вздохнетъ хоть на часъ отъ пытки домашнихъ разговоровъ; поболтаютъ о дѣтствѣ... Усѣлись.

— Какъ ты пополнѣла, Герсилія! замѣтила Аврелія съ нѣжностію.—Тебя узнать нельзя!

— Свой хлѣбъ, Орели, свое хозяйство!... Хлопотливо, да весело... Поутру встану, куръ перещупаю, парное молоко процѣжу, сливки со вчерашняго сниму и стану варить мужу кофе. Напою моего пана, шарфъ ему на шею завяжу, отправлю на службу, а сама на кухню...

— И превосходно! замѣтила Матильда.—И глупости въ голову не лѣзутъ. Въ политику не мѣшаешься?...

— А ввечеру что же дѣлать?

— Бесѣдовать съ мужемъ...

— Я съ нимъ уже все переговорила: вѣдь я семь лѣтъ замужемъ. Онъ пойдетъ себѣ до *ресурсы*, а ко мнѣ сосѣдки забѣгутъ или я къ сосѣдкамъ, и начнутся тары-бары.

— Про политику?...

— Конечно! Развѣ я не полька? Я думаю, въ нашемъ среднемъ классѣ гораздо больше патріотизма, чѣмъ... я не говорю про вашъ домъ... Вотъ и въ Варшавѣ, когда мы тамъ служили, и въ другихъ городахъ, бывало только-что назовешь пана Жеребовца, такъ всѣ и кричатъ: „О! благородная фамилія, достойный польскій домъ!...“ Правда... Ну, да это случайность. Всякій знаетъ...

Аврелія молчала. Веселье ея исчезло.

— Да—продолжала Герсилія, не останавливаясь—интересное время! Теперь какъ-то жить веселѣе; выйдешь на улицу, взглянешь на небо—будто и небо другое; Польшей вездѣ пахнетъ... Польша дышетъ, Польша оживаетъ...

Герсилія расплакалась, да такъ умилительно, такъ трогательно, что и Матильда давай рыдать, словно ребенокъ; Петронилла утирала слезы... Аврелія поблѣднѣла.

— Перестань, Герсилька! съ трудомъ выговорила Матильда.—Я мой грѣхъ знаю... теперь уже поздно!... Что могу, то дѣлаю!...

— Какъ вамъ не стыдно, пани-президентова! Кто же васъ обвиняетъ? Лучшее доказательство, что васъ въ такомъ обширномъ краѣ, какъ нашъ, народный голосъ назначилъ начальницей дамскаго комитета.

Аврелія поспѣшно встала.

— Мамо! сказала она нетвердымъ голосомъ.—Я этого не знала...

— Неужели ты не понимаешь причины? При твоемъ образѣ мыслей, было бы жестоко съ моей стороны сдѣлать тебя конфиденткой такой тайны... И, можетъ быть, ты объ этомъ никогда бы и не узнала, если бы Герсилька не проболталась...

— Какъ! Развѣ?... спросила Герсилія, съ удивленіемъ глядя на Аврелію.—Ахъ, какая же я глупая! Что я надѣлала! Прости, милая Орели! извини моей простотѣ! Вѣдь я думала, я была убѣждена, что и ты, какъ всѣ мы, заодно... Ты сердишься, Орели, встала...

Аврелія сѣла; за то Петронилла встала, взяла свѣчу и ушла въ охотничьи комнаты. Герсилія продолжала:

— Милая Орели, скажи, что ты не сердишься! Сама посуди, могла ли я иначе и думать? Ты маіоршу Кибиткову знаешь?

— Нѣтъ! И не слыхала!...

— Мужъ русскій, она двадцать лѣтъ замужемъ, а пришла пора, и она свое дѣло дѣлаетъ; говорятъ, даже въ комитетъ ѣздитъ. Жена русскаго учителя тоже полька. Такъ та открыто при мужѣ ругаетъ москалей и говоритъ, что если мужъ не перейдетъ на нашу сторону, она съ нимъ разведется... Вообрази, что она сегодня еще сдѣлала: обобрала во всемъ домѣ русскія иконы и сожгла въ печкѣ!... А Устьева въ Варшавѣ?...

И пошла разсказывать: примѣръ за примѣромъ, двадцать привела случаевъ, что польки замужемъ за русскими не измѣнили отечеству, а нѣкоторыя даже мужей и дѣтей побросали, въ родительскіе дома возвратились... Петронилла вернулась. И чай отпили, и часовая стрѣлка десять перешла, а Герсилія все еще разсказывала...

— Но самый важный примѣръ—продолжала Герсилія—это купчиха Минкина. Мужъ молодой, красавецъ, умница, богатъ, женился на простой шляхтянкѣ; она компаніонкой у его сестеръ служила; всякую политику и патріотизмъ позабыла; мужа любитъ безъ памяти; по-русски говоритъ какъ русская; сынъ есть, второй годокъ; до нея даже вѣсти про нашу радость не доходили... Вдругъ... ну, да ужь это дѣло другое. Это уже чудо! Тутъ, по моему, ничего нѣтъ и удивительнаго.... Живая, веселая, счастливая, впадаетъ въ ипохондрію. Что съ нею? Не могутъ добиться толку. Молчитъ. Вотъ, черезъ день, глаза въ слезахъ, одѣта вся въ черное. Цѣлуетъ мужа, плачетъ, рветъ на себѣ волосы, а молчитъ; никто ничего понять не можетъ.

На третій день ищутъ Минкину по всему дому—нѣтъ! пропала. Ищутъ по городу — напрасно! Къ вечеру какой-то полицiянтъ зашелъ, письмо бросилъ. Пишетъ: „Я тебя люблю, но Бога больше. Не тужи. Голосу Божію повиновалась: тебѣ не измѣнила, но не измѣнила и бѣдной отчизнѣ. Готовлюсь на службу ей, въ далекомъ монастырѣ. Не ищи, не найдешь...“ Неправда ли? Въ поступкѣ Минкиной нѣтъ ничего удивительнаго. Гдѣ ужь тутъ спорить, когда сама святыня замѣшалась!...

— Ее не переслушаешь — сказала Петронилла вставая—а мнѣ пора ѣхать.

— Ахъ, Боже мой! и мнѣ пора.

И Герсилія собралась наскоро и уѣхала.

— Болтунья—замѣтила Петронилла, надѣвая теплую шапочку—а пріятно разсказываетъ.... Ну, теперь до торжественнаго дня не увидимся! Помогай вамъ Боже!

И Петронилла бросилась въ объятія матери. Откуда ни возьмись слезы...

— Не плачь, Нилла: Богъ милостивъ!

— Не плачь, мамо: все къ лучшему!... Прощай, Реля! Смотри же, пріѣзжай!

И опять слезы; но Аврелія не плакала. Петронилла поцѣловала не сестру, а мраморъ, и ушла.

— Прощай, Реля! И ты и я, мы много сегодня выслушали горькихъ упрековъ. Что дѣлать! не воротить, сказала мать, протягивая руку Авреліи.

Аврелія поцѣловала ее машинально и въ глубокой, въ тяжкой думѣ, молча, нетвердой поступью, пошла въ свои комнаты, забыла даже взять свѣчу.

Въ это время Петронилла надѣвала въ прихожей теплые сапожки.

— Что за диво? говорила она.—Кажется, мои, а не мои. Не лѣзутъ! Вѣрно, Герсилія перемѣнила. Мамашу не стоитъ безпокоить.... Поди, Томашъ, попроси у Зоси — у нея лапка не меньше моей—а я посижу въ гостиной.

Томашъ, пожимая плечами, поспѣшилъ исполнить приказаніе.—„Видно, у ней ноги распухли, бормоталъ онъ дорогой. Ужь мнѣ ли не знать ея ботинокъ? въ первый разъ, что ли?“

Петронилла воротилась въ гостиную. Ни живой души. Она не пошла, а поплыла неслышимо въ охотничьи комнаты. Аврелія миновала ихъ благополучно, какъ-будто впотьмахъ ви-

дѣла, но, войдя въ свою молельню, невольно вздрогнула. Непонятный, едва замѣтный свѣтъ струился въ воздухѣ. Съ трепетомъ оглянулась она на икону. Надъ головой Богородицы сіяла ореола; блѣдный, серебристый свѣтъ такъ былъ слабъ, что не освѣщалъ не только комнаты, но даже самаго образа. Таинственный, священный ужасъ охватилъ въ первое мгновеніе Аврелію; она бросилась на колѣни, протянула къ образу руки и, заливаясь слезами, сказала довольно громко, какъ будто съ кѣмъ-нибудь разговаривала:

— Прибѣжище, заступница несчастныхъ и невинныхъ, защити меня, Пречистая Дѣва! Что знаменуетъ твое чудесное явленіе? Неужели? О нѣтъ, ты символъ благости, ты матерь любви... Матерь святая! укрѣпи меня, наставь меня!

И Аврелія пододвинулась на колѣняхъ поближе къ образу и продолжала шепотомъ:

— Меня мучатъ, Царица Небесная, меня терзаютъ. Ты все видишь.... Я изнемогаю подъ упреками, которыхъ не принимаетъ моя совѣсть. Отецъ отрекся отъ меня, мать родная меня презираетъ.... за любовь, за одну любовь, за святой завѣтъ твоего Божественнаго Сына. Всѣ, всѣ они велятъ разлюбить, ненавидѣть мужа и дѣтей. Они говорятъ: я должна принести на жертву отчизнѣ и мужа и дѣтей?...

„И мужа и дѣтей!“ отвѣчалъ тихій, невидимый голосъ.

Аврелія въ ужасѣ отскочила отъ образа... Она трепетала.

— Какъ—воскликнула Аврелія—я должна принести въ жертву и мужа и дѣтей?

„И мужа и дѣтей!“ повторилъ тотъ же невидимый голосъ, тверже, но яснѣе.

— Ложь!... вскричала Аврелія и безъ чувствъ упала наземь....

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

— Тереза! Тереза! кричала няня, вбѣгая изъ дѣтской въ гостиную.—Ты слышала?...

— Кто кричитъ? Что упало? вскочивъ, болтала Тереза въ просонкахъ.

— Въ образной, Тереза!

И обѣ, схвативъ свѣчи, побѣжали въ молельню. Аврелія лежала на полу безъ чувствъ, холодная, повидимому безъ малѣйшаго признака жизни. Перепуганныя женщины ударились въ слезы, призывали на помощь; но флигель Култуса былъ такъ расположенъ, что никто не могъ ихъ слышать. Хотѣли сами поднять барыню; но это было имъ не по силамъ. Терезѣ бросилась въ охотничьи комнаты: двери заперты на замокъ. Пока она обѣжала кругомъ, пока доложили пани Матильдѣ.... Пани Матильдѣ не въ рубашкѣ же было бѣжать.... Пока отъискали приличный пудермантель, туфли, ночной чепчикъ, времени прошло немало. Матильда съ Юзей и другими женщинами вошли въ молельню въ одно время съ Ивановымъ, который пріѣхалъ съ экипажами, чтобы чуть-свѣтъ увезти жену и дѣтей.

— Опоздалъ! вскричалъ онъ, вбѣгая въ молельню и бросаясь на колѣни передъ неподвижной Авреліей. — Господи! и Ты допустилъ? — Слова замерли. Онъ держалъ одною рукою ея хо-

лодную руку, другую приложилъ ко лбу. — Все кончено! едва слышно произнесъ онъ въ отчаяніи.

— Боже правосудный — вопила пани Матильда, стоя надъ дочерью и ломая руки—какъ страшно наказалъ Ты насъ!...

— Да меня-то за что? съ горечью проговорилъ Ивановъ, и слезы хлынули изъ глазъ его.

— О мой бѣдный Поль!

Пани Матильда бросилась къ зятю.

— Не подходите! закричалъ онъ, вставая.—Палачъ хочетъ обнять свою жертву.... Это первая жертва вашего фанатизма налицо!... Цѣлы ли мои дѣти?...

— Цѣлехоньки, батюшка Павелъ Михайловичъ! спятъ, голубчики!...

— Ступай къ нимъ, няня! будь при нихъ неотходно не допускай къ нимъ никого, ни одного человѣка!... Кругомъ насъ предатели!... О! какъ много отвѣтите вы Богу за вашу безчеловѣчную злобу!... Аврелія!

И бѣдный Ивановъ какъ снопъ свалился къ ногамъ жены. Всѣ рыдали; одна Матильда не плакала: ее буквально била лихорадка, терзалъ адскій холодъ; ее не увели, а унесли на рукахъ *покоювки* (горничныя).

— Павелъ Михайловичъ! тихо, но радостно сказала няня, которая, не слушаясь приказанія, все еще прощалась на сто ладовъ съ обожаемой барыней. Откуда брались нѣжныя выраженія; она то оплакивала, то уговаривала Аврелію воскреснуть— и уговорила.—Павелъ Михайловичъ! а вѣдь барыня вздохнуть изволили....

— Что ты говоришь, няня!...

— Господь услышалъ насъ! Ей-Богу, дышитъ....

— Дышитъ! радостно вскрикнули и Поль и Тереза.

Надежда — удивительный мудрецъ. Послали за полковымъ докторомъ, перенесли Аврелію на постель, раздѣли ее, уложили и укутали. Мертвенный холодъ смѣнился сильнымъ жаромъ; голова горѣла. Няня то и дѣло приносила ледъ, но не успѣвала: мгновенно таялъ. Менѣе нежели черезъ часъ пріѣхалъ врачъ.

— Дѣло не шуточное, но опасности пока не вижу.... Впрочемъ, какой оборотъ приметъ болѣзнь.... Горячка больно зла.... должно быть, сильно простудилась. Положительно—простуда!...

— Да барыня — замѣтила няня—вотъ уже сколько дней и въ церковь-то перестали ходить.... все дома сидѣли....

— Простуда, простуда! Тутъ толковать нечего. Надо принимать рѣшительныя мѣры....

— И первая мѣра прервать сообщеніе съ фанатизмомъ! сказалъ Ивановъ, ушелъ въ молельню, заперъ дверь въ охотничьи комнаты и ключъ спряталъ въ карманъ.

Хотя докторъ и ошибался въ причинѣ болѣзни, но лечилъ мастерски. Ледъ, снѣгъ, лекарство, которое привезъ изъ города верховой гусаръ, все было въ дѣйствіи. Бѣдный Ивановъ то и дѣло спрашивалъ у врача:

— Что? Какъ? Лучше? Нѣтъ?...

— Возьмите терпѣніе, Павелъ Михайловичъ! Только черезъ нѣсколько дней можно будетъ сказать что-нибудь положительное.... А теперь надо работать, бороться....

— Черезъ нѣсколько дней? повторилъ Ивановъ въ ужасѣ.—Да развѣ вы не знаете, что послѣ-завтра?...

— Кажется, даже завтра....

— Такъ что же намъ дѣлать?...

— Надо распорядиться....

— Перевезти Аврелію....

— Невозможно! И думать нечего!...

— Докторъ! Я отъ нея не отойду!...

— Ужь вамъ-то ребячиться некстати!...

— Бѣги, Поль! Они и тебя не пожалѣютъ! сказала Аврелія, бросаясь на постели.

— Что ты говоришь, Аврелія?...

— Что говоритъ? перебилъ докторъ. — Вонъ куда пошло! Она еще не то заговоритъ.... Льду, няня....

Несмотря на ледъ и снѣгъ, жаръ и бредъ усиливались. Провозились всю ночь и утро—лучше не было. Докторъ два раза ѣздилъ въ городъ и два раза возвращался. Замѣчательно, что, живя въ одномъ домѣ, они и не знали что дѣлается на другой половинѣ. И къ пани Матильдѣ пріѣзжалъ докторъ, и Матильда слегла въ постель почти такою же болѣзнію, только не въ такой сильной степени. Извѣстіе, что Аврелія не умерла, много облегчило исходъ болѣзни матери. Но Ивановъ и не думалъ о ней. Онъ не отходилъ отъ постели жены, поправлялъ подушки, окладывалъ льдомъ и снѣгомъ, вслушивался въ ея рѣчи, но ничего не могъ разобрать. Вторая ночь прошла

тоже безъ сна. Наступило роковое десятое января. Авреліи примѣтно стало лучше; она дышала легче; жаръ отдалъ, но все еще не миновался; бредъ сталъ покойнѣе, связнѣе; даже глаза иногда глядѣли со смысломъ, хотя никого не узнавали.... Утромъ десятаго числа, изъ большаго дома принесли кофе и вопросъ о состояніи больной. Тутъ только вспомнилъ Ивановъ про Матильду.

— Слава Богу! Скажи, что не хуже!... Старая вѣтряница! сказалъ Ивановъ, когда лакей ушелъ.

— Не осуждайте, полковникъ! возразилъ докторъ.—Это на васъ не похоже! Барыня любитъ отчизну, какъ вы любите свою жену. Все забываетъ, вотъ такъ, какъ вы.... Посмотрите, солнце встало.... Вы знаете, какой сегодня день, а сидите у постели больной неотходно. Для жены и долгъ забытъ....

— Докторъ! я совершенно съ вами согласенъ, но рѣшительно не знаю что мнѣ дѣлать.

— Простое дѣло! Здѣсь Ступачевъ съ эскадрономъ. Пикнуть не дастъ! А вы должны быть на своемъ мѣстѣ: въ городѣ будетъ тревога посерьезнѣе....

— А жена?...

— Ей теперь, слава Богу, лучше. Няня у насъ знатный фельдшеръ. Я ей все разсказалъ, буква въ букву, что надо дѣлать. Паша ей все на бумажку записалъ. Забудетъ—справится.... Вы человѣкъ религіозный. Надо же и Богу частичку хозяйства на этомъ свѣтѣ предоставить. А вамъ, какъ хотите, надо ѣхать....

— Я успѣю; я пріѣду....

— Нѣтъ, ужъ извините, я васъ здѣсь не оставлю. Благословите дѣтей и поѣдемъ....

— Дѣтей? Жену, ради матери и отца, можетъ быть, пощадятъ, а дѣтей не пожалѣютъ. Я ихъ беру съ собой....

— И то умно!... День, два, все успокоится: тогда опять сюда ихъ привеземъ....

— Нѣтъ, докторъ! Не на день, не на два каша заваривается.

— Ну, такъ берите же дѣтей и поѣдемъ....

Ивановъ всталъ и пошелъ въ спальню. Аврелія лежала съ закрытыми глазами и что-то шептала. Ивановъ наклонился, чтобы разслушать....

— Ты построилъ мнѣ бесѣдку, Поль, въ китайскомъ вку-

сѣ, шептала она. — Ахъ, какой онъ милаша!... Тише.... Это херувимъ! Видишь: въ рукѣ пальма примиренія!... Не трогай! не рѣжь пальмы. У, какой этотъ Дзвигачъ! срѣзалъ-таки!... А что взялъ?... Посмотри: пальма опять растетъ.... То была одна вѣтка, а теперь три.... Что ты, Петронилла! Да ты сумасшедшая! Вѣдь это пальма любви, мира! Ахъ, какая глупая! Ну, куда тебѣ зубами?... Перекусила!... перекусила!... Пропала моя пальма....

Аврелія въ бреду стала плакать и вдругъ разсмѣялась.

— Опять растетъ!... Поль, поди, посмотри!... Уже не вѣтка.... дерево.... Смотри, Поль.... Роща! цѣлая роща! Пойдемъ, погуляемъ!... Тебѣ вѣчно некогда! На службу?... Ну, ступай, ступай на службу, Поль!... Я что-нибудь въ рощѣ читать стану.... Да ступай же!...

— Павелъ Михайловичъ—сказалъ черезъ двери докторъ — право, пора! Дѣти готовы....

— До радостнаго свиданія!... Прощай, Аврелія! Иду на тяжкую службу!...

— Ну, что же вы?...

— Спитъ!...

— Неужели спитъ? спросилъ докторъ тихо, но весело.

И, схвативъ за руку Иванова, вытащилъ его въ другую комнату.

— Видите, Самъ Богъ за насъ! Спитъ! Значитъ дѣло пошло къ благопріятному перелому.... Няня, не мѣшай ей спать! Пусть спитъ хоть цѣлый мѣсяцъ! Поняла?... А тамъ и мы подъѣдемъ.... Маршъ!...

На дворѣ встрѣтили Ступачева, перетолковали съ нимъ и отправились въ городъ. Проѣзжая по улицамъ, они не могли не замѣтить особеннаго удовольствія, съ какимъ поглядывали на нихъ горожане. Знакомые и незнакомые, всѣ кланялись Иванову.

— Смѣшно и жалко! сказалъ Ивановъ.—Каково-то они будутъ глядѣть на меня и кланяться завтра!...

Когда Ивановъ вышелъ на крыльцо занимаемаго имъ дома и портные увидѣли дѣтей, то въ подвальномъ этажѣ поднялись шумъ неистовый, смѣхъ, даже пляска....

II.

Было уже восемь часовъ вечера. На улицахъ ни одного фонаря и ни живой души. Всѣ жители буквально спрятались

и заперлись на всѣ возможные замки и запоры. Всѣ знали, что ночью будетъ что-то; но что именно, это было извѣстно немногимъ. Портные затворили ставни и принялись точить ножи.... Раздался по улицѣ конскій топотъ.

— Ага, это наши! сказалъ старшій сынъ портнаго.

— Нѣтъ, Іендржы! Это, должно быть, французы. Говорятъ, ихъ до ста тысячъ прислано.

— Сто тысячъ! Легко сказать!...

— А что тутъ удивительнаго? Нынче желѣзныя дороги! Посадилъ и пошелъ. Квартиры готовыя; кормить будутъ даромъ, хоть милліонъ пошли. Это не москали, которымъ надо провіянтъ за собой таскать.

— Смерть хотѣлось бы на француза изблизи посмотрѣть—сказалъ молодой парень довольно пріятной наружности—должно быть, еще лучше москалей....

— Вотъ простота! замѣтилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, мрачно сидѣвшій въ углу сложа руки.—Что такое москаль? Машина, бревно въ мундирѣ; московскій лобъ не всякая пуля пробьетъ. А французъ и думать можетъ, и говорить мастеръ. Я въ Пале-Роялѣ служилъ въ разсыльныхъ для польскихъ дѣлъ. Четыре года бѣгалъ на посылкахъ. Со мной секрета не было. Что потруднѣе, поопаснѣе—ступай, Войцѣхъ! Въ Польшу съ бумагами съѣздить—ступай, Войцѣхъ! Теперь сказано въ Пале-Роялѣ: трусовъ надо страхомъ подгонять, надо такихъ людей подобрать, чтобы самого чорта не боялись. Панъ енералъ Мѣрославскій говоритъ: „вотъ если бы такихъ, какъ Войцѣхъ, только сотню найти, всю Польшу можно держать въ субординаціи.... Позвали меня въ комитетъ. „Что, Войцѣхъ—*самъ* спрашиваетъ — какъ ты думаешь? пора тебѣ уже работать благородной рукой, а не ногами. Надо урядъ на Польшѣ завести. Дурни со страху слушаться не будутъ. Не послушался приказа, хлопъ его ножемъ! Пусть знаютъ, что народная воля невидимо караетъ.... Правда....“—„Святая правда!...“ — „Какъ же намъ сдѣлать?...“—„А какъ сдѣлать? Какъ же это вы, господа, первые люди въ свѣтѣ, а моего совѣта спрашиваете....“—„Потому что мы знаемъ твой разумъ и твердую вѣрность народному дѣлу....“—„Если вы, господа, такіе большіе люди, такому маленькому человѣку такъ много дѣлаете чести, такъ я могу вамъ послужить: составлю вамъ добрую шайку. Люди бывалые. На примѣтѣ у меня тутъ, въ Парижѣ, есть че-

ловѣкъ сорокъ — дробная шляхта изъ панской прислуги; все равно голодаютъ: имъ терять нечего; да въ королевствѣ наберу втрое больше; только бы деньги....“ — „За этимъ дѣло не станетъ—опять *самъ* говоритъ—мой казначей денегъ тебѣ дастъ чистымъ золотомъ....“—„Такъ и служить будутъ чисто....“ Вотъ мы и пріѣхали въ Варшаву къ банкиру Леви, будто на его фабрику работать. Насъ и разтасовали; я вотъ такъ счастливо къ вамъ попалъ и на васъ набрелъ....

— Стало, ты не самый старшій, Войцѣхъ?...

— Гм! Я завелъ, а у насъ такіе мудрецы явились, что на триста шаговъ пулей въ *злотувку* попадаютъ. Кто искуснѣе, тотъ и старше. Вотъ на ножахъ, такъ я старшій....

Войцѣхъ всталъ.

— Вы, добрые мои товарищи, люди непривычные....

Товарищи расхохотались.

— Да, конечно, непрывычные! Жида пырнуть ножемъ или вислоухаго мужика хватить кулакомъ по затылку, это еще небольшая штука!... Нѣтъ! а идетъ мимо москаль, весь въ оружіи, *пся кревъ*, усы сажей намазаны, чертомъ смотритъ, подошвы у вашего брата отъ страха зачешутся, а тутъ навстрѣчу ему надо табачку понюхать, ножъ вынуть, такъ, чтобы въ рукавѣ не запутался.... Ну-ка, становись въ позицію!...

И убійцы всѣ встали. Войцѣхъ разставилъ ихъ возлѣ стульевъ.

— Ну, посмотримъ! Кто послѣдній по стулу ударитъ, тотъ кварту пива штрафу поставитъ.... Разъ, два, три!...

— Ножи блеснули, стулья застучали. Никто не опоздалъ....

— Morbleu! тамъ до дьявола! Пусть бы *самъ* посмотрѣлъ на нашу компанію. Приходится мнѣ штрафъ заплатить.... На, Іендржы, сходи къ Шмуйловой, принеси два гарнца пива.... Не мѣшаетъ подъ работу доброе сердце подогрѣть....

— Далеко, Войцѣхъ! Вѣдь Шмуйлова противъ самой ратуши....

— Если ты еще разъ спорить станешь, такъ я съ тебя не такой штрафъ вздую....

— Да я не спорю.... Иду!...

— Тото-же! А я пойду въ канцелярію, будто свѣча потухла, а сѣрнички вышли....

И Войцѣхъ взялъ свѣчу, потушилъ и отправился въ канцелярію. Тамъ два писаря что-то писали.

— Прощенья прошу! сказалъ Войцѣхъ, осторожно отворяя дверь. — Можно огонькомъ попользоваться?...

— На здоровье! отвѣчалъ писарь, продолжая писать, а другой всталъ и вышелъ изъ канцеляріи; за нимъ и Войцѣхъ....

— Пропали мы, Войцѣхъ! сказалъ тихо вышедшій писарь. — Измѣна! все знаютъ!...

— Что ты говоришь?...

— Знаютъ, что будетъ революція. Два эскадрона вступили въ городъ.... Командиры эскадронные сію минуту пришли къ полковнику, совѣтъ держатъ....

— Ну, нельзя всѣхъ, такъ эти не уйдутъ! Нечего тутъ полуночи дожидаться!...

И Войцѣхъ исчезъ.... Черезъ минуту вся шайка убійцъ подымалась по черной лѣстницѣ въ канцелярію.

— Тутъ, господа, нечего ждать, говорилъ Войцѣхъ на лѣстницѣ. — Ихъ трое, писарь четвертый, хамъ пятый.... На полковника я самъ, на другихъ какъ кому сказано. Какъ покончимъ, на улицу съ дуру не бѣжать! Въ домѣ есть тайная дверь; мы только въ другой домъ перелѣземъ и тамъ засядемъ, пока пройдетъ суматоха.....

— Мнѣ кажется—говорилъ Мануйко, сидя въ кабинетѣ Иванова въ покойныхъ креслахъ — вся эта исторія фальшивая тревога. Эскадронъ пробѣжалъ до ратуши почти черезъ полгорода.... Тишина.... Живой души нѣтъ на улицахъ....

— Это и доказательство, что всѣ знаютъ о заговорѣ. Мирные, добрые граждане вовсе не расположены къ мятежу. У нихъ и совѣсть и воля изнасилованы революціонными терористами. Теперь въ ужасѣ всѣ спрятались, чтобы не смѣшаться съ убійцами и невзначай не подвернуться подъ гусарскую саблю. Они разсчитываютъ вѣрно: удастся терористамъ, пойдутъ съ ними; не удастся, будутъ на трубахъ и органахъ восхвалять нашу мудрость, храбрость, всѣ наши, даже не существующія, добродѣтели.... До срока уже близко.... Если узнали, что гусары стоятъ на ратушевой площади, струсятъ и отложатъ злодѣйство; если не узнали—да многіе и не могутъ узнать—пойдутъ рѣзать штабныхъ....

— И ни одного не найдутъ дома, сказалъ полковой адъютантъ. — Всѣ здѣсь!...

— А докторъ?...

— Онъ, вѣрно, въ больницѣ. Тамъ трое больныхъ....

— Часовые поставлены?

— Съ утра....

— Боже мой! что дѣлается теперь на Жеребовцѣ?...

— Тамъ все обстоитъ благополучно, проговорилъ докторъ, входя въ комнату, въ шубкѣ, подпоясанный по дорожному; за поясомъ два пистолета.—Сейчасъ оттуда... Извините! Забѣжалъ на два слова — и не раздѣвался....

Ивановъ не далъ ему досказать и чуть не задушилъ въ объятіяхъ.

— Фу, Господи! И поляковъ не надо: свои задушатъ....

— Въ такое время, когда разбойники по всѣмъ дорогамъ, вы рѣшились, докторъ!...

— Повѣрите ли! Я съѣздилъ на Жеребовецъ и вернулся— ни души не встрѣтилъ.... Признаюсь, я на это и разсчитывалъ. Думаю себѣ, завтра чортъ знаетъ что еще будетъ; можетъ быть, за ранеными, у полковницы и побывать не удастся; къ вечеру должно быть больной хуже. Махну, чортъ побери!... И какъ радъ, что съѣздилъ! Какъ заснула при васъ, такъ и не просыпалась. Спитъ, да такъ знатно спитъ, то есть ну-да-два! великолѣпно спитъ!... Маленькая испарина показалась.... Дѣло идетъ превосходно. Няня просто кладъ. Вотъ бы мнѣ такую сидѣлку въ больницу!... Ну, думаю себѣ, теперь пора и домой. Надо съ поляками сражаться....

— Кажется, не придется, смѣясь, сказалъ Мануйко.

Но въ ту же минуту что-то тяжелое упало въ канцеляріи. Столовая отдѣляла канцелярію отъ кабинета. Войцѣхъ впереди, за нимъ остальные дружно бѣжали въ кабинетъ, чтобы захватить врасплохъ собесѣдниковъ.

— Вотъ подлецы! сказалъ докторъ, вынимая револьверъ.— Не дождались и срока!... Берегите носы! Стрѣляю!...

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ кто-то изъ заднихъ убійцъ.— Не лучше ли *до лясу?*...

— Впередъ, трусы! закричалъ Войцѣхъ и бросился на доктора.

Раздался выстрѣлъ. Но докторъ промахнулся. Войцѣхъ успѣлъ схватить его за руку; ножъ блеснулъ и увязъ въ шубкѣ.

— Вѣдь оцарапалъ-таки бездѣльникъ, сказалъ докторъ, хватаясь за спину.

Войцѣхъ не хлопоталъ о ножѣ: уже другой сверкалъ въ его

рукѣ. Но второй выстрѣлъ въ столовой остановилъ его вниманіе.

— Сдавайся! закричалъ Ивановъ въ столовой. — Онъ обошелъ непріятеля черезъ спальню и дѣвичью.

— *Тамъ до ката!* заревѣлъ Войцѣхъ.—Это полковникъ....

— *До лясу, до лясу!* закричало нѣсколько голосовъ.

Но Ивановъ съ револьверомъ въ одной рукѣ, въ другой съ ятаганомъ стоялъ у дверей канцеляріи.

— Ни шагу, ночные гости! стойте смирно! А кто тронется съ мѣста, убью!...

И мнимые портные окаменѣли, будто статуи торчали; у многихъ ножи изъ рукъ повывалились.... Напрасно звалъ ихъ Войцѣхъ, барахтаясь съ Мануйкой, который успѣлъ ухватить его за руку. Адъютантъ вырвалъ у него изъ рукъ ножъ и тѣмъ же ножемъ хватилъ его въ спину....

— *Лотры* (бездѣльники)—завопилъ Войцѣхъ—въ самый первый день продали Польшу....

Изъ всей силы рванулся, вырвался и бросился въ спальню.... Тамъ раздался дѣтскій крикъ. Докторъ пустился за Войцѣхомъ, но безоружный, раненый бездѣльникъ успѣлъ кулакомъ ударить старшаго сына полковника, пройти въ дѣвичью и на замокъ запереть за собой двери. По счастію, ударъ кулакомъ не имѣлъ важныхъ послѣдствій: докторъ, забывъ свою неважную рану, тотчасъ распорядился успокоить дитя. Мануйко и адъютантъ выломали двери. Изъ дѣвичьей слѣдъ крови велъ въ большую комнату, въ родѣ сѣней; отсюда двери и въ канцелярію и на черную лѣстницу. Тутъ было темно. Адъютантъ забѣжалъ въ канцелярію, схватилъ свѣчу и отправился по слѣдамъ свѣжей крови; сошли съ лѣстницы и уже въ квартирѣ портныхъ уткнулись въ глухую стѣну. Здѣсь слѣдъ кончился. Дальше не было ходу. Наверху, между тѣмъ, Ивановъ и другой ротмистръ отобрали ножи. Ивановъ изъ буфета вынулъ салфетки и вдвоемъ перевязали, какъ барановъ, одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ и собственнаго канцелярскаго писаря. Двѣнадцатую салфетку Ивановъ набросилъ на голову писаря.

— Закройся: смотрѣть стыдно!...

— А гдѣ же Ершовъ?...

Заглянули въ канцелярію: несчастный плавалъ въ крови.... Помощь врача не помогла; черезъ часъ Ершовъ скончался....

Еще далеко было до полуночи, когда Войцѣхъ сдѣлалъ преждевременное неудачное нападеніе. Когда отъ мануйкина

эскадрона пришелъ караулъ къ дому полковника, все уже было кончено. Арестанты были перевязаны поплотнѣе и уложены въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ проживали портные. Домъ тщательно обыскали, нашли и тайную дверь; но и въ сосѣднемъ домѣ не только Войцѣха, но и живой души не оказалось. Правда, всѣ комнаты были весьма прилично убраны, вездѣ горѣли свѣчи. Въ залѣ, кругомъ стола, въ безпорядкѣ стояло много стульевъ; нѣкоторые были опрокинуты. По всему было видно, что тутъ происходило только-что прерванное засѣданіе. Ротмистры отправились къ своимъ эскадронамъ, а штабные продолжали обыскъ. Черезъ четверть часа по всему городу двинулись патрули.

— Ну, пока революція кончилась, замѣтилъ докторъ.

— Именно пока! Вы сказали вѣрно, докторъ: революція пріутихла на одну ночь, и, быть можетъ, только здѣсь, у насъ.... Хорошо, если и въ другихъ мѣстахъ успѣли предупредить ее такъ, какъ здѣсь.... Но вотъ что удивительно: куда дѣвались изъ такого большаго дома всѣ жильцы?... Надо еще взять гусаровъ. Оба эти дома надо оцѣпить и продолжать обыскъ....

— Почта! сказалъ докторъ. — Что-то она привезла намъ изъ Варшавы?...

Дѣйствительно, почтовый рожокъ трубилъ все ближе и ближе и окончательно протрубилъ у дома Иванова.

— Да это къ намъ гости....

И штабные поспѣшно вернулись въ кабинетъ Иванова; вслѣдъ за ними гусары привели курьера изъ Варшавы.

— Ордеръ, сказалъ Ивановъ, покойно распечатывая бумагу, прочелъ, и бумага упала на столъ.

Ивановъ опустился въ кресла.

— Можно знать? спросилъ докторъ.

— Не спрашивайте! Новое испытаніе! Тотчасъ по полученіи этой бумаги весь полкъ въ Варшаву....

Всѣ молчали. Всѣ понимали ужасное положеніе полковника: жена въ безпамятствѣ, сынъ ушибенъ. Да и какъ зимою, по-походному, тащиться съ дѣтьми!...

— Что же вы намѣрены дѣлать? наконецъ спросилъ докторъ.

— Странный вопросъ! отвѣчалъ Ивановъ, вставъ съ мѣста и ходя по комнатѣ большими шагами.—Пошлите просить губернатора. Я не могу отлучиться. Арестантовъ и больныхъ сда-

димъ гражданскимъ властямъ на руки, подъ ихъ личную отвѣтственность. Къ Ступачеву послать съ приказомъ унтеръ-офицера и десятокъ гусаровъ. Пусть подымается съ эскадрономъ на Бабилово. Мы тамъ съ нимъ соединимся, заберемъ вещи и выступимъ на большую дорогу. То же написать и другимъ....

— Кто же будетъ писать? спросилъ полковой адъютантъ.

— Вы сами; а канцелярію уложитъ Дрогѣлло. Прикажите его развязать: пусть укладываетъ подъ карауломъ.

— Отчего бы намъ самимъ не идти на Жеребовецъ и оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ отправиться на Бабилово?

— И потерять цѣлый переходъ ради частнаго разсчета, когда намъ надо спѣшить къ Варшавѣ чуть не на рысяхъ, безъ дневокъ и приваловъ!

— Ну, если такъ, то съ дѣтьми и аптекой я поѣду! сказалъ докторъ.—Все это прекрасно; но Аврелія?

Ивановъ горько улыбнулся и махнулъ рукой.

— Неумѣстное отчаяніе!

— Ни на волосъ! Я не имѣю права отлучиться отъ моихъ гусаровъ; я долженъ беречь и хранить ихъ, какъ зѣницу ока. Тамъ одна, здѣсь сотни. Можетъ быть, материнскія чувства у Матильды еще не умерли до остатка; можетъ быть, она поняла, какъ преступно быть дѣтоубійцей. Я напишу письмо и ей, и Авреліи.

— А я отвезу.

— Вы, докторъ?

— Вмѣсто унтеръ-офицера. Дѣти при васъ: чего имъ бояться?....

Къ утру докторъ, съ гусарскимъ конвоемъ, отправился на Жеребовецъ.

III.

Тяжело и грустно правдивому лѣтописцу говорить, въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, о такомъ явленіи, которое ослѣпленною кровавымъ изувѣрствомъ ненавистію и тайными убійствами воскрешаетъ передъ читателемъ, во всемъ омерзительномъ ужасѣ, мрачную средневѣковую эпоху. Польскіе фанатики, польскіе властолюбцы, преслѣдовавшіе своекорыстныя цѣли подъ личиною святой любви къ „ойчизнѣ“, не дрогнули напомнить

христіанскому человѣчеству, что и въ наше время, гордое своимъ просвѣщеніемъ, своими стремленіями къ сближенію народовъ, могутъ повториться „Сицилійскія вечерни“ или „Варѳоломеевская ночь“. Явленіе поистинѣ невѣроятное, непостижимое, чудовищное, но тѣмъ не менѣе осуществившееся съ 10-го на 11-го января 1863 года въ предѣлахъ царства Польскаго.... Адскій замыселъ перерѣзать ночью безоружныхъ русскихъ воиновъ и все что только носило русское имя, и на землѣ, увлаженной русскою кровію, утвердить господство терора, который, въ свою очередь, долженъ былъ проложить путь къ темному владычеству ксендзовъ, пановъ и шляхты, или, что все равно, къ неумолимому порабощенію польскаго народа—это такіе факты на страницахъ современной исторіи, которые заставляютъ краснѣть всякаго, кто сохранилъ въ душѣ чувства чести и совѣсти. Законы всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ осуждаютъ и караютъ открытое возстаніе подданныхъ противъ законнаго правительства; что же скажетъ нелицепріятный судъ исторіи о коварной ночной рѣзнѣ безоружныхъ, о разбойническомъ нападеніи на спящихъ воиновъ?

Повторяю: тяжело и грустно правдивому бытописателю говорить въ наше время о подобіи „Сицилійскихъ вечеренъ“ или „Варѳоломеевской ночи“...

Наканунѣ кроваваго дня или ночи въ жеребовскомъ костелѣ, кармелитъ, передъ обѣдней, исповѣдывалъ убійцъ, которыхъ набралось множество изъ города, за обѣдней причастилъ всѣхъ, но проповѣди не говорилъ. Достаточно наставилъ онъ каждаго за *конфессіоналомъ*, черезъ окошечко исповѣдной будки. Цѣлый день на Жеребовцѣ никого не было видно. Всѣ попрятались. Только кучеръ Матильды, Рохъ, и садовникъ Чуба, подмѣтивъ, что Ступачевъ поѣхалъ въ жеребовское селеніе, а деньщикъ Шишовъ отправился на барскій дворъ, забрались на дворъ войта и тщательно осмотрѣли квартиру Ступачева. Командиръ воротился къ обѣду, куда вслѣдъ за нимъ явились и всѣ офицеры его эскадрона. Обѣдъ былъ шумный, веселый; кричали „ура!“, пѣли пѣсни; разошлись по домамъ, когда уже совсѣмъ смерклось. Кармелитъ весь день усердно сидѣлъ въ жидовской корчмѣ, которая была биткомъ-набита фабричными и дворовой челядью пана Жеребовца. Трудно было удержать эту сволочь въ субординаціи. Хаимъ бѣгалъ то на ледникъ за пивомъ, то съ пивомъ по разнымъ комнатамъ. Хруска не могла ему помо-

гать, потому что кармелитъ усадилъ ее возлѣ себя, въ видахъ огражденія ея персоны отъ вольностей вольницы. Садовникъ Чуба, огромнаго роста и атлетическаго сложенія, довольно опрятно одѣтый въ чамарку, пожалованную ему съ плеча пана-президента, для огражденія Хруски сидѣлъ по другую отъ нея сторону, на полуразвалившемся диванѣ.

— А что, не пора ли, Бонифацы, идти вамъ на *дзвоницу* (колокольню)? сказалъ Чуба, поглядывая на серебряную луковицу, тоже даръ щедраго Жеребовца.

— Пора, пора, добрыя дѣти! Но прежде вы должны стать на свое мѣсто, и какъ только услышите звонъ, начинайте жертвоприношеніе. Благословляю васъ на великій подвигъ! Не забудьте, что вы будете первенцы въ великомъ длѣ возрожденія Польши! Съ вами небесныя силы! Ступайте!

— И вы съ нами ступайте, отецъ Бонифацы! сказалъ Чуба, почесывая затылокъ.

— Разумѣется! Но впереди всегда овцы, а за ними пастырь.

Кармелитъ поднялся и употребилъ обыкновенную свою тактику—сталъ искать шапку; искалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ до послѣдняго не вышли изъ сборной избы.

— Прощай, сестра Хруска!

— Ай, какъ мнѣ за васъ страшно!

— Поцѣлуй меня, сестра! Тогда ужь я ничего не побоюсь. Ну, вотъ и хорошо.

— Что же вы нейдете?

— Э! еще успѣю.

— Довольно! что вы!...

— Ай вай! какъ же это можно? закричалъ Хаимъ, вбѣгая въ комнату.

— Отчего нельзя? въ такую минуту надо всѣмъ обниматься и цѣловаться, какъ братьямъ.

— А со мной?

— Съ тобой послѣ.

Кармелитъ вытащилъ шапку изъ-подъ реверенды и отправился на колокольню. Проходя мимо крестьянскихъ домиковъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что всѣ убійцы были на своихъ мѣстахъ.

— Ставни у Култуса не заперты. Что дѣлаетъ эта баранья шляхетская голова? Бесѣдуетъ съ Зосей! Завтра, Зося, я ужь

буду тутъ старшій.... И на панскомъ дворѣ еще не спятъ.... Завтра что запоетъ великолѣпная вдовица? Къ ней нескоро попадешь въ милость. Ну, да чего не сдѣлаютъ время и небесный свѣтъ, что сидитъ въ моемъ карманѣ. Петронилла сыграла свою роль мастерски, и мы не уступимъ... Фу ты, проклятая лѣстница! Того гляди, полетишь и расшибешься на смерть. То-то и есть: жидовскій поцѣлуй не въ прокъ... Чуть-чуть не оступился. А лакомый кусокъ! Что же, въ самомъ дѣлѣ? Повѣшу я завтра Хаима: на что онъ нуженъ? дрянь, а мѣшаетъ. Ну, слава тебѣ Господи, добрался... На всю Польшу въ колоколъ ударю. Бензъ!

И кармелитъ ударилъ въ небольшой, но довольно звучный колоколъ. Ночь стояла тихая; звонъ раздавался далече. Рохъ и Чуба, съ двумя городовиками, бросились двери ломать; но двери отворились сами собой—въ сѣняхъ никого, въ комнатахъ никого. Добыли огня; ищутъ: не спряталась ли гдѣ? Все пусто, все въ порядкѣ; только со стѣнки ружья и пистолеты убраны.

— *Здрада*! (измѣна), проговорилъ, заикаясь, Чуба.

— Мы про-па-ли! прорычалъ Рохъ; губы его тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Скорѣе до лясу! заговорилъ цирюльникъ Бибулевичъ и первый выбѣжалъ на дворъ.

За нимъ и другіе. Но на дворѣ со всѣхъ сторонъ раздавались крики: воры! воры! лови! Изъ войтова огорода, точно изъ-подъ земли, выскакивали гусары. И Роха, и Чубу, и городовиковъ, будто сонныхъ раковъ, забрали голыми руками.

— Зачѣмъ пожаловали? спросилъ Ступачевъ.—Не отмолчитесь, ребята! Лука, плетей!

— Что онъ сказалъ? пробормоталъ Чуба.

— Бизуновъ велитъ дать! въ лихорадкѣ отвѣчалъ Рохъ.

— Ложись! сказалъ, шутя, Ступачевъ.—Валяй, Лука!

Экзекуція совершилась мигомъ. Но никто не сознался, зачѣмъ пришелъ. Всѣ упорно молчали.

— Бездѣльникъ кармелитъ! Знатно этихъ собакъ выдрессировалъ. А гдѣ онъ самъ, голубчикъ?

— На колокольнѣ. Это онъ звонитъ, отвѣчалъ кто-то изъ гусаровъ.

— Подайте его, душеньку, сюда!

Гусары опрометью бросились къ колокольнѣ. Кармелитъ не замѣтилъ ихъ: онъ такъ усердно звонилъ на всю Польшу, что

и колоколъ не выдержалъ—треснулъ, и большой кусокъ мѣди упалъ къ ногамъ звонаря.

— Значитъ, довольно—сказалъ Бонифацы съ самодовольствіемъ—значитъ, всѣ услышали.

— Услышали! услышали! говорилъ гусаръ, поднимаясь по лѣстницѣ. Вотъ на твой набатъ и прибѣжали!

— Это что! Гусары, москали? прошепталъ кармелитъ и тутъ же вспомнилъ, что съ колокольни можно безопасно пройти на крышу костела. „А дальше? какъ-нибудь!“ подумалъ Бонифацы и пустился въ опасное путешествіе. Но гусары уже были на площадкѣ колокольни, ухватились за реверенду и притащили звонаря къ Ступачеву.

— Здравствуй, миленькій! сказалъ Ступачевъ?—Гдѣ побывалъ?

— На дзвонницѣ, отвѣчалъ кармелитъ мрачно, стараясь принять важный, покойный видъ.

— Мы его, ваше высокоблагородіе, уже на крышѣ поймали.

— Видишь, не даромъ тебя *ласымъ* котомъ панъ Култусъ величаетъ. Ты любишь высоко забираться. Такъ и родился для висѣлицы. Ну, подвиги твои пусть законъ разберетъ, а у меня съ тобой есть свои домашніе счеты. Суди меня Богъ, Государь и Павелъ Михайловичъ! Не могу! видитъ Богъ, не могу!... Лука, плетей!

— Меня можетъ судить и наказывать только одинъ нашъ *капитулъ*...

— Реверенду, душенька, мы снимемъ, раздѣнемъ тебя, голубчика, дочиста, чтобы даже крайчика твоего почтеннаго сана какъ-нибудь не затронуть. Какъ можно! на то капитулъ! А вотъ дерзкія руки твои, что осмѣлились коснуться моей нареченной невѣсты; а вотъ губы твои анаѳемскія, что лѣзли цѣловать Зосю.... это все мое! Нѣтъ, шельма, держись! Я тебя, дружка, по своему расцѣлую...

Напрасно кармелитъ кричалъ, изрыгалъ проклятія, отбивался: ничто не помогло... Раздѣли...

— Ну, ладно! Теперь, ребята, подкиньте снѣжку; бугорокъ снарядите, чтобы ему амвонъ устроить; снѣжный пуховикъ подъ толстое брюхо подложите. Онъ мякоть любитъ. На то котъ! Вотъ я его проберу по-австрійски: черезъ часъ по ложкѣ!... Ну-ка, Лука, хлесни голубчика!...

— *Ратуйте!*...

— А кто тебя *ратовать* станетъ? Вольница твоя разбѣжалась. Рохъ и Чуба въ амбарѣ. Кyлтусъ.. Кстати вспомнилъ. Позовите сюда Култуса: онъ оскорбленъ не меньше моего... Ну-ка, Лука, горяченькаго!

— Пощадите!...

— Нельзя, сердце мое! невозможно! Душой бы радъ, да не смѣю! За каждую женщину, которую ты оскорбилъ своимъ сватовствомъ, если я влѣплю тебѣ по одной только нагайкѣ, такъ ста ударовъ мало. По-австрiйски надо пять сутокъ расплачиваться... Ты лучше признайся самъ, объяви нумеръ.... Ну, сколько?... Лука, спроси!...

— Охъ!... одну, только одну Зосю!...

— Ну, не подлецъ ли ты? Будто я такъ ужь простъ, что и повѣрю. Вѣдь я прежде и самъ не хуже вашего брата за встрѣчной и поперечной волочился. Такъ я, братъ, гусаръ: мнѣ такъ и подобало. Мнѣ за всѣхъ и одной нагайки было бы довольно... Ну, а ты, самъ знаешь, какая персона. Тебѣ надо по реестру... Ну, такъ сколько, je vous prie? За паней Матильдой, напримѣръ?... Молчитъ! Лука, чихни!

— Виноватъ!

— То-то! Скорѣе сосчитаешь, скорѣе и Лука отсчитаетъ... Вотъ и панъ Култусъ.... Полюбуйтесь вашимъ другомъ, любезный тесть! Всѣхъ тѣхъ, которые меня вздумали оскорбить, ожидаетъ такое же угощенiе!... „не исключая и тестя“, шепнулъ Ступачевъ на ухо поблѣднѣвшему, какъ полотно, Култусу.— Ну-съ! кто дальше? Пани Петронилла! Приставалъ? Тоже хорошенькая и вашей польской масти... Съ тобой шушукалась, самъ видѣлъ... Ну!... Допроси!

— Каюсь, каюсь! На тортурахъ чего не скажешь! Охъ, не могу!...

— Такъ считай самъ поскорѣе!...

— Не помню...

— Лука, напомни!...

— Охъ, много, много!...

— Безъ счету?....

— Кто ихъ тамъ считалъ...

— Валяй и ты, Лука, безъ счету!...

— Ну, а это ужь отъ меня—сказалъ Лука за послѣднимъ ударомъ—за Хруску, жидовку!... самъ видѣлъ!...

— Баста! сказалъ Ступачевъ. — Теперь одѣньте, свяжите

и посадите его въ кутузку, отдѣльно, чтобы не могъ съ Рохомъ и Чубой стакнуться. А ты, любезнѣйшій тестюшка, ступай за мной.... Ну, ребята, спасибо! Провели вы ночку безъ сна, да за то всѣ у насъ цѣлы... Ученья не будетъ!... Но какъ у нихъ затѣя не на насъ однихъ, а на всѣхъ русскихъ, сколько ихъ ни есть въ царствѣ Польскомъ, то и не миновать намъ похода; бунтъ придется унимать!...

— Мы имъ, ночнымъ разбойникамъ, шубы почистимъ!

— Нѣтъ, ребята! грѣхъ мстить! Зачѣмъ мстить? Не годится! Полковникъ строго запретилъ. Надо неуковъ образумить.... Поняли?...

— Рады стараться!...

— Ну, такъ будьте, ребятушки, готовы, чтобы приказъ врасплохъ насъ не засталъ... Я свои вещи уже велѣлъ укладывать... Поѣдемъ же, тестюшка! Я и тебя чаемъ напою... Шишовъ, самоваръ...

— Ну, пане Култусъ, теперь все объяснилось, сказалъ Ступачевъ, садясь на диванъ.—Култусъ стоялъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ.—Вы всѣ—извини за правду—подлецы первой гильдіи. Я всегда говорилъ нашимъ: „Не стоитъ съ этой дрянью брататься, гладить по головкѣ!... Какая тутъ дружба съ людьми, когда у нихъ измѣна и предательство — заслуга! Корми, ласкай собаку—и та своего не укуситъ. А эти звѣри отца роднаго не пожалѣютъ.“ Я радъ, что не имѣю прямыхъ уликъ, чтобы и тебя связать и отправить въ городъ съ кармелитомъ. Хоть ты такая дрянь—хуже, чѣмъ дрянь—да на бѣду ты отецъ Зоси. Революція во всей Польшѣ! Это уже и Лука знаетъ. На мѣстѣ сидѣть намъ ужь не придется. Зоси я здѣсь не оставлю: сегодня же, какъ только разсвѣтетъ, мы съ тобой и Зосей отправляемся въ городъ—и я женюсь! Ты тамъ себѣ хоть тресни!...

Култусъ бухъ въ ноги...

— Это что у тебя за шляхетская фантазія?...

— Дражайшій и милѣйшій зять—запѣлъ жалобно Култусъ—пожалѣйте несчастнаго! И теперь говорятъ, что Зося продала поляковъ, а если еще я съ вами поѣду, кончено: меня повѣсятъ, безъ всякой пощады повѣсятъ, если не хуже... Я не обвиняю Зосю, что она передала вамъ общую тайну...

— Не мошенничай! Зося тутъ не при чемъ. Ты хочешь меня за языкъ потянуть, откуда я узналъ, что вы хотѣли всѣхъ

насъ перерѣзать. Не безпокойся: я, братъ, самъ тебя за языкъ потяну... Признавайся, кто изъ здѣшнихъ въ заговорѣ?...

— Всѣ... всѣ! даже корчемные жиды!...

— Вотъ бѣлены объѣлись! Откровенное твое признаніе еще болѣе заставляетъ меня поспѣшить свадьбой...

— О, Боже мой! Я ли этого и самъ не желаю? сплю и вижу, чтобы скорѣе смута кончилась. Добровольно, ни я, ни Зося, мы не можемъ согласиться. Придумайте сами, какой-нибудь фортель...

— Фортель?—Ступачевъ улыбнулся. — Фортель, фортель! повторилъ онъ нѣсколько разъ.—А вотъ какой! Напьемся чаю. Отъ безсонницы у меня ознобъ... Не мѣшаетъ араку подбавить... А что Аврелія Яковлевна?... Вчера вечеромъ не успѣлъ забѣжать, по милости вашихъ продѣлокъ...

— Благодареніе Богу! Докторъ пріѣзжалъ изъ города, говорилъ, что лучше...

— Ну, а пани Матильда?...

— Слава Богу, совсѣмъ здорова. Всю ночь при больной просидѣла...

— Прислушивалась, какъ насъ рѣжутъ. Вотъ, думаю, губы до крови накусала. А тутъ еще мы ея сердечнаго дружка, кармелита, всеусерднѣйше обласкали. Знаешь, Култусъ, это вотъ у Паши, да и у всѣхъ нашихъ начальниковъ, такое церемонное обхожденіе... Гуманное, какъ они говорятъ, а по-моему такъ туманное... Дай мнѣ волю!... Я вотъ тебя на осину, Дзвигача на липу, Петрониллу на евину яблонь, кармелита живаго бы закопалъ въ навозъ, съ головой и *тонсурой;* кому пластырь кулакомъ; кому припарку березовую... Выпарилъ бы революцію въ русской банѣ—и конецъ! Сотню ядовитыхъ таракановъ извелъ бы, въ хатѣ стало бы и чисто, и свѣтло, и весело... А мы вотъ пойдемъ лансье съ поклонами выплясывать, а потомъ придется цѣлую армію галопадомъ пустить... Да что ты торчишь? точно цапля ногами перебираешь. Садись: придется долго стоять...

— Значитъ, это арестъ!...

— Политическій, душа моя! гуманный! съ чаемъ и аракомъ! Садись! Что тутъ церемониться! Свои люди—сочтемся!...

И Ступачевъ закурилъ трубку, умостился съ ногами на кровать и приказалъ Култусу разсказывать что-нибудь...

— Помилосердуйте! Я ничего не знаю...

— Разсказывай, говорятъ тебѣ, про королеву *Бонну* и неаполитанскія суммы! Мнѣ все равно; лишь бы я слышалъ, что ты тутъ...

— Позвольте мнѣ лучше прилечь: смерть спать хочется...

— Врешь! Ни одна польская душа теперь не спитъ: кто со злобы, кто со страху... А это у тебя на умѣ фортель; и у меня фортель. Ну такъ что же ты молчишь?

Въ такомъ родѣ провозился Ступачевъ съ Култусомъ всю ночь. Шишовъ, между тѣмъ, укладывалъ вещи барина. Стало свѣтать.

— Шишовъ! ты старую мою шубу не укладывай: понадобится. Только будетъ ли въ пору?

„Это значитъ для меня!“ подумалъ Култусъ. „Пропалъ я! Что дѣлать?“

Разсвѣло. Пріѣхалъ докторъ и прямо къ Ступачеву.

— Какими судьбами?...

— Всѣ у васъ живы, цѣлы? спросилъ докторъ торопливо.

— Богъ помиловалъ. А у васъ?...

— У насъ! Вотъ пойдемъ въ другую комнату на минуту.— Ну, Ступачевъ—продолжалъ докторъ, въ другой уже комнатѣ, притворяя дверь — дѣло дрянь! революція вспыхнула. У насъ обошлось благополучно; но что-то допустилъ Господь по другимъ мѣстамъ, гдѣ о подломъ замыслѣ не знали и о такой подлости подозрѣвать не могли. Насъ случай спасъ...

— Любовь, докторъ, одна любовь...

— Ну, объ этомъ мы дорогой потолкуемъ, а теперь, Ступачевъ, собирайся въ походъ!...

— Игнатій Семенычъ Ступачевъ — просто пророкъ. Ну, такъ и зналъ, такъ и ждалъ! Когда? куда? Завтра что ли?

— Какое завтра! черезъ часъ! Вотъ тебѣ писуля отъ Павла Михайловича. Читай на здоровье; а я на минуточку къ Аврельѣ Яковлевнѣ... и домой. Наши выступятъ ровно въ полдень...

— Постой! да вѣдь у меня есть арестанты. Ихъ куда я дѣну?...

— Вели уложить на подводы. Я ихъ съ собой захвачу въ городъ и въ острогъ сдамъ. И наши разбойники тамъ сидятъ. Ну, прощай!...

IV.

Докторъ поспѣшилъ на барскій дворъ. Аврелія все еще спала. Пани Матильда, закутавшись въ двѣ шубы, сидѣла у ея постели. Увидавъ доктора, она невольно и радостно вскрикнула. Аврелія вздохнула, но не проснулась.

Пани Матильда опомнилась и тихо спросила:—Онъ живъ?...

— Живъ! Здоровъ! дѣти тоже... Послѣ, послѣ!... Надо заняться больною. Просыпалась?...

— Раза два, но на одно мгновеніе и опять засыпала...

— И прекрасно дѣлала! Она и въ безпамятствѣ умница... Ну, теперь, madame Жеребовецъ, мнѣ бы надо сказать слова два вамъ...

— Ахъ, докторъ! Я сама какъ на иголкахъ... Тамъ мужъ, зять, внуки; здѣсь — несчастная дочь, проходя черезъ охотничьи комнаты, говорила Матильда, не заботясь о безобразіи и странности своего ночнаго туалета. Можетъ быть, первый разъ въ жизни она не подумала объ этомъ. На бѣду, проходя мимо зеркала, невольно, по старой неизмѣнной привычкѣ, она взглянула въ честное стекло... Ноги такъ и подкосились. Чучело, не женщина! И морщины всѣ и на виду и на счету, и кожа такая шаршавая, словно солдатское сукно.

— Позвольте, докторъ!... Извините! Я такъ не могу!... Я вернусь черезъ минуту!...

— И я не могу, мадамъ Жеребовецъ! И я на одну минуту. Полкъ сегодня выступаетъ въ Варшаву...

— Что вы говорите? Такъ я не увижу Поля?

— Невозможно отлучиться...

— На одинъ часъ...

— Ни на минуту. Заговоръ не удался, но опасность не миновалась. Въ этомъ письмѣ вы найдете все, что нужно...

— Я не стою его довѣрія... Докторъ, я знаю, что вы ему другъ... Помирите насъ....

— Успокойтесь! Его сердце неспособно питать ни злобы, ни мести... Онъ, какъ почтительный сынъ, проситъ за Аврелію...

— Скажите ему, что я сохраню ему Аврелію... Богомъ клянусь, я не отойду отъ ея постели... Докторъ! я боюсь. Онъ не повѣритъ...

— Какъ не повѣритъ! Вы теперь сами поняли...

— О! скажите ему, что такъ страшно наказанная мать всегда умнѣе и осторожнѣе...

— Я одного боюсь и, видя вашу искренность, считаю святымъ долгомъ предостеречь...

— Говорите, докторъ. Честное слово, все сдѣлаю!

— Польскій фанатизмъ безчеловѣченъ....

— Вы думаете, что ихъ бѣшенство не пощадитъ моей дочери за то, что она русская полковница....

— Нѣтъ! Мать найдетъ средства защитить родную дочь.... Но бѣдная няня.... А, между тѣмъ, какъ врачъ, я васъ умоляю, чтобы няня неотходно оставалась при больной.

— Да кто о ней станетъ хлопотать?...

— Фанатизмъ, который здѣсь такъ неразборчивъ въ жертвахъ....

— Вы обижаете поляковъ....

— Если ошибусь, готовъ у нихъ на колѣняхъ просить извиненія за тайную мысль....

— И придется стать на колѣни.... А пока будьте покойны! Я дала слово....

— Теперь позвольте откланяться, дать нянѣ инструкцію и въ походъ....

— Дай Господи свидѣться по-старому и пожить по-прежнему....

— Богъ не безъ милости....

— Но люди безъ милосердія....

— Такіе всѣ пропадутъ, и родная семья станетъ дружнѣе и чище....

— Вижу, и у васъ религія Поля....

— Я его ученикъ и горжусь такимъ наставникомъ....

— Скажите Полю, что я и ему, и вамъ, и Авреліи завидую.... До свиданія, докторъ! Берегите Поля, дѣтей, себя! И вы теперь какъ будто членъ нашего семейства.

Докторъ поцѣловалъ у пани Матильды руку и отправился во флигель Култуса, передалъ на руки нянѣ письмо барина, далъ ей самую подробнѣйшую инструкцію на всѣ возможные случаи, нѣсколько разъ смотрѣлъ, что дѣлаетъ больная, и опять толковалъ нянѣ разныя подробности. А та все бормотала: „дай Богъ памяти, упомню, голубчикъ, не бойся, упомню!... Береги, батюшка, моихъ дѣтенышей!“ Докторъ позабылъ, что онъ уже больше часа хлопочетъ; наконецъ зашелъ еще разъ

къ Авреліи, долго слушалъ ея пульсъ, вздохнулъ, перекрестилъ ее, поцѣловалъ одѣяло и вышелъ изъ дома. На площадкѣ эскадронъ Ступачева стоялъ въ полномъ походномъ порядкѣ. Конвой доктора окружалъ пять обывательскихъ тележекъ съ преступниками. Всѣ налицо; недоставало одного командира. „Абдель-Кадера" его—лошади Ступачева всегда носили эту кличку—водилъ подъ уздцы Шишовъ....

— Гдѣ ротмистръ? спросилъ докторъ.

— У невѣсты....

— Надо его снять съ гнѣзда, а то онъ тамъ до ночи досидится....

Докторъ вошелъ въ гостиную. На диванѣ лежала Маріанна. Ступачевъ душилъ ее.

— Признавайся! Гдѣ Зося? кричалъ онъ не своимъ голосомъ.

Та только хрипѣла.

— Что ты, что ты, сумасшедшій! сказалъ докторъ, стараясь оттащить Ступачева. — Какъ же ты хочешь, чтобы она тебѣ отвѣчала, когда ты ее душишь?... Смотри, вся посинѣла....

— Отвяжись! Ты всему виноватъ!

— Я?

— Разумѣется, ты! Чортъ тебя принесъ изъ города! На какого дьявола ты меня въ другую комнату вызвалъ?... Шельма Култусъ и навострилъ лыжи. Я его цѣлую ночь держалъ на веревочкѣ.... Съ разсвѣтомъ хотѣлъ взять подъ арестъ и Зосю, и....

— Что и?...

— И жениться, чортъ тебя побери! А эта шельма и самъ спрятался и Зосю спряталъ!...

— Да ей-богу не спряталъ! Сани были готовы. Прибѣжалъ, схватилъ Зосю. И самъ, и она, какъ стояли въ комнатѣ, безъ шубы, безъ шапокъ, такъ и уѣхали, говорила Маріанна.

— Слышь!... Въ глаза вретъ.... Какъ же они въ такой морозъ....

— Въ деревнѣ тулупы возьмутъ. Что за диво!...

— Куда же они могли поѣхать?... Что ты путаешь!

— Да куда имъ ѣхать кромѣ Бабилова!

— Въ Бабилово?

— Ну вотъ видишь! По пути! Чѣмъ несчастную бабу душить, скорѣе на-конь, да въ Бабилово.... Не догонишь, тамъ найдешь....

Все это докторъ говорилъ уже въ догонку Ступачеву, потому что тотъ не шелъ, а бѣжалъ къ своему „Абдель-Кадеру“.

— Баба! ворчала Маріанна, утирая слезы и глядя въ окно.—Теперь я у нихъ и баба, и чортъ знаетъ что.... Прежде за мной черезъ стѣны лазилъ, а теперь посмотри, посмотри: цѣлый швадронъ вскачь погналъ, будто зайцевъ ловить.... Но что дѣлать?... Я ужь и тѣмъ довольна, что этой чертовкѣ не видать жениха.... Выручила, подлая! отца продала! ну, такъ теперь, въ Черномъ лѣсу, на Глухомъ фольваркѣ, посиди, поплачь съ наше! Я свое уже отплакала. Съ меня довольно...

V.

Прошло около двухъ недѣль, какъ полкъ Иванова выступилъ изъ города. Аврелія поправлялась, но такъ медленно, что няня приходила въ отчаяніе. Присутствіе отца и матери, въ очередь, было въ тягость больной; но она не знала, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Они избѣгали всякаго разговора о разыгравшейся революціи; Аврелія не распрашивала. Наконецъ этотъ благовидный арестъ, неусыпный присмотръ превозмогли мѣру терпѣнія больной. Однажды, подъ вечеръ, когда панъ-президентъ располагался на ночлегъ въ спальнѣ Авреліи и устанавливалъ свое кресло въ болѣе удобную позицію, больная собралась съ силами и тихо сказала:

— Папо? Если ты меня любишь, такъ пойдешь спать въ свою теплую постель....

— Какъ можно?... Ты слаба....

— Какъ угодно, папо! Иначе я не засну.... Слава Богу! Ты видишь, я встаю сама, по комнатѣ уже гуляю; при мнѣ Марина, Тереза.... Я чувствую себя здоровою.... Нѣжная заботливость и твоя и мамы тяготитъ меня. Мнѣ не спится. Мучусь....

И уговорила-таки. Панъ Жеребовецъ отретировался въ свои охотничьи комнаты.

— Няня—сказала тихо Аврелія—наконецъ мы однѣ!...

— Однѣ, матушка Аврелія Яковлевна, совсѣмъ однѣ. Те-

реза днемъ умаялась; спитъ въ гостиной, словно учадѣла.... Однѣ, слава Тебѣ Господи!

— Няня, разскажи мнѣ все. Я никому не вѣрю ни на волосъ. Знаю, что меня обманываютъ, но ты не обманешь....

— Вотъ ужь это, какъ Богъ святъ, вѣрно! отвѣчала няня съ непринужденною веселостью.

— И ты такъ весела, няня?...

— А чего же кручиниться?...

— Поль живъ?...

Уста шептали, голосъ дрожалъ.

— Живехонекъ, здоровехонекъ....

— Дѣти?...

— Тоже....

— Не ври, няня....

Марина разсказала все, какъ умѣла, но про письмо промолчала. У Авреліи въ два ручья полились слезы, первыя, сладкія слезы.

— Это у нихъ называется патріотизмъ! сказала Аврелія, слушая разсказъ про ночную рѣзню. — Этимъ они хотятъ заслужить уваженіе Европы! Хороша будетъ Европа, если одобритъ такіе ночные подвиги изувѣрства и подлости!... Что дальше, няня?... Да! Богъ спасъ, одинъ Богъ! Какъ я рада, что Поль забралъ дѣтей! Такіе ночные герои не пощадили бы моихъ маленькихъ москалей!... Гдѣ-то они теперь?... Разсказывай, няня, а меня не слушай. Я такъ себѣ разсуждаю. Вотъ скажу тебѣ, со мной чудо творится; сижу съ тобою, слушаю, а вся, вся молюсь.... право!... и сладко молюсь, но не такъ молюсь и не той, кому молилась прежде.... Ты, няня, пожалуй, смѣяться будешь, а мнѣ кажется, что самъ Богъ надъ нами невидимо слушаетъ.... Сколько милости!...

Слезы жарче и живѣе полились изъ глазъ.

— Продолжай, няня. Я слушаю. Одно меня безпокоитъ: отчего Поль не написалъ съ докторомъ ни строчки....

— Есть, барынька, моя ненаглядная! Есть и писаніе....

— Гдѣ же оно?...

— У меня....

— Что же ты не отдала?...

— Да видите, неотходно на часахъ торчали, а докторъ крѣпко-на-крѣпко приказалъ отдать самой, чтобы никто не видѣлъ.

— Подай скорѣе, няня!... Это еще милость Божія!...

— Ну, вотъ видишь, Реля—сказалъ панъ-президентъ, входя въ спальню — меня выгнала, а сама съ няней болтаешь....

— Лекарство спросить изволили.... отвѣчала няня второпяхъ, схвативъ со стола чашку.

— Вѣрно, хуже стало....

— Нѣтъ, папо! Марина принесла мнѣ лекарство; я чувствую, какъ оно благодѣтельно дѣйствуетъ.... Теперь я засну превосходно....

— Милая Реля! что съ тобою? Ты говоришь такъ твердо, весело....

— Добрѣйшій папо! дайте мнѣ заснуть.

Аврелія бодро повернулась на другой бокъ; президентъ присѣлъ въ кресла; няня вышла. Аврелія въ самомъ дѣлѣ уснула. На другой день ее узнать нельзя было. Веселая, разговорчивая! куда дѣвались мрачная задумчивость, смертная блѣдность, сухость и тусклость глазъ! Прошло три, четыре дня; Аврелія совершенно оправилась, стала выходить и въ большой домъ, и какъ только пошла туда въ первый разъ, остановилась въ молельнѣ, посмотрѣла на образъ свой и призадумалась. Тихо подошла она къ алтарику, отворила стекло, повела по образу рукою....

— Такъ и есть! сказала она съ презрительной улыбкой.— А эта шутка могла мнѣ стоить жизни! Хорошъ патріотизмъ, когда готовъ пуститься въ ночной разбой и профанацію святыни!...

Аврелія закрыла стекло, задернула занавѣски, сложила раскрытый молитвенникъ, застегнула золотыя застежки и положила на мѣсто.

— Несчастіе — сказала она грустно — учитъ лучше, чѣмъ панны-визитки, какъ надо молиться.

Прошло еще нѣсколько дней.... На Жеребовецъ пріѣхалъ панъ-президентъ, сильно встревоженный. Аврелія сидѣла за фортепьяно; Матильда въ уборной за туалетомъ.

— Гдѣ проклятый Култусъ? Зовите Култуса, зовите всѣхъ людей!... Поскорѣе! поскорѣе! кричалъ онъ еще въ прихожей.

— Что съ тобою, папо?...

— И самъ не знаю что говорю, что дѣлаю.... Ахъ, Реля, чѣмъ я виноватъ? Я всегда стоялъ противъ этой дурацкой ин-

сурекціи! Насъ бьютъ, какъ мухъ! Бѣгаемъ по лѣсамъ, точно лѣсные духи—это называется: мы утомляемъ москаля своими боками; печатаемъ во всѣхъ заграничныхъ газетахъ о нашихъ побѣдахъ, которыхъ нѣтъ, которымъ никто не вѣритъ.... Сотнями погибаютъ невинные, истинно-невинные люди, которые, какъ я, идутъ въ инсурекцію *съ бича*.... Объявлено поголовное повстаніе! Изъ города сюда идетъ цѣлая армія оборванцевъ, подъ командой Бонифація! Хорошъ командиръ, хорошо войско!... Да гдѣ же этотъ проклятый Култусъ?

— Что тутъ за шумъ? спросила пани Матильда, хотя въ черномъ, но одѣтая съ большимъ разсчетомъ и ухищреніями.

— Торжествуй, пани Матильда—закричалъ панъ-президентъ отчаяннымъ голосомъ — радуйся, знаменитая матрона съ дому Короньскихъ! Твой Бонифацы, за фельдмаршалка, идетъ съ пьянымъ войскомъ на Жеребовецъ!...

— Зачѣмъ?

— Вотъ сама спросишь у достойнаго друга.

— Ты забываешься, пане Ясю! Такія глупости говоришь при дочери...

— Боже мой! А что съ нею будетъ? Реля, мое сокровище, моя чистая, непричастная ко грѣху Реля, что съ нею будетъ!... Эта сволочь обрадуется такой жертвѣ....

— Да ты рѣшительно съ ума сошелъ, Ясю!...

— Посмотримъ, что ты съ своимъ умомъ сдѣлаешь? Развѣ этотъ сбродъ, позоръ земли польской, кого-нибудь станетъ слушаться.... Я говорилъ губернатору: нельзя ихъ выпускать изъ острога; мы всѣ отвѣчать будемъ.... А Дзвигачъ съ-дуру кричитъ: „нѣтъ болѣе Москвы! И мы будемъ держать въ темницѣ первыхъ мучениковъ народнаго дѣла!...“ Выпустили—и первый походъ ихъ на Жеребовецъ!...

— Да на что ему Жеребовецъ?

— Хочетъ принять благословеніе своей патронши, публично домъ нашъ опозорить!...

— Нѣтъ, папо! Это они за мной идутъ! Сомнѣваться тутъ нечего! На твоихъ глазахъ они не пощадятъ твоей дочери: мое замужство въ ихъ головахъ страшное преступленіе, верховная измѣна, которую надо очистить не одною смертію, а продолжительной мукой, адскими истязаніями!... Но ошибутся въ разсчетѣ! Какъ бы только няню спрятать....

— И серебро, брильянты, клейноды—все заберутъ на жерт-

венникъ кармелитской отчизны.... Да гдѣ Култусъ? гдѣ люди?... Будто метлой всѣхъ вымело изъ дому....

— Реля! отецъ твой потерялъ голову. Намъ надо дѣйствовать! Серебро, брильянты, словомъ все, что подороже, все давно спрятано. Но куда дѣвать няню Марину? Слава-богу, что никого изъ людей нѣтъ. Надо спѣшить, пока воротятся. Увидятъ, выдадутъ: теперь нѣтъ вѣрности ни въ слугахъ, ни въ родныхъ.

— Слышите, слышите! Пропали мы: барабаны, бубны, трубы на Жеребовцѣ! То Бонифацы!

И пани Матильда струсила. Одна Аврелія покойно пошла въ свои комнаты и вернулась съ няней, держа въ рукѣ револьверъ.

— Что я вижу! завопилъ жалобно панъ-президентъ.—Стрѣлять? защищаться?

— И не думаю, но, какъ добрая полька, отъ своихъ не отстану. Вышняя сила сняла съ глазъ моихъ слѣпоту. Я выстрадала, искупила свое заблужденіе; не грубая сила, а убѣжденіе и голосъ свыше указали мнѣ путь спасенія. Не будемъ ждать, пока придутъ за нами: пойдемъ сами навстрѣчу братьямъ!

И панъ-президентъ и пани Матильда окаменѣли. Нельзя было не вѣрить твердымъ, теплымъ словамъ Авреліи.

— Няню, какъ москальку, они живую зажарятъ: неужели вы ее выдадите?

— Ни за что! ни за какія блага! сказала Матильда, схватила за руку няню и утащила въ свои комнаты.

— Что же, папо, мама не хочетъ? Пойдемъ мы съ тобой! Власть Бонифація, какъ дымъ, разсѣется передъ моею властію.

— Я не могу опомниться, Реля!

— Не называй меня ни Релей, ни Авреліей, ни дочерью: я та Аврора преображенія Польши, какъ помнишь, сказалъ Дзвигачъ, этотъ достойный Марсъ бабиловскій.

— Господи! Этого несчастія еще недоставало. Бѣдная Реля! она помѣшалась......

— Ты не идешь? такъ я одна пойду!

Въ это самое мгновеніе къ крыльцу подлетѣли сани. Изъ нихъ выпрыгнула Петронилла и, не раздѣваясь, вбѣжала въ гостиную; въ то же самое время изъ внутреннихъ комнатъ вошла Матильда. Одышка и волненіе свидѣтельствовали, что она немало трудилась при упаковкѣ няни въ безопасное мѣсто.

Петронилла была въ мѣховой шубкѣ съ откидными рукавами и въ конфедераткѣ, отороченный дорогимъ мѣхомъ; широкій поясъ отхватывалъ ея великолѣпный станъ; за поясомъ арагонскій ножъ въ дорогихъ ножнахъ и револьверъ.

— Наконецъ Петронилла! воскликнула Аврелія съ тѣмъ же паѳосомъ, не давая сестрѣ вымолвить слова.—Что такъ долго? развѣ ты не слышала нашего задушевнаго призыва? Я измучилась въ ожиданіи. Но, слава-богу, мое желаніе исполнилось! Ты здѣсь! Здравствуй, сестра: я готова!

Изумленная Петронилла остановилась, какъ вкопанная, вопросительно поглядывая то на отца, то на Матильду.

— Вышній голосъ зоветъ меня! Пойдемъ, Петронилла!

— А, теперь я понимаю! съ восторгомъ сказала Петронилла и бросилась обнимать сестру.

— И какъ кстати, еслибъ ты знала, Аврелія!

— Знаю, Нилла, знаю! Теперь мнѣ многое открыто. Какъ во снѣ, я видѣла на яву: соборъ, гдѣ подписали мой приговоръ. Я только не дослушала, на какую казнь меня приговорили.

— Ты ошиблась, Реля! не безъ смущенія сказала Петронилла.—Совсѣмъ не то: народное правленіе прислало изъ Варшавы строгое приказаніе, чтобы всѣ польки, что замужемъ за москалями, если онѣ не надежны и до сихъ поръ не обнаружили полнаго и добровольнаго раскаянія, были задержаны и помѣщены подъ строгимъ арестомъ въ первую цитадель, которая достанется въ наши руки.

„Я не ошиблась!“ подумала Аврелія. „Господи, подкрѣпи меня на этомъ ненавистномъ пути!“

— Желалъ бы я знать—сказалъ панъ-президентъ съ горькой улыбкой—какую это цитадель возьмутъ арміи, подобныя толпѣ кармелита!

— Папа ужасный скептикъ! замѣтила Петронилла.—Нельзя же вдругъ взять Варшаву. Нѣтъ и мѣсяца, какъ мы воюемъ, а ужь сколько побѣдъ, славныхъ дѣлъ! Посмотрите, полюбуйтесь!...

И Петронилла бросила на столъ свертокъ печатной бумаги. Ни пани Матильда, ни панъ-президентъ не обратили вниманія на эти листы подпольной революціонной журналистики; но Аврелія усѣлась къ столу и стала читать ихъ съ жадностію.

— Ну, папо—продолжала Петронилла—я воображаю, какъ

порадуется Дзвигачъ, когда узнаетъ, что Аврелія возвратилась на лоно отчизны. Онъ долженъ быть сюда скоро.

— Дзвигачъ?

— И наша армія! Господи! Да вы развѣ не знаете, что Жеребовецъ назначенъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ военныхъ силъ нашего края.

— *Тамъ до лиха*! Превосходно назначили! И ты, какъ добрая дочь, не могла предупредить такого ужаснаго распоряженія!...

— Ужаснаго? А мы думали, напротивъ того, что вы поблагодарите благородныхъ защитниковъ нашей свободы, что они избрали именно вашъ замокъ центральнымъ пунктомъ организаціи нашей южной арміи.

— Какой тамъ у чорта замокъ! Самимъ жить негдѣ! Благодарю за честь; но, мнѣ кажется, приличнѣе было бы главную квартиру устроить тамъ, откуда явился такой великій предводитель народнаго возстанія. На Бабиловѣ вѣдь много помѣщенія!

— Бабилово на большой дорогѣ—это разъ; во-вторыхъ, далеко чернолѣсье, гдѣ, въ трудномъ случаѣ, можетъ укрываться сто тысячъ воиновъ.

— Хороши воины, когда сто тысячъ такихъ героевъ должны укрываться въ лѣсу отъ горсти людей!

— Опять скептика!...

— Ужь ты бы мнѣ не говорила глупостей! Несчастная Польша! Что вы надѣлали вашимъ безумнымъ бѣшенствомъ? Сто тысячъ! Наберется, пожалуй, и больше, втрое, вчетверо, но все это безполезныя жертвы холода, голода, русскихъ пуль и штыковъ! Воспаленіе требуетъ кровопусканія....

— Папо, папо, да какъ вы можете говорить такія вещи?

— Поди, продай отца! Давно ли поднялся пожаръ, а я уже знаю многихъ, что подписали своимъ отцамъ смертные приговоры!...

— Какія басни!

— Самъ видѣлъ! Ты глупа, Петронилла! тебя сатана соблазнилъ и обманулъ! Свободы, независимости нельзя купить плутовствомъ, мошенничествомъ, ложью, хвастовствомъ, обманомъ, профанаціей святыни! Слишкомъ грязныя средства для такого чистаго дѣла. Одна добродѣтель, безъ страха и упрека—вотъ камень, на которомъ можно построить зданіе; а ваши фундамен-

ты — гниль и позоръ! Скажи, Петронилла, когда наше хвастовство, ложь, обманъ обнаружатся, кто станетъ уважать насъ, кто пожалѣетъ героевъ тмы и плутней? Какъ мы своимъ въ глаза смотрѣть будемъ? Вѣдь мы и родныхъ безъ милосердія обманули, утопили ихъ въ свою собственную кровь, безъ нужды сами себя изувѣчили, а римскими добродѣтелями, швейцарской честностію, благородствомъ Вашингтона похвастать не можемъ. Позоръ и позоръ! Всѣ наши дѣла смердятъ. Добиваемся свободы, а на каждомъ шагу доказываемъ, что мы не понимаемъ даже простаго смысла этого святаго слова. Освободители народовъ гордились своими великими именами, а наши стыдятся своихъ именъ, скрываются подъ театральными псевдонимами. Вотъ и твой Дзвигачъ!

— Папо, любезный папо! Вѣдь это все вначалѣ! Дайте срокъ, позвольте сколько-нибудь устроиться.

— Сердце мое, Петронилла! я на тебя смотрѣть безъ слезъ не могу. На моей родной дочери, хуже проклятія лежитъ большая доля несчастій, куда вы надолго опрокинули расцвѣтавшую Польшу! Ты не знаешь, Петронилла, твоихъ соотечественниковъ. Прямо изъ монастыря, изъ-подъ кошмаровъ фальшиваго патріотизма, ты попала въ вертепъ зажигателей, краснобаевъ, которые заболтали твой разсудокъ, привили, какъ оспу, свою губительную заразу къ твоему живому, пламенному воображенію. Это исторія множества тысячъ полекъ и поляковъ.

— Всѣхъ, папо!

— Не правда! Тогда слѣдовало бы застрѣлиться, если бы всѣ до такой степени очумѣли. Тебѣ ли толковать! Ты сама ихъ въ лицо знаешь. Еще и кость не была брошена, а они уже стали грызться. Еще только собирались на попойки, а уже раздѣлились на партіи. Теперь три партіи, а малѣйшій успѣхъ— будетъ триста! Шарлатанство, ребяческое донъ-кихотство, самохвальство безъ мѣры, жестокость безъ пощады, месть до безобразнаго изувѣрства!... Петронилла, бѣдная моя Петронилла! Развѣ это тѣ республиканскія добродѣтели, которыми добывается всякая свобода? Надо заслужить, а безъ того Богъ не даруетъ!...

Старикъ не могъ кончить, расплакался; потомъ слезы уступили мѣсто горькому смѣху. Матильда, Аврелія, а наконецъ и Петронилла съ участіемъ бросились къ старику....

— И я.... Охъ, душитъ!... Я.... который видитъ все такъ

ясно.... Душитъ, душитъ... воды!... Не смѣю.... говорить не смѣю!... долженъ притворяться.... Охъ, тяжко! Пошли, Господи, конецъ, чтобы не видать другаго конца....

Аврелія поднесла воды. Старикъ проглотилъ нѣсколько капѣль и, впривъ тусклые заплаканные глаза въ Аврелію, долго, но какъ будто безмысленно, смотрѣлъ на нее. Аврелія глядѣла на отца такъ покойно, весело, отрадно, что и у старика въ глазахъ повеселѣло. Онъ вскочилъ, хватилъ стаканъ объ-полъ и проговорилъ съ чувствомъ:

— Испытаніе! Все отъ Бога! Перенесу, вытерплю!

Но едва успѣлъ сказать панъ-президентъ послѣднее слово, какъ въ комнату вбѣжалъ Култусъ, безъ шапки, съ растрепанными волосами, окровавленный, блѣдный какъ смерть; всѣ черты лица его были до безобразія исковерканы ужасомъ.

— Спасайте! спасайте!... только и могъ онъ сказать и рухнулся наземь.

VI.

Мы слышали, какъ на Жеребовцѣ стучали барабаны, трубили трубы, правда, неладно, нескладно, но вѣдь и не могло быть иначе, когда впереди шелъ Бонифацій. Въ рукахъ кармелитъ держалъ огромный походный крестъ, искусно сплетенный изъ вѣтокъ. На крестѣ изъ гута-перчи фигура распятаго Христа, раскрашенная подъ тѣлесный цвѣтъ; ноша легкая; работа наславу. Городская пріятельница кармелита, торговавшая корзинками, собственноручно сплела крестъ по заказу своего друга. Бонифацій шелъ безъ шапки, которую любилъ носить во всѣхъ другихъ случаяхъ; но голова его была плотно прикрыта капишономъ изъ толстаго сукна. Подпоясанный веревкою, онъ шелъ скоро и бодро; глаза метали кругомъ суровые и гнѣвные взгляды. Кого бы ни повстрѣчалъ, кричалъ грозно: „ступай за нами или въ адъ!“ И никто не дерзалъ ослушаться. Такимъ образомъ, еще на улицахъ города за нимъ, съ крикомъ и гамомъ, тянулись болѣе трехсотъ человѣкъ.... Въ аріергардѣ шли Войцѣхъ, Чуба, Рохъ и еще нѣсколько человѣкъ такого же десятка. У многихъ были ружья, пики, ножи; но большая часть безоружныхъ. Никто не смѣлъ отстать; довольно было одного пріятнаго взгляда и граціознаго движенія руки Войцѣха, чтобы отбить охоту навострить лыжи. Съ полсотни изъ этой сволочи неистово стучали

въ барабаны и гудѣли въ трубы, орали вразладъ революціонныя пѣсни-самодѣлки; остальные плелись потупивъ голову. Торговцы тотчасъ же заперли свои лавки, боясь насильной вербовки. Подходя къ Жеребовцу, шайка остановилась. Войцѣхъ, Чуба и еще нѣкоторые окружили Бонифація, держали военный совѣтъ, но непродолжительный. Перешепнулись, и кармелитъ поднялъ крестъ; толпа двинулась въ путь, прямо въ костелъ. Здѣсь Бонифацій влѣзъ на каѳедру и, не соблюдая обычныхъ при проповѣди церемоній, воскликнулъ: „Достойные сподвижники, воины Христовы! мы ополчились на врага, но гдѣ же онъ? Не видно и не слышно его. И нескоро еще, оглушенная нашими побѣдами, Москва опомнится и прибѣжитъ, какъ жертва на закланіе, въ далекій Жеребовецъ, куда, между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сойдутся братья наши, а заботливые вожди устроятъ порядокъ, вооружатъ новую, непобѣдимую дружину. Мужайтесь, но будьте осторожны! Къ стыду, къ позору нашему — дѣло очевидное — у Москвы есть между нами тайные союзники. Иначе, какимъ образомъ, въ ту великую ночь мести, когда мудростію руководителей нашихъ все было такъ разумно, такъ дальновидно обдумано, какимъ образомъ, спрашиваю, великая тайна могла проникнуть въ уши москалей, извѣстныхъ своимъ тупоуміемъ и безпечностію?... Ясно, что въ нашей семьѣ есть нечестивые предатели. Прежде другихъ подозрѣваю евреевъ, и повторяю, что напрасно наши власти вѣрятъ Іудѣ. Много бѣдствій принесетъ намъ братство съ врагомъ Христовымъ.... Пусть крестятся евреи: тогда еще можно будетъ повѣрить; но пока я не перестаю подозрѣвать въ страшномъ предательствѣ Хаима, здѣшняго арендатора....“

— Допросить — допросить его! закричало нѣсколько голосовъ, и шесть человѣкъ отправились за Хаимомъ....

Но въ это же самое время одинъ изъ толпы сказалъ громко:

— А я такъ думаю, что не жидовство, а любовныя шашни насъ продали. Тогда еще всѣ обвиняли въ измѣнѣ Зосю Култусовну, любовницу гусарскаго здѣшняго начальника....

— Весьма вѣроятно—съ притворнымъ равнодушіемъ замѣтилъ Бонифацій съ каѳедры—потому что ей даже подробности были извѣстны отъ старостины и отъ отца, плутоватаго Култуса....

— Допросить ее! допросить!...

— Войцѣхъ пошелъ уже за нею, сказалъ тотъ же голосъ.

— Ведутъ, ведутъ!...

Дѣйствительно: вошелъ Войцѣхъ, держа за руку Зосю. Онъ не тащилъ ее: она шла сама, покойно. Блѣдность покрывала ея прекрасное лицо; но глаза ярко и гордо смотрѣли на всѣхъ безъ смущенія....

— Какое безстыдство!...

— Будто хлѣбъ съ масломъ съѣла!...

— Глазъ не опуститъ, грѣшница!...

Такъ толковали горожане, отворачиваясь и отплевываясь, когда Зося проходила мимо.

— Допроси ее, Бонифацы!...

— Допрашивайте сами! Я умываю руки. Не хочу мѣшаться въ судъ народный....

— Кощунъ и святотатецъ! сказала громко Зося, глядя на кармелита съ презрѣніемъ и достоинствомъ.—Будто я не знаю, что казнь моя давно рѣшена въ черной душѣ твоей! Если я не сознаюсь въ томъ, въ чемъ вы меня обвиняете, что тогда будетъ?...

— Мы тебя заставимъ сознаться, безстыдница, московская развратница! опять раздался тотъ же голосъ.

— Я это знала впередъ. Вы меня станете мучить. Знаемъ мы ваше милосердіе! Придумаете такія тортуры, какихъ Вельзевулу, со всѣмъ его соборомъ, не изобрѣсти въ преисподней. Не трудитесь! я, я разсказала моему нареченному, благородному жениху!... Я!... Довольны ли вы моимъ признаніемъ?

Гулъ негодованія пошелъ по костелу. Кармелитъ спустился съ каѳедры и спрятался въ будку конфессіонала.

— Повѣсить подлую измѣнницу! ревѣлъ Войцѣхъ.

— Повѣсить! крикнулъ Чуба.—А все-таки она полька, не москалька! Пусть умретъ—стоитъ—но умретъ какъ слѣдуетъ христіанкѣ!... Ступай на исповѣдь!...

И Чуба схватилъ Зосю за руку и потащилъ къ конфессіоналу.

— Бѣдная Зося! прошепталъ кармелитъ черезъ окошечко.—За что ты хочешь погубить себя? Я спасу тебя. Скажи только одно слово, и я спасу тебя...

— Какое же это слово? мрачно спросила Зося.

— Слово любви... Я тебя выручу. Я найду средства. Возьму тебя на покаяніе...

Зося встала, выпрямилась на ступенькѣ конфессіонала, какъ будто выросла, и, окинувъ всѣхъ мрачнымъ, но величественнымъ взглядомъ сказала: „Добрые люди... можетъ быть, и недобрые, кто васъ тамъ знаетъ!... вы хотите моей смерти? Извольте! Съ силой не спорятъ. Но я читала въ одной книгѣ, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства исповѣдывались не ксендзамъ, а народу. И я исповѣдуюсь вамъ. Зла я не сдѣлала никому. Нѣтъ, виновата: я ударила по лицу изо всей силы вотъ этого самого Бонифація, когда онъ, безстыдникъ, сунулся ко мнѣ съ поцѣлуями... Петронилла уговаривала меня намазать вѣнецъ на образѣ Богородицы у родной сестры своей Авреліи какимъ-то свѣтящимся составомъ и разговаривать съ нею за Божію Матерь... Я отказала... Я передала моему жениху, что ихъ хотятъ зарѣзать ночью... Я хотѣла спасти жениха́ отъ смерти, поляковъ отъ грѣха смертельнаго и стыда неомытаго... Вашъ знаменитый вождь, вмѣсто Бога, вотъ теперь черезъ это окошечко, зоветъ меня къ себѣ въ наложницы и обѣщаетъ спасти меня отъ смерти. Я отказала... Исповѣдуюсь вамъ. Amen!...

Какъ ни грязно, какъ ни животнообразно было скопище городовиковъ, но исповѣдь Зоси произвела на нихъ замѣтное впечатлѣніе. Безъ привычки думать и рѣшать самимъ, они смотрѣли другъ на друга бараньими глазами и молчали. Кармелитъ вовремя вылѣзъ изъ конфессіонала и закричалъ:

— Бабы! И вы повѣрили сказкамъ открытой развратницы, которая сама созналась въ позорномъ преступленіи и, не видя другихъ средствъ къ спасенію, рѣшилась разжалобить васъ клеветою!... Рѣшайте какъ знаете! Мнѣ все равно! Подарите ей жизнь, поощряйте московскихъ шпіоновъ! Пусть безнаказанно продаютъ самыя святыя тайны! Цѣлый полкъ отборныхъ москалей былъ въ нашихъ рукахъ какъ за пазухой; мы могли передушить ихъ играючи... А теперь они гуляютъ по роднымъ полямъ нашимъ, бьютъ безоружныхъ братій, оскверняютъ женъ и дочерей вашихъ, по милости сатаны, который въ этой презрѣнной дѣвкѣ нашелъ достойное вмѣстилище! Любуйтесь прелестями ада! Чортъ всегда такъ одѣвается на соблазнъ нетвердыхъ и глупыхъ... Я умываю руки... Прощайте!...

— Не сердись, Бонифацы! Сказано: повѣсить сатану, такъ и повѣсить!...

— Повѣсить, повѣсить! раздалось со всѣхъ сторонъ.

И Войцѣхъ съ Чубой потащили несчастную изъ костела;

толпа рванулась за ними; кармелитъ, мрачный, задумчивый, вышелъ съ своимъ длиннымъ крестомъ послѣдній.

По дорогѣ въ городъ, въ полуверстѣ не больше, куда сходилось нѣсколько дорогъ, стояло на бугрѣ нѣсколько одинокихъ деревъ, обнаженныхъ отъ листьевъ зимней стужей. Туда направилось скопище.

На эту-то звѣрскую процессію прискакалъ Култусъ. Въ этотъ день, онъ, какъ нарочно, былъ въ отлучкѣ и возвратился, когда дочь уже была уведена изъ дому.

— Изверги! закричалъ онъ съ коня.—Что вы дѣлаете?

— Московскій духъ дотла изводимъ!...

— Несчастная, влюбленная дѣвушка, чѣмъ можетъ быть она виновата? *Пассія*, страсть... Она сама потомъ жалѣть будетъ, что осрамила отца и отчизну!... Мало я служилъ народному дѣлу! Не мѣсяцъ, не два! Десять лѣтъ я работалъ за васъ и для васъ. Ради заслугъ моихъ отдайте мнѣ дочь!...

— Это не Култусъ, господа — сказалъ Чуба—это сатана переодѣтый! Не слушайте!

— Я не дамъ вамъ дочери! закричалъ Култусъ, соскочивъ съ лошади и бросаясь на Войцѣха.—Пусть ее судитъ трибуналъ народовый, комитетъ центральный, которому извѣстны мои заслуги!...

— Пусть судитъ кто тамъ хочетъ, а мы ее осудили и повѣсимъ! отвѣчалъ Войцѣхъ.

— Такъ ты же не увидишь ея казни!...

И Култусъ выхватилъ ножъ; но толпа схватила его за руку, ножъ отобрали; пошли пинки, толчки, и Култуса выбросили на поляну. Въ отчаяніи онъ побѣжалъ на панскій дворъ, гдѣ мы его уже видѣли, но могъ только выговорить два слова и лишился памяти. Некому было и поднять несчастнаго. Не только мужская, но и женская прислуга вся была на позорищѣ; о господахъ и забыли. Аврелія схватила умывальникъ въ уборной матери и вылила воду на окровавленное лицо Култуса. Панъ-президентъ, какъ умѣлъ, хлопоталъ около него... Ничто не помогало. Вдругъ послышался топотъ коней. На жеребовскій дзѣдзинецъ въѣхалъ отрядъ нарядныхъ всадниковъ, и черезъ минуту вошелъ въ комнату панъ Дзвигачъ, въ военномъ фантастическомъ мундирѣ, въ густыхъ эполетахъ, по особому образцу заказанныхъ еще въ Парижѣ.

— Всѣ здѣсь! сказалъ онъ съ гордою самодовольною улыб-

кой.—Вотъ кстати! сегодня всѣ отряды мои должны соединиться... Начнемъ организацію... Это что? Култусъ! Москали убили...

— Загадка! отвѣчала Петропилла.—Прибѣжалъ какъ полуумный, закричалъ: „ратуйте! ратуйте!“ и упалъ безъ чувствъ. Вотъ цѣлый часъ возимся, ничего не можемъ сдѣлать!...

— Не женское дѣло!... Кстати: мой начальникъ штаба долженъ быть здѣсь, сказалъ Дзвигачъ, отворяя дверь въ прихожую.—Бертье! прикажите взять этого господина осторожно, вынести на воздухъ, привести въ чувство... А когда очнется, доложите мнѣ... Пойдемъ отсюда! Картина не для вашихъ глазъ...

— Надо ко всему привыкать! сказала Аврелія покойно.— Намъ всѣмъ еще не то придется видѣть. Наше женское дѣло: обмывать раны бѣдныхъ братій, ходить за больными, шить имъ бѣлье, щипать корпію, заготовлять перевязки...

— Что это значитъ? спросилъ Дзвигачъ тихо у жены.

— Ты не ожидалъ такого сюрприза? Наша милая Аврелія, заблудшая овца, о которой мы съ тобою такъ долго и такъ много плакали, воротилась въ наше святое стадо, на славу и честь отечества и Матери Божіей...

— Аврелія! воскликнулъ Дзвигачъ съ театральнымъ экстазомъ.—Смѣю ли вѣрить?...

— Я и сама не вѣрила; но кто не станетъ повиноваться голосу свыше?...

— Побѣда за побѣдой! Наше великое дѣло растетъ! Польша дружно ополчается! Въ десяти мѣстахъ формируются арміи. Надѣюсь, моя будетъ изъ лучшихъ. Теперь уже у меня триста штуцерныхъ стрѣлковъ; больше тысячи съ ружьями; двѣ сотни кавалеріи. Косиньеровъ еще не сосчитали. Думаю всѣхъ тысячъ пять наберется. Французскихъ волонтеровъ до сорока человѣкъ: все люди опытные, свое дѣло знаютъ — кладъ для военной организаціи... Дозволитъ ли панъ-президентъ старшимъ офицерамъ представиться дамамъ?...

— Все это прекрасно! отвѣчалъ президентъ сухо.—Но гдѣ мы ихъ помѣстимъ?

— Объ этомъ не безпокойтесь: это не роскошные, не изнѣженные московскіе гусары. Мои квартермистры говорятъ, что на Жеребовскомъ селеніи можно размѣстить вчетверо болѣе войскъ. Старостинскіе хлопы принимаютъ ихъ съ восторгомъ.

— О! Точно такъ же, какъ и самъ староста!...

— Впрочемъ, тутъ будетъ стоять только авангардъ, сторожевая часть войскъ, а для самой арміи надо пріискать неприступное помѣщеніе въ черномъ лѣсу... Я уже распорядился...

— Зимою! на снѣгу!

— *Фрашки*! Пустяки! У моихъ людей есть теплая одежда; огромные запасы направлены въ чернолѣсье!... Ну, да всего вдругъ не разскажешь. Завтра все сами увидите. Къ вечеру подойдутъ отряды изъ Мироховца, изъ города, изъ Бучуны, изъ другихъ мѣстъ... Полагаю, тысячъ сорокъ наберется.

— Сорокъ тысячъ! вскочивъ и всплеснувъ руками, сказалъ панъ-президентъ.

— Что?... Мало?

— Какое мало! Если десять такихъ армій....

— А вы думали, что мы самъ-другъ съ Петрониллой начнемъ кампанію? Я только жду генерала Мѣрославскаго. Я думаю, онъ уже въ Варшавѣ. Оттуда хотѣлъ прямо сюда. Вотъ тогда вы перестанете сомнѣваться и въ нашихъ силахъ, и въ политикѣ, и въ удачѣ... Но вы все меня заговариваете, а мнѣ совѣстно передъ офицерами... Позвольте представить цвѣтъ Польши и Франціи.

Дзвигачъ ушелъ.

— Какъ же это будетъ? спросила пани Матильда.—Никого изъ людей нѣтъ—вѣрно, пошли глазѣть на войско—некому и закуски подать.

— А мы съ Петрониллой развѣ не твои слуги, мамаша? Ты развѣ не слышала, что теперь нѣтъ слугъ? Полное равенство, свобода!... Натурально, всѣ люди разбѣжались. Мнѣ одно досадно....

— Что, милая Реля! Скажи, моя радость!

— Наши воинственные офицеры увидятъ Петрониллу въ такомъ воинственномъ нарядѣ, а я даже не въ черномъ!

— Надѣнь мой походный костюмъ! Кубокъ въ кубокъ такой же, какъ у Петрониллы. Мнѣ, признаться, и не по лѣтамъ разыгрывать Беллону! прибавила пани Матильда.

— Насилу созналась! проговорилъ панъ-президентъ.

— Пойдемъ, Релька! Я тебя сама одѣну. Петронилла поможетъ.

— Ну, Вавилонъ! сказалъ старикъ, оставшись одинъ.—О! если бы мнѣ заснуть года на два. Напрасно! глупости моихъ любезныхъ братцевъ разбудятъ. Точь въ точь пьяные! Мое по-

ложеніе самое ужасное! Я долженъ улыбаться, когда сердце обливается кровью; я долженъ слушать небывальщину и не только вѣрить, но восхищаться, кланяться, благодарить, тогда какъ каждому изъ этихъ хвастуновъ влѣпилъ бы горячую березовую катаплязму! Отрезвились бы!... Вонъ оно! экзекуція уже въ прихожей!

Вошелъ Дзвигачъ, за нимъ около сорока человѣкъ красивыхъ, нарядныхъ офицеровъ. Дзвигачъ рекомендовалъ каждаго, отдѣльно, исчисляя титулы и подвиги: князья, графы, французскіе виконты, итальянскіе маркизы, капитаны, полковники французской гвардіи, венгерскіе, турецкіе волонтеры. Панъ-президентъ только кланялся и терпѣливо поглядывалъ на двери, въ ожиданіи, когда дамы придутъ къ нему на-выручку. Дамы подоспѣли къ концу представленія. Петронилла уже знала почти всѣхъ. Дзвигачъ, показавъ на Матильду и Аврелію, сказалъ съ тѣмъ же театральнымъ амфазомъ:

— Мать и сестра жены моей!

И правду сказать, было чѣмъ похвастать. Аврелія, въ фантастическомъ военномъ костюмѣ, ловкая, развязная, но съ тѣмъ вмѣстѣ важная, величественная, приковала къ себѣ общее вниманіе. Въ это время изъ-за дверей выглянула физіономія стараго дворецкаго. Панъ-президентъ его замѣтилъ.

— Ну не стыдно ли тебѣ, старый и вѣрный слуга! Гдѣ ты былъ такъ долго?

— А гдѣ же быть? Въ деревнѣ, отвѣчалъ дворецкій, самодовольно улыбаясь.—И всѣ тамъ были.

— Что же вы тамъ дѣлали?

— Култусовну вѣшали.

Громовой ударъ не перепугалъ бы такъ пана-президента и дамъ. Всѣ четверо вздрогнули; но никто не могъ, не смѣлъ вымолвить слова.

— За что? наконецъ спросила пани Матильда.

— Народный секретъ выдала, цѣлый полкъ гусаровъ изъ рукъ нашихъ украла.

И опять всѣ замолчали.

— И по дѣломъ! сказалъ Дзвигачъ хладнокровно, какъ будто дѣло шло о кошкѣ или о курицѣ. — Я слышалъ про эту мерзавку. Невѣста медвѣдя Ступачева! Пусть не связывается съ москалями.... Что же, обвѣнчали ее, повѣсили?

— А разумѣется.

— Кричала, плакала?

— Не такая панна. Бонифацы правъ: самъ *шатанъ* сидѣлъ въ ней. Ни вздоха, ни слезинки! На прощаньи всѣхъ выругала, и вамъ, ясневельможная пани енералова, и вамъ досталось на орѣхи.

Петронилла поблѣднѣла. Но Дзвигачъ выручилъ.

— И не могло быть иначе, сказалъ онъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ.—Еще бы ей не поносить Петрониллу, образецъ преданности народному дѣлу!... Мнѣ совѣстно, что мы занимаемъ нашихъ гостей такими пустяками.

— Это, по твоему, пустяки? спросилъ мрачно панъ Жеребовецъ.

— Да! Стоитъ ли говоригь объ этомъ? Комитетомъ велѣно вѣшать измѣнниковъ.

— Да вѣдь Зосю повѣсили не по приговору комитета.

— Маленькое злоупотребленіе! Безъ этого на первыхъ порахъ невозможно!

— Нѣтъ, какое злоупотребленіе! перебилъ дворецкій.—Ей на грудь прикололи бумагу. Тамъ большими словами написано: „повѣшена по приказанію народнаго правленія".

— Однакожъ ни я, ни ты, пане Станиславе, мы этого приказа не подписывали. Вотъ тебѣ первый образчикъ организаціи!

— Повторяю, злоупотребленіе! Избѣжать нельзя. Въ существѣ, они правы; и вы и я точно также бы рѣшили.—Мамо— сказалъ Дзвигачъ тихо пани Матильдѣ, желая прекратить непріятное объясненіе—нельзя ли чего-нибудь подать закусить?

— Ахъ, Боже мой! совсѣмъ забыла!

И пани Матильда отправилась во внутренніе покои. Черезъ нѣсколько минутъ явилась богатая закуска, а чрезъ два часа и обѣдъ, такой полный, такой вкусный, что никто и не подумалъ, что этотъ блистательный обѣдъ былъ импровизаціей запасливой хозяйки и опытнаго повара.

VII.

Послѣ обѣда изъ города наѣхало множество гостей обоего пола, въ томъ числѣ и Леви съ пани Леонорой.

Можете себѣ представить, каково было удивленіе Леоноры, когда она увидѣла Аврелію въ странномъ костюмѣ. Какъ ни

хотѣлось Леонорѣ вступить въ разговоръ съ Авреліей и получить какое-нибудь объясненіе загадочнаго ея поведенія, но Петронилла не отходила отъ сестры; Аврелія тоже старалась быть съ нею вмѣстѣ. По ихъ распоряженію, поставили нѣсколько столовъ, одинъ возлѣ другаго, покрыли блестящими бѣлыми скатертями, уставили канделабрами, принесли нѣсколько штукъ господскаго, весьма тонкаго полотна и швейные приборы. Аврелія рѣзала полотно на куски; Петронилла раздавала ихъ дамамъ; тѣ садились къ столу и щипали корпію.

— У всѣхъ есть? спросила Аврелія.

— У всѣхъ.

— Вотъ и прекрасно! А я стану кроить рубахи.

— А я что буду дѣлать? спросила Петронилла.

— Ты рѣжь бинты для перевязокъ.

— Какъ у васъ работа гладко съ рукъ идетъ! замѣтила Леонора, усѣвшись возлѣ Авреліи.

— Это моя страсть все самой дѣлать.

— Неужели у васъ такъ мало прислуги?

— Напротивъ—сказала Аврелія съ легкой ироніей—слишкомъ много. Но глупая ли гордость, или другое чувство, только я люблю быть обязанною одной себѣ...

— Похвальное чувство; но, мнѣ кажется, политическія обстоятельства лишаютъ насъ и права и возможности дѣйствовать самостоятельно.

— Политика! — Аврелія съ улыбкой посмотрѣла на Леонору. — Это не по моей части. Вотъ рубахи кроить — это мое дѣло! —Mesdames!—сказала она, возвысивъ голосъ—какъ я сегодня читала, мы ужасно отстали отъ Варшавы, Парижа и другихъ городовъ: кажется, у насъ не было ни одной лотереи?

— Правда, подхватила пани Матильда.—Устроимъ. Я жертвую серебряный кофейный приборъ.

И пошли пожертвованія.

— Кто же этимъ будетъ распоряжаться?

— Аврелія, Аврелія! раздалось со всѣхъ сторонъ, между мужчинами.

— Нѣтъ — съ улыбкой сказала Аврелія—это опять не по моей части. Мое дѣло—добрый конь и аптека; я должна быть главнымъ фельдшеромъ южной арміи. Не отнимайте у меня этого счастія! Притомъ же въ городѣ я почти никого не знаю. Сестра Леопора не откажетъ принять на себя это дѣло.

— Вы рождены повелѣвать, а я повиноваться! Принимаю порученіе, потому что пани пулковникова назвала меня сестрою. И, можетъ быть, искренно — прибавила она тихо.

— А вы могли одну минуту въ этомъ сомнѣваться? Кажется, наша религія давно вамъ извѣстна....

Леонора вспыхнула.

— Но, если не ошибаюсь, вы измѣнили этой религіи.

— Вы плывете, Леонора, по глубокому морю и хотите достать дно, отвѣчала Аврелія съ улыбкой, грозя ей пальчикомъ.

Леонора задумалась. Въ это время къ Аврелія подошелъ Дзвигачъ.

— А что, Аврелія — замѣтилъ онъ тихо — я былъ правъ, когда отстаивалъ васъ....

— Перестаньте! сказала она громко.—Я на васъ сердита, ужасно сердита!

— За что, Аврелія?

— Какой вы вождь? Что это будетъ за война, если своихъ станемъ вѣшать, мучить, терзать женщинъ и жидовъ! Я говорю вамъ безъ церемоніи! Такъ я не могу служить въ войскѣ, и, если вы не уймете вашу вольницу, если въ нашихъ рядахъ не будетъ рыцарскаго благородства, самаго строгаго соблюденія правилъ чести и честности, я подаю въ отставку и спрячусь въ монастырь.

— Въ монастырь! раздалось въ устахъ многихъ дамъ.—Она уже и объ этомъ знаетъ!

До ушей Авреліи добѣжало это замѣчаніе, и она продолжала въ томъ же тонѣ:

— Впрочемъ, можетъ быть, найдутся люди, которые этому и обрадуются.... Мнѣ, право, все равно! Но мнѣ жаль имени польскаго. Посмотрите, сколько у насъ теперь свидѣтелей со всей Европы.... Теперь пишутъ въ газетахъ то, что мы велимъ, потому что мы платимъ деньги; но вѣдь всѣхъ купить нельзя. Да и денегъ жаль! А намъ ихъ нужно много. Не подадимъ же повода къ негодованію и омерзенію всего свѣта.... Не лучше ли, не выгоднѣе ли вести себя такъ, чтобы и враги насъ уважали? Пусть удивляются намъ, но не презираютъ вѣчно-неурядной Польши. Панъ Дзвигачъ! пусть покрайней мѣрѣ въ нашей арміи не будетъ этихъ ужасовъ! Вы можете прекратить ихъ: вы здѣсь главный. Дайте мнѣ слово.... И не мнѣ.

Дайте слово всѣмъ намъ, потому что, я увѣрена, наши дамы всѣ точно также думаютъ....

Слова Авреліи были приняты не только съ одобреніемъ, но съ аплодисментомъ. Дамы хлопали въ ладоши; мужчины принуждены были имъ вторить.

— Конечно—сказала Петронилла съ горячностью—Аврелія говоритъ, какъ добрая полька, чистую правду; а я скажу тебѣ.... какъ жена твоя, потому что, по законамъ, жена должна гордиться именемъ мужа или стыдиться его: смерть Зоси отравила наше счастіе, нашъ великій сегодняшній праздникъ.

— И вѣрь мнѣ—прибавилъ панъ-президентъ—эта изувѣрская жестокость, можетъ быть, наведетъ страхъ на робкихъ, но сердце у нихъ будетъ глядѣть въ сторону отъ насъ. Терроръ— фальшивый разсчетъ; на притворныхъ товарищей плоха надежда....

— А я тебѣ скажу—отозвалась пани Матильда—что страшное сегодняшнее убійство вотъ будто тѣнь какая ходитъ въ воздухѣ; такъ и жду, что оно принесетъ намъ какое-нибудь несчастіе....

Дзвигачъ не успѣлъ отвѣчать. Вошелъ Бертье.

— Что тамъ, Бертье? спросилъ онъ, радъ-радехонекъ, что приходъ этотъ прекратилъ непріятный разговоръ.

— Почта наша пришла.

— Исправно?

— Какъ нельзя лучше! Лошади вездѣ были; нигдѣ задержки....

— Много пришло отрядовъ, пане Бертье?

— Шесть; все небольшіе: 20, 30 человѣкъ, но люди отборные.... Я ихъ растасовалъ по легіонамъ....

Дзвигачъ взялъ изъ рукъ Бертье письмо, распечаталъ и подошелъ къ стѣнной лампѣ, чтобы прочесть. Пока Дзвигачъ читалъ, Аврелія спросила у Петрониллы довольно громко:

— Отчего это пана Зыгмунта Лешкѣвича твой мужъ называетъ Бертье?

— Не знаю, отвѣчала Петронилла съ неудовольствіемъ и отвернулась.

— Я вамъ объясню, съ коварной улыбкой сказала Леонора.—Начальникъ штаба у Наполеона I назывался тоже Бертье.

Аврелія не могла удержаться отъ улыбки.

— Напрасно панъ Дзвигачъ—продолжала неумолимая Лео-

пора—выбралъ для себя такой варварскій псевдонимъ. На его мѣстѣ, я назвалась бы безъ церемоніи Станиславомъ Бонапарте!...

— Важныя извѣстія! сказалъ Дзвигачъ, примѣтно озабоченный.—Меня увѣдомляютъ, что въ нашъ городъ посланъ московскій отрядъ: два баталіона пѣхоты, два эскадрона конницы, двѣ пушки и сотня казаковъ. Это намъ вмѣсто супу!...

— Что это значитъ противъ нашей арміи! замѣтилъ Бертье.— Тамъ и трехъ тысячъ не будетъ!...

— Какія три тысячи! Московскіе баталіоны! Ни въ одномъ нѣтъ комплекта: въ иныхъ и двухсотъ человѣкъ не досчитаешься.... Что объ этомъ думать! Истребимъ какъ мухъ! Только не знаю, въ городѣ ли засѣсть, устроить барикады....

— И разорить городъ, сказалъ панъ-президентъ.

— По моему—сказалъ Бертье — забраться въ гущу лѣса, заманить туда москалей и тамъ уже съ ними раздѣлаться....

— Ты подцѣпилъ, Бертье, мою мысль!...

— Le beaux esprits se rencontrent! шепнула Леонора, не обнаружившая, какъ и Аврелія, ни малѣйшаго волненія.

Но за то всѣ остальныя дамы, что называется, на-смерть были перепуганы, просто безъ лицъ сидѣли и усердно щипали корпію, чтобы какъ-нибудь скрыть неприличный страхъ и лихорадочное волненіе. Упади въ эту минуту стулъ, поднялась бы страшная суматоха. Но случилось хуже. Аврелія какъ-то судорожно схватилась съ мѣста; лицо ея, это удивительное римское лицо, за которое одинъ талантливый живописецъ иначе не называлъ ее, какъ Лукреціей, это лицо, грозное, величественное, повернулось ко входу въ залу. Строгимъ, твердымъ голосомъ спросила Аврелія:

— Палачъ несчастной Зоси! ты зачѣмъ пришелъ сюда?

Всѣ оглянулись. На порогѣ смиренно стоялъ кармелитъ. Паническій ужасъ овладѣлъ прекраснымъ поломъ; поднялась въ полномъ смыслѣ суматоха: дамы вскочили, искали своихъ зимнихъ шапочекъ, надѣвали чужое теплое платье, бѣгали, суетились; стулья падали; многія уѣхали даже не простившись; зала пустѣла; толпа, будто вода, уходила и увлекла съ собой кармелита, который и самъ догадался, что явился не впопадъ. Дзвигачъ, съ Бертье и штабомъ, отправился, какъ онъ говорилъ, въ армію. Не прошло и четверти часа, въ залѣ остался только панъ-президентъ, съ женой и дочерьми.

— Что намъ дѣлать? ломая руки спросила пани Матильда.

— То, что будутъ дѣлать другіе. Не то и насъ съ тобой повѣсятъ!... Теперь уже поздно! Мы сами за собой сломали и сожгли мостъ спасенія.... Что дѣлать? Пойдемъ на войну....

— Но согласись, Ясю, въ Черный лѣсъ теперь, зимою!...

— А что же дѣлать! Это еще *свой* лѣсъ, покрайней мѣрѣ. А, можетъ быть, придется за чужіе грѣхи увидѣть лѣса китайскіе!... Пойдемъ лучше помолимся Богу, уляжемся, выспимся въ запасъ.... Доброй ночи, Маниля! Спасибо Авреліи, что ненавистную реверенду выгнала. Теперь дерзость его никого бы не пощадила!...

— Добрая ночь!...

И Матильда ушла поскорѣе, чтобы не слушать зловѣщихъ догадокъ Жеребовца.

— Петронилла! сказалъ старикъ повелительно.—Поди, принеси мнѣ шлафрокъ и подушку. Я лягу здѣсь на диванѣ....

— Папо!...

— Я сказалъ! Хоть разъ уважьте мою волю!

Петронилла ушла.

— Или я обманываюсь, Аврелія, или я самый несчастный человѣкъ въ свѣтѣ!...

— Такое сердце, какъ твое, не можетъ обманываться.

— Ну такъ, умно, Реля, чертовски умно! весело сказалъ панъ-президентъ.—Wet-za-wet! Ровный счетъ! Болтунъ, членъ народнаго правленія.... просто смѣхъ и позоръ!... Студентъ безбородый—проговорился! Несовершеннолѣтній pater patriae раскисъ передъ твоею красотою и характеромъ, сознался, что они уже рѣшили было: постричь тебя въ монахини, а въ случаѣ сопротивленія....

— Благодарю, Петронилла! Ступайте съ Богомъ! Пора вамъ успокоиться!... Куда же ты, Нилла? Я уступилъ для тебя въ спальнѣ свое мѣсто....

— Нѣтъ, папо! ласково сказала Аврелія. — Пусть она со мной пойдетъ: не такъ страшно....

И обѣ сестры пошли, рука за руку, во флигель Култуса. Аврелія, не раздѣваясь, бросилась на постель; Петронилла не рѣшалась лечь возлѣ.

— Что же ты, Нилла? Ложись! Отдохнемъ! Я ужасно устала! Такъ глаза и слипаются....

*

— Ахъ, Реля — сказала она съ глубокой грустью — наше великое, святое дѣло!...

— И что же?...

— Невольный ужасъ! Въ душѣ суматоха! Не того я ожидала.... Страшно, Реля!

— Что съ тобой, Нилла? Какъ тебѣ не стыдно! Богъ за правое дѣло....

Петронилла задумчиво и сомнительно покачала головой.

— Безцѣльныя злодѣйства! почти шопотомъ говорила Петронилла.—Ненавистный мужъ! эта *почвара* (чудовище) въ реверендѣ! Съ кѣмъ я въ союзѣ?... Охъ, Реля! Ты всего еще не знаешь! Камень упалъ на сердце.

— Милая Нилла, ради Бога, что съ тобой?... Ты вся дрожишь....

— Мнѣ холодно, Реля!

— Лягъ, душа моя, лягъ! Вотъ такъ! Я тебя укрою: согрѣешься, уснешь....

Петронилла улеглась было, но при послѣднемъ словѣ вскочила.

— Я не хочу спать! Я не могу, не должна.... Я боюсь заснуть....

— Полно, Нилла! Намъ надо выспаться. Завтра придется цѣлый день, можетъ быть, съ коня не слѣзать. Хорошо, что еще мой „Буцефалъ“ со мной....

— Какъ? развѣ ты поѣдешь съ войскомъ въ Черный лѣсъ?...

— Разумѣется!...

— Ну, такъ я буду не одна! Богъ помилуетъ! Давай спать.—Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. — Куда тутъ уснешь! сказала Петронилла тихо.—Передъ моими глазами такъ и стоятъ эти молодые люди, князья, графы, цвѣтъ Польши.... У всѣхъ та же адская злоба, какъ у Дзвигача.... Боже! Мы обольемся, мы захлебнемся собственною кровью!... Ты спишь, Реля?...

Аврелія притворилась спящею.

— Спитъ! И тутъ ей счастье!...

Долго еще металась Петронилла, шептала про себя разсужденія въ томъ же родѣ; наконецъ усталость побѣдила: заснула, но не надолго. Чуть-свѣтъ застучали барабаны, затрубили трубы. Петронилла вскочила, бросилась къ окну; но ограда плотно закрывала видъ на улицу.... Забывъ сестру,

все и всѣхъ, Петронилла пробѣжала въ залу. Панъ-президентъ уже не спалъ; Дзвигачъ и Бертье, въ полной боевой формѣ, были тамъ.

— И вы не хотите видѣть нашихъ храбрыхъ легіоновъ? говорилъ Дзвигачъ, обиженный невниманіемъ президента.

— Я никогда не служилъ въ военной службѣ и ровно ничего не понимаю. Хороши ли твои легіоны, окажется на дѣлѣ....

— Конечно! Войско молодое, не имѣетъ еще организаціи; но важны духъ, твердая воля, патріотизмъ.... Два, три дѣла — и наши воины будутъ непобѣдимы!...

— Увидимъ!... Ага! Что, Нилла! и ты уже готова! Признаюсь, никогда мнѣ и не снилось, что я увижу тебя амазонкой на челѣ польской *рухавки!*

— *Рухавки!* Вы не можете скрыть вашихъ чувствъ! Берегитесь! Вамъ досадно, что вамъ не удалось вырвать изъ сердца дочерей самаго святаго чувства! Я не удивляюсь Петронилле. Она возмужала въ этомъ чувствѣ не въ вашемъ домѣ! А вотъ Аврелія, такъ правду сказать, приводитъ меня и въ страхъ и въ удивленіе.... Если справедливо, то что это за характеръ! Если это не притворство, то какая великолѣпная страница ожидаетъ ее въ исторіи!...

„Въ исторіи нашихъ глупостей!" подумалъ панъ-президентъ. — Какъ же это будетъ теперь съ нами? сказалъ Жеребовецъ громко. — Въ лѣсъ мнѣ совсѣмъ не хочется, и тутъ оставаться невесело....

— Да что вамъ сдѣлаютъ москали, если бы и зашли сюда? Хотя я имъ ни на грошъ не вѣрю, но и они, для зла, умѣютъ быть великодушными; чтобы заткнуть ротъ негодованію, варвары не тронутъ такихъ почтенныхъ людей, какъ вы и пани Матильда. Что имъ за пожива отъ такой добычи? Отъ нихъ надо прятать красоту и золото. Вотъ Петрониллу и Аврелію я ни за что тутъ не оставлю!...

— Что ты, что ты? Въ умѣ ли ты? Аврелію, когда она только-что оправилась отъ болѣзни? Аврелію, въ лѣсъ, зимою, когда у васъ самихъ тамъ нѣтъ еще ни матраца, ни подушки?

— Если раскаяніе ея искренно, она сама пойдетъ съ нами. Если она притворяется, пусть пеняетъ на себя.... Насильно, можетъ быть, но я спасу ее отъ незавидной участи, которая

ей назначена. Конечно, бивуакъ зимою не легкое дѣло. За Петрониллу я не боюсь, но за Аврелію....

— Это почему? спросила Аврелія, входя въ залу.

Лицо ея выражало совершенное спокойствіе и равнодушіе.

— Потому.... потому.... что если Петронилла будетъ при войскѣ, а вы останетесь здѣсь.... комитетъ можетъ возвратиться къ прежнимъ подозрѣніямъ и принять непріятныя мѣры предосторожности....

— Какой вздоръ! Истинный патріотизмъ, какъ мой, съумѣетъ согласить огонь и воду; ему помощниками небо и Пресвятая Дѣва. О вашихъ разсчетахъ я не забочусь. Я разсчитала по своему и приказала осѣдлать моего „Буцефала"!

— Іоанна д'Аркъ! воскликнулъ Дзвигачъ. — Чистая Іоанна д'Аркъ! Подъ вашимъ знаменемъ соберется вся Польша....

— И угрозы напрасны и лесть не нужна! На моемъ знамени должно быть написано только: аптека.... Этого требуютъ и приличія, и мое положеніе, и моя охота. Помните, я сестра милосердія.... не больше....

— Кто-то пріѣхалъ?... Бертье, посмотрите!

— Курьеръ изъ города! сказалъ Бертье. — Съ письмомъ отъ Леви....

Съ Бертье вошелъ жидъ, блѣдный какъ смерть; ноги тряслись.

— Что тамъ? Прочтемъ!

— А что читать! сказалъ жидъ въ лихорадкѣ.—Ночью москали пришли. Я чуть не умеръ дорогой отъ страха: такъ ихъ много....

— Опять курьеръ! сказалъ Бертье.

Въ то же время безъ доклада вбѣжалъ оборванный нищій.

— Спасайтесь! кричалъ онъ во все горло. — Спасайтесь! Москали выступили изъ города прямо на Жеребовецъ....

— Да что они на крыльяхъ, что ли?

Зала наполнилась офицерами-самозванцами; прибѣжалъ и кармелитъ. Все кричало: москали! москали! Войска ушли! Бѣжимъ скорѣе *до лясу!*...

И, не слушая ни своего полководца, ни начальника штаба, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, всѣ бросились по дорогѣ на Глухой фольварокъ. Надо отдать справедливость Дзвигачу: онъ одинъ не потерялъ головы, самъ держалъ подъ уздцы Буцефала и другую красивую лошадь, когда дамы садились на коней,

и съ немногими ѣхалъ за ними, безъ трусливой поспѣшности. И часа не прошло, какъ отъ южной арміи на Жеребовцѣ не осталось ни одного человѣка.

VIII.

Отрядъ Иванова, дѣйствительно, не шелъ, а летѣлъ на крыльяхъ. Люди уже двѣ ночи не спали, довольствуясь получасовыми привалами. Ступачевъ командовалъ авангардомъ. Естественно, что онъ спѣшилъ дважды, самъ былъ всегда впереди, до неосторожности, опережая гусаръ и казаковъ; онъ первый взбѣжалъ на бугоръ и попалъ почти одинъ на страшное свиданіе съ Зосей. Не берусь описывать впечатлѣнія, когда Ступачевъ увидѣлъ и узналъ свою невѣсту. Онъ хохоталъ такъ громко, такъ страшно, что молодецкія сердца у гусаровъ и казаковъ вздрогнули. Въ одно мгновеніе казаки обрѣзали веревки и положили на холодный снѣгъ холодный трупъ Зоси. Ступачевъ перересталъ хохотать, бросился къ невѣстѣ, но, взглянувъ на синее лицо, на выкатившіеся глаза, отскочилъ въ ужасѣ. Онъ мычалъ: словъ не было; точно у дикаго кабана, застигнутаго охотниками, глаза налились кровью; онъ озирался кругомъ, какъ-будто искалъ кого-то. Гусары и казаки напрасно хлопотали, воображая, что несчастная недавно повѣшена и еще можетъ быть возвращена къ жизни. Повременамъ они изъ-подлобья поглядывали на своего бѣднаго командира.

— Ваше высокоблагородіе! наконецъ сказалъ Лука. — Ничего не подѣлаешь! Вѣрно, не сейчасъ случилось...

Ступачевъ только мычалъ.

— Ваше высокоблагородіе! да вы бы ужь заплакали: право, легче станетъ!...

И въ психологическомъ и въ физіологическомъ отношеніи остается необъяснимымъ фактъ, что намекъ на дѣйствіе часто производитъ то же самое дѣйствіе. Такъ и теперь: слова Луки вывели Ступачева изъ безчувственнаго состоянія: слезы рванулись изъ переполненной безпредѣльною горестію души, и Ступачевъ, громко зарыдавъ, бросился на трупъ Зоси.... Онъ звалъ свою невѣсту, прислушивался, не отвѣчаетъ ли она на зовъ...

Въ это самое время подошелъ Ивановъ со всѣмъ отрядомъ.

— Что случилось? спросилъ онъ покойно. —Ему разсказали.

Грустно покачалъ полковникъ головою и прибавилъ печально: — подлые изувѣры! Но мы сами виноваты, и теперь не за что сердиться...

— Какъ не за что! заревѣлъ Ступачевъ. — Невѣсту мою, жену... все мое... Самъ ты звѣрь послѣ этого!... Не за что! Ахъ ты застегнутая душонка!... Бѣдная Зося! Кромѣ меня и пожалѣть тебя некому...

— Сталъ ругаться, тихо замѣтилъ Лука.—Значитъ сейчасъ полегчаетъ. Разумъ вернется...

— Разумъ вернется! Кто смѣлъ сказать! Что жь я, по вашему, обезумѣлъ! Треска сушеная! распарю я твои косточки.

— Что хочешь дѣлай, ваше высокоблагородіе, не вскрикну, только самъ угомонись; а не то ляхъ въ Черный лѣсъ уберется: не на комъ будетъ и выместить...

— Давай ихъ сюда! гдѣ они?... Боже мой, Боже мой!... И кто сказалъ, кто сказалъ: „не за что!...“ Сирота! Куда я дѣнусь? ни жены, ни друга!...

— Игнатій Семенычъ! замѣтилъ Ивановъ.—На друга грѣхъ тебѣ жаловаться! Другъ тебя остерегалъ, другъ тебѣ запретилъ — ты не послушался. Ты унизился до жестокости — вотъ тебѣ и заплатили жестокостію сторицей... Самъ виноватъ, на друга не пеняй!...

— Вретъ онъ, Зося! не слушай! Гораздъ мораль читать!... То-то и есть, что остерегъ; а еслибъ я этого бродягу засѣкъ до смерти, она бы уцѣлѣла... Ну, да не уйдетъ, гадина! Онъ долженъ быть тутъ близко! За мной! Сто цѣлковыхъ за живаго!...

— Нельзя, Игнатій Семенычъ! Вы останетесь здѣсь: вы займете Жеребовецъ; а мы, не останавливаясь, повернемъ прямо на Черный лѣсъ...

— Паша? ты не шутишь?...

— Не для мести мы посланы, а для водворенія порядка. Тутъ личныя наши страсти въ сторону... Вонъ до твоей старой цитадели и полверсты не будетъ—рукой подать; тамъ, можетъ быть, моя жена въ тяжкомъ плѣну сидитъ, а я туда и зайти не смѣю, пока не исполню долга... А я, самъ знаешь, люблю жену не меньше, чѣмъ ты любилъ свою Зосю... Ну, что, Игнатій Семенычъ?...

Ступачевъ молчалъ.

— Какъ по твоему? опять спросилъ Ивановъ.

— Ступай своей дорогой, а свою я знаю. Такое горе не только нашего брата, и тебя бы озадачило, умъ пришибло...

— Такъ до свиданія, дружище!

— Ступай съ Богомъ!...

И отрядъ Иванова тронулся, за исключеніемъ авангардныхъ гусаровъ и казаковъ. Отошли уже шаговъ двѣсти, какъ Ступачевъ опрометью бросился за ними.

— Паша! кричалъ онъ вслѣдъ.—Паша!...

Отрядъ остановился.

— А если онъ тутъ и я его поймаю?...

— Такъ припрячь до моего возвращенія....

И отрядъ опять пошелъ впередъ.

— Фу ты, къ чорту, какое казенное хладнокровіе! Вотъ рыба!... Нѣтъ, дружище! Весь Жеребовецъ вверхъ ногами подыму: авось на мое счастіе сидитъ, разбойникъ, гдѣ-нибудь въ бочкѣ.

IX.

Ивановъ на походѣ раздѣлилъ отрядъ свой на двѣ колонны. Мануйко, хорошо знавшій всѣ тропинки въ Черномъ лѣсу, куда часто ходилъ на охоту, свернулъ съ дороги съ первою колонною и, обогнувъ Глухой фольварокъ, обошелъ непріятеля. Оставшіяся войска отряда Ивановъ раздѣлилъ на небольшія части и размѣстилъ по перелѣскамъ, разбросаннымъ по полю и составлявшимъ предлѣсье огромной пущи. Было уже не рано, когда въ лѣсу послышались первые выстрѣлы. Пошли сигналы. Затѣмъ уже недолго пришлось ждать Иванову южной арміи. Въ страшномъ безпорядкѣ, нѣсколько тысячъ человѣкъ высыпали на поляну. Вся толпа бросилась по одному направленію; но у перваго же перелѣска грянули выстрѣлы, и толпа, словно черная туча, подхваченная противнымъ вѣтромъ, отшатнулась въ противоположную сторону. Но и тамъ, какъ только герои добѣжали до перваго перелѣска, раздались выстрѣлы. Остановясь на мгновеніе, поляки рванулись впередъ на жеребовскую дорогу. Здѣсь опять встрѣтились перелѣски, изъ которыхъ выступали гусары. Между тѣмъ, и Мануйко, выбивъ ляховъ изъ лѣсу, со всѣмъ отрядомъ показался на опушкѣ лѣса. Тогда толпа разбрызнулась; началось общее бѣгство; конные и пѣшіе летѣли стремглавъ во всѣ стороны. Дзвигачъ и Бертье

напрасно старались удержать бѣгущихъ; казаки настигли ихъ, и хотя изъ кучки Дзвигача посылались выстрѣлы, но казачьи пики неотразимо валили и пѣшихъ и конныхъ. Дзвигачъ понялъ, что устоять невозможно, несмотря на то, что толпа была еще довольно густа.

— Петронилла! Аврелія! закричалъ онъ, разстрѣлявъ всѣ заряды и размахивая палашемъ.—Бѣгите!

— Куда намъ дѣваться?...

— Бѣгите въ Черный лѣсъ!... Тамъ еще много нашихъ.... Васъ, можетъ быть, послушаютъ; соберите ихъ и, если успѣете, ведите къ намъ на помощь.

Петронилла повернула лошадь и во весь опоръ бросилась на Глухой фольварокъ. Аврелія, на своемъ бѣломъ конѣ, тоже выѣхала изъ свалки и, проскакавъ нѣсколько шаговъ, удержала коня и пустила его шагомъ. Петронилла уже достигала опушки лѣса, когда ее замѣтили. Гусаръ, съ обнаженной саблей, бросился въ погоню; за нимъ другой, третій. Нагнали. „Стой — закричалъ гусаръ — сдавайся!“ Вмѣсто отвѣта Петронилла выстрѣлила въ гусара изъ револьвера, промахнулась, и сабля сверкнула надъ ея головою.... У нея потемнѣло въ глазахъ. Въ то же мгновеніе послышался знакомый голосъ: „Не тронь! не смѣй!“ Кто-то подскакалъ вовремя, успѣлъ оттолкнуть руку гусара; ударъ достался лошади: та рванулась въ сторону, и Петронилла упала прямо на руки Мануйки. Не легко было, сидя на лошади, удержать на рукахъ такую Семирамиду; но любовь придала силы, и Мануйко кое-какъ усадилъ Петрониллу возлѣ себя....

— Успокойтесь, пани Петронилла! Теперь вы безопасны....

— Пустите! Лучше умереть! выбиваясь, кричала амазонка.

— Ахъ, Петронилла! Вы не знаете, какъ больно умирать! Это вѣдь не палецъ обрѣзать....

— Шутки! нашли время!...

— Плѣнъ — дѣло непріятное! Я испытывалъ его слишкомъ десять лѣтъ....

— Вы начинаете мстить! Какъ это благородно! Боже мой! Я едва держусь.... я упаду!...

— Держитесь покрѣпче за меня....

Петронилла безсознательно охватила одною рукою шею Мануйки. Судя по словамъ ея, она готова была умереть, но упасть въ грязь не хотѣлось.

— Что дѣлать! Судьба войны! Дайте мнѣ покрайней мѣрѣ лошадь....

— А гдѣ ее взять?

И дѣйствительно, по близости никого не было, потому что гусары, преслѣдовавшіе Петрониллу, уступивъ добычу командиру, понеслись въ погоню за другими. Уже смеркалось. Сигналы призывали къ сбору. Мануйко подвигался медленно, потому что лошадь подъ двойною и нелегкой ношей, утомленная продолжительнымъ походомъ, усиленной работой въ лѣсу и на полѣ, не только не спѣшила, но частенко останавливалась, раздумывая: не прилечь ли на чистомъ полѣ и отдохнуть? А можетъ быть—про лошадиную понятливость чего не писали—умное животное, изъ преданности къ хозяину, нарочно замедляло ходъ, чтобы продлить такое воздушное, такое близкое, совершенно уединенное и оригинальное свиданіе своего господина съ дамой, долго и страстно имъ любимой....

— Какое мученье? Панъ Мануйко, пріятель, другъ, обожатель, котораго я такъ терпѣливо слушала! И вотъ ваша московская любовь! Какъ я ошиблась!

— Что вы этимъ хотите сказать?...

— Пустите меня! Я доберусь до Чернаго лѣса. Никто не узнаетъ моего стыда....

— Темно, пани Петронилла: вы не найдете дороги. Волки, казаки! Совѣсть замучила бы меня....

— Я васъ ненавижу....

— Какъ вамъ угодно, а я все-таки по прежнему васъ люблю....

— Вижу, чувствую....

— Да вы этакъ совсѣмъ упадете!... Нечего дѣлать! Необходимость извинитъ, сказалъ Мануйко почтительно, бросилъ поводья и, давъ полную волю лошади, самъ обнялъ обѣими руками Петрониллу, приподнялъ ее на воздухѣ, усадилъ поудобнѣе и не выпускалъ уже изъ невольныхъ объятій.

Пока Мануйко возился со своею пріятною добычею, гусары и казаки въ виду ихъ собрались и, не строясь, вольно, потянулись на Жеребовецъ. Все гуще и гуще смеркалось. Напрасно, на разные лады, старался Мануйко завязать бесѣду. Петронилла, надувшись, отвернула отъ него горящее лицо, упрямо молчала, безпрестанно, точно птичка, пойманная въ сѣтку, дѣлала порывистыя движенія, чтобы вырваться изъ плѣна.

— Вотъ, я думаю—началъ Мануйко — въ отрядѣ суматоха и догадки: куда я дѣвался? Никому и въ голову не придетъ, какое завидное счастіе выпало на мою долю. Воображаю, какъ обо мнѣ хлопочетъ Ивановъ!...

— Ивановъ? И онъ тутъ?...

— Онъ начальникъ нашего отряда....

— Этого еще недоставало! — И Петронилла рванулась изо всѣхъ силъ. — Что вы такъ жмете меня, безсовѣстный!...

— Вы сами виноваты, пани Петронилла! Ваше безпокойное нетерпѣніе заставляетъ меня быть черезчуръ осторожнымъ. Не сердитесь, очаровательная пани! Поймите и мое ужасное положеніе! Мнѣ хуже, чѣмъ въ аду. Я боюсь быть жестокимъ и не смѣю быть снисходительнымъ. Руки дрожатъ, обнимая обожаемую женщину, а прижать къ сердцу не смѣютъ. Листъ почтовой бумаги между нашими устами, а губы будто заколдованы. Святость плѣна хранитъ васъ и въ потемкахъ. Вы и въ плѣну владычица моего сердца, а настоящій плѣнникъ я, и съ тѣмъ вмѣстѣ рабъ чести и долга. Согласитесь, положеніе невыносимое!...

— Пустыя фразы и больше ничего! Мнѣ надоѣло!...

— Пора фразъ прошла! Вы не расположены меня слушать, я никогда не говорилъ вамъ о странной исторіи; но теперь кстати разсказать ее, хотя бы только для вашего развлеченія.

— Я въ этомъ не нуждаюсь...

— Все равно. Надо чѣмъ-нибудь наполнить скучную пустоту ночи. Я взялъ отпускъ, поѣхалъ на теплыя воды заграницу. Любовь высушила меня какъ щепку; товарищи смѣялись надъ моей страстью; мнѣ самому передъ собой признаться было совѣстно, что я такъ глупо, такъ безнадежно люблю женщину, которая меня ненавидитъ, презираетъ, смѣется въ глаза... Я, какъ дитя, обрадовался совѣту доктора: у меня блеснула надежда, что я какъ-нибудь выпутаюсь изъ заколдованныхъ сѣтей моей глупой страсти... И что же?... Вмѣсто теплыхъ водъ, я бросился прямо въ Парижъ: тамъ была *моя* Петронилла. Извините за фамиліярность...

Мануйко замолчалъ. Петронилла не отзывалась.

— Не буду разсказывать, какъ я искалъ, какъ я нашелъ васъ, какъ мнѣ показалось, будто вамъ появленіе мое не было непріятно... Я ожилъ. Вашъ теплый, одобрительный взглядъ, можетъ быть и случайный, подѣйствовалъ на меня лучше, чѣмъ де-

сять курсовъ на водахъ. Въ Парижѣ явились у меня знакомые: отъ нихъ узналъ я, что недалеко живетъ необыкновенная колдунья, ворожея, ясновидящая, спиритка. Разно опредѣляли ея странный даръ; но всѣ утверждали, что она просто удивительная женщина и многимъ сказала правду. Дѣти и влюбленные расположены къ чудесному. Въ тотъ же день я отправился по желѣзной дорогѣ въ Версайль. Волшебница жила недалеко отъ Сенъ-Клу, на хорошенькой дачѣ. Было уже не рано, когда я просилъ слугу доложить обо мнѣ. Она не заставила долго ждать. Вышла весьма приличная, пріятная, среднихъ лѣтъ дама, взглянула на меня вскользъ, попросила сѣсть и безъ предисловій сказала:

— Вы пріѣхали за судьбой?...

— Точно такъ...

— Я не такъ богата, чтобы принимать гостей на свой счетъ... Судьбы блуждаютъ ночью... Надо остаться до утра...

— Я готовъ...

— Комната, постель, ужинъ, прислуга—50 франковъ. За труды я ничего не беру.

„Я вынулъ деньги и заплатилъ. Дама встала, указала на дверь въ назначенную мнѣ комнату и, уходя, прибавила:

— До свиданія! Васъ позовутъ!...

„Безъ десяти минутъ въ двѣнадцать часовъ меня позвали. Она сидѣла за столомъ въ той же комнатѣ. Лицо ея покоилось на рукѣ такъ точно, какъ пишутъ тибуртинскихъ сивиллъ; глаза, полные блеска и влаги, глядѣли въ потолокъ.

— Счастливецъ! сказала она, какъ будто рѣчь ея относилась не ко мнѣ.—Не унывайте! И въ любви героизмъ творитъ чудеса; не покидайте военнаго поприща: это путь къ вашему счастію. Нескоро... нескоро... но вы возьмете это счастіе въ плѣнъ на полѣ сраженія!...

— Какія глупости!... И вы могли повѣрить? сказала Петронилла, опять сдѣлавъ движеніе, обнаруживавшее нетерпѣніе и волненіе.

— Повѣрилъ, пани Петронилла! Смѣйтесь, но я охотно повѣрилъ; больше: я выздоровѣлъ; жизнь моя пополнѣла; у меня въ домѣ завелась таинственная хозяйка — надежда... А сегодняшній случай...

— Это невыносимо! перебила Петронилла.—Невозможно сидѣть... Вы хвастаете вашей любовью, играете роль рыцаря...

Ну рыцарское ли дѣло мучить такъ свою даму? Каждый изъ рыцарей, даже донъ-Кихотъ, и тотъ бы уступилъ свое сѣдло плѣнницѣ...

— Долго бы намъ пришлось путешествовать, а ночь все темнѣе и темнѣе... Посмотрите, какъ глубокъ рыхлый снѣгъ, и лошадь едва-едва переступаетъ; а вы хотите, чтобы я, изъ рыцарской вѣжливости, остался на полѣ не побѣдителемъ, а одураченнымъ донъ-Кихотомъ!

Петронилла не отвѣчала; во всю дорогу хранила она упрямое молчаніе. Пусть же ихъ помолчатъ, а намъ пора вернуться къ Авреліи.

Буцефалъ шелъ тихо, мѣрно, съ подобающею важностію, какъ будто зналъ, кого несетъ на своей спинѣ. Было еще свѣтло, когда Аврелія оставила толпу мятежниковъ. Осматриваясь во всѣ стороны, она узнавала знакомыя мѣста, по которымъ когда-то носилась на конѣ, вмѣстѣ съ мужемъ и добрыми пріятелями. Какая грустная разница! Тогда веселыя, смѣющіяся поля, одѣтыя въ полную живую роскошь зелени, теперь были обезображены островами рыхлаго грязнаго снѣга. Лужи точно озеро переливались въ плоскихъ лощинахъ; тамъ и сямъ чернѣли трупы недавнихъ жертвъ фанатизма. Буцефалъ наткнулся на раненаго и отпрянулъ. Аврелія ловко соскочила съ коня, сняла съ себя походную сумку, гдѣ хранились перевязки, корпія и послѣднее письмо Иванова. Раненый, увидавъ ее, сдѣлалъ судорожное движеніе, отвернулся и замычалъ:

— Не надо! не надо! не стою!...

— Ахъ, бѣдный братъ! сказала Аврелія съ горечью, вынимая перевязки и корпію и не зная что съ ними дѣлать.

И рада бы помочь да не умѣла.

— Не за свое дѣло взялись мы съ Дзвигачемъ! Я затѣяла быть фельдшеромъ, онъ фельдмаршаломъ... Оба отличились!

— Хвастуны! трусы! стоная, говорилъ Войцѣхъ.—Сколько народу даромъ погубили! и какого народу! Будь они прокляты отъ мала до велика!...

— Грѣхъ, большой грѣхъ, несчастный! Погоди: можетъ быть, удастся мнѣ найти кого поискуснѣе...

— Не надо! Поздно! помяни Войцѣха въ молитвѣ твоей.

— Не унывай, братъ Войцѣхъ! я сейчасъ!...

И Аврелія опять вскочила на Буцефала; но тотъ, несмотря

на понужденія, не слушался. Рыхлый, глубокій снѣгъ заставлялъ его итти тихо и осторожно.

Въ ближайшемъ перелѣскѣ стоялъ резервъ Иванова; тутъ же помѣщался и походный обозъ, подъ командою унтеръ-офицера Пугачева, того самого, который служилъ въ деньщикахъ у Иванова. Гусары съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго гостя.

— Что это, братцы, такое? толковали между собою гусары.— Полякъ морочитъ, что ли? Ни солдатъ, ни баба, чортъ знаетъ что такое!...

— Ребята! въ полголоса сказалъ Пугачевъ, когда всадница подъѣхала такъ близко, что можно было разсмотрѣть ее въ лицо. — Тьфу ты дьявольское навожденіе! Мерещится мнѣ, что ли, братцы? Чѣмъ чортъ не шутитъ? Вѣдь это ни дать, ни взять наша полковница!...

— Съ нами крестная сила! Стройся, ребята! Али дьяволъ переодѣтый, али взаправду наша барыня!

— Здорово, ребята! раздался звучный голосъ Авреліи.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Господи! радостно вскрикнула Аврелія. — Да это наши гусары!

— Твои, мать-командирша, твои собственныя, дѣтки твои добрыя! Ура!

— Ура! подхватили гусары дружно, такъ что Буцефалъ встрепенулся.

— Гдѣ же полковникъ?... Ради Бога, гдѣ полковникъ?...

— Вонъ съ гусарами и казаками орломъ по полю летаетъ.

— Благодарю тебя Господи! живъ, цѣлъ!...

— Кто? полковникъ? съ легкой усмѣшкой спросилъ Пугачевъ.—Да что вы это, мать-командирша! а мы то на что!.. Это онъ теперь такъ по полю гарцуетъ: нѣтъ ли гдѣ раненыхъ разыскиваетъ. А въ такомъ цыганскомъ страженіи не ему командирскія руки марать...

Аврелія повернула Буцефала, чтобы ѣхать на встрѣчу мужу.

— Куда ваше высокоблагородіе? спросилъ испуганный Пугачевъ.

— Хочу къ мужу...

— Нельзя, мать-командирша! отсталые по полю бродятъ; а командиръ самъ сюда безпремѣнно будетъ. Сюда всѣ соберутся...

Въ это самое время, на глазахъ у Авреліи, пѣхотинцы подхватили и на рукахъ принесли раненаго Войцѣха. Увидавъ полковницу, Войцѣхъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и зажмурился.

— Зачѣмъ вы эту дрянь притащили? сказалъ старый гусаръ въ-сердцахъ и отплюнулся.

— А что?...

— Да это та самая бестія, что хотѣлъ въ городѣ полковника втихомолку зарѣзать!...

— Вонъ оно что! такъ нечего его жалѣть!...

— Стой, не тронь! повелительно сказала Аврелія.—Стыдно, ребята! раненый не врагъ! Вѣдь это не бойня. Пусть законъ разсудитъ, а вы несите его... Да есть ли у васъ докторъ?...

— Вонъ въ томъ перелѣскѣ перевязочный пунктъ...

— Ну, такъ несите его туда поскорѣе—рана тяжелая—да отдайте доктору эту сумочку отъ меня... А много тамъ раненыхъ?

— Таки не мало: штучекъ больше сотни будетъ.

— Изъ-за-чего? съ грустью сказала Аврелія.

— Съ дуру, мать-командирша! Бѣлены объѣлись! Не хотимъ бѣлому царю служить! французъ лучше. Вотъ тебѣ и лучше!... Слава Богу, убитыхъ мало. Маленько поколѣчили, да и раны-то все дурацкія, пиковыя отъ казаковъ больше. Наши, почитай, сегодня не работали. Сказано: стрѣляй и дерись только въ защиту. Умно сказано. Какое это страженіе! цыганская потасовка, охота на куропатокъ! Плѣнныхъ просто бѣда сколько! не успѣешь подбѣжать—бросаетъ не то что косу: ружье мечетъ подъ ноги, а самъ бѣжитъ—и рубить некого!... Вѣстимо какое это войско: сбродъ; шуя; плетью согнали; огня не видѣли; пороху не нюхали. И драться-то съ ними совѣстно. Извѣстно, рекручина. Послужатъ съ наше, выправятся, молодцами станутъ; а теперь, поди вонъ гляди: отъ одного холоду въ три погибели ихъ корчитъ...

— И какъ нарочно—сказала Аврелія—подъ вечеръ холодно стало; морозитъ...

— Мать-командирша! И ваше высокоблагородіе продрогнешь!... Ребята, разведемъ огонь!...

— Не надо, друзья мои, не надо!...

— Немогимъ, ваше высокоблагородіе, никакъ немогимъ. Хоша шинельку накинь!...

И гусары изъ обоза добыли офицерскую шинель и укутали свою полковницу чуть не насильно.

Въ это самое время полковникъ, съ конвоемъ, набѣжалъ на перелѣсокъ. Гусары одинъ передъ другимъ на выпередки кричали: „Полковница здѣсь! мать-командирша съ нами!“

— Поль! Я тутъ! радостно кричала Аврелія, готовясь сойти съ лошади. Ивановъ предупредилъ ее: онъ былъ уже у ея стремени; она опустилась на его руки... И не подумали, гдѣ они, кто ихъ окружаетъ.... Бываютъ въ жизни мгновенія, когда даже ивановское хладнокровіе не выдерживаетъ своего характера. Жаркій поцѣлуй какъ будто не убѣдилъ его: онъ схватилъ голову жены обѣими руками, повернулъ на свѣтъ угасающей вечерней зари закатившагося солнца.

— Реля, это ты, ты! Господи! Я себѣ не вѣрю!... Какими судьбами!

— Воевала вмѣстѣ съ поляками, была съ ними вмѣстѣ въ лѣсу, бѣжала вмѣстѣ и сдаюсь на акордъ моему Полю...

— Ничего не пойму отъ радости!... Въ городѣ мнѣ про тебя наговорили такихъ ужасовъ... И монастырь и пытка.

— И все это было приготовлено. Но Богъ далъ мнѣ силы разорвать сѣти какъ паутину... Не сердись на нихъ, Поль! Они сами не знаютъ что дѣлаютъ... Но всего вдругъ не перескажешь, а твои люди такъ устали...

— Отбой! скомандовалъ Ивановъ.

Пошли сигналы; со всѣхъ сторонъ къ перелѣску потянулись войска и партіи плѣнныхъ. Гусары, между тѣмъ, распорядились, хотя никто имъ не приказывалъ: и огонь запылалъ высокимъ пламенемъ, и войлоки раскинулись на снѣгу, который порядочно стянуло вечернимъ морозомъ; изъ вьюковъ смастерили походный диванъ; Пугачевъ приказалъ гусару поставить самоваръ, про всякій случай, а самъ вытащилъ погребецъ и звенѣлъ стаканами. Но ни Поль, ни Реля не замѣчали ничьихъ усердныхъ хлопотъ. Свѣтъ, люди, все будто отплыло отъ нихъ въ темную даль, и они, точно оставленные на острову, не воображали, что не одни: стоя, не обращая вниманія на импровизованный диванъ, они осыпали другъ друга то поцѣлуями, то вопросами; радость ихъ была неистощимая, а между тѣмъ горькія слезы жалости и состраданія не сходили съ ихъ глазъ. Въ словахъ свинцовая тяжесть; невинная шутка не находила себѣ мѣстечка въ ихъ бесѣдѣ. Аврелія спѣшила пере-

дать, какъ можно короче, какъ можно скорѣе, все, что съ нею случилось, какое участіе она принуждена была принять въ неожиданной трагедіи..

— Правда твоя, точно трагедія! А сколько жертвъ безполезныхъ! одному казаку Дзвигачъ прострѣлилъ руку; другаго косой околѣчили — вотъ и вся наша потеря! Сколько же сами потеряли... И подумать страшно!...

— А Дзвигачъ?...

— Взятъ, мрачно отвѣчалъ Ивановъ, какъ будто недовольный отвѣтомъ.

— Живой?

— Живой! Даже безъ раны...

Аврелія презрительно улыбнулась.

— Какая низость! Послѣ такой фанфаронады и умереть не съумѣлъ!...

— Не обвиняй напрасно: казаки не позволили. Онъ не виноватъ. Сражался какъ умѣлъ, до послѣдней крайности. Казаки, видно, смекнули, что Дзвигачъ атаманъ шайки: бережно опрокинули и взяли живьемъ...

— Несчастный! Что же съ нимъ теперь будетъ?

Ивановъ молчалъ.

— Висѣлица его ожидаетъ? Не такъ ли?...

— Не спрашивай, Реля! Сердце обливается кровью! все-таки онъ мужъ твоей сестры!...

— Нилла! Боже мой! Нилла! гдѣ она?...

— Какъ гдѣ?...

— Она ускакала на Глухой фольварокъ! Пошли поискать въ лѣсу....

— Сегодня невозможно: ты видишь, смеркается...

— Но тамъ ее волки съѣдятъ! Замерзнетъ....

— Не тужи, Аврелія! Я за нее покоенъ. Съ нею ничего не случится. Если ее наши встрѣтятъ, приведутъ на Жеребовецъ; а нѣтъ, такъ лѣсъ теперь населенъ бѣглецами. Свои приберегутъ, успокоятъ. Что это? кого ведутъ съ такимъ гвалтомъ?...

— Ужъ правда, что съ гвалтомъ.

Десятка два пѣхотинцевъ вели кармелита. Двое, коверкаясь, несли хвостъ его реверенды; одинъ тащилъ его за веревку, которою онъ былъ опоясанъ; остальные пѣли ухорскую плясовую пѣсню; двое подъ ладъ пѣсни выплясывали передъ кармелитомъ въ присядку. Увидавъ кармелита, гусары со злобой

ухватились за сабли, рванулись на кровожаднаго монаха, но какъ-то невольно взглянули на Иванова и остановились въ своей угрожающей позѣ.

— Чудовище! сказалъ Ивановъ, когда къ нему подвели кармелита.—Бѣдная Зося тебя ожидаетъ!... Мужайся, если съумѣешь: тебѣ придется умирать долго. Мы безъ суда и закона не вѣшаемъ, разбоемъ не занимаемся. Снисхожденія не проси! Одно, что я тебѣ обѣщаю и что свято исполню: съ тобою будутъ обращаться какъ съ человѣкомъ; но стеречь какъ лютаго звѣря, чтобы ты еще разъ, передъ неминуемой и позорной казнію, не успѣлъ осквернить священнаго сана. Онъ тебѣ былъ данъ не на братоубійство и подвиги неслыханнаго изувѣрства, а на проповѣдь любви и мира... Немного дней осталось. Не думай о земномъ спасеніи. Повторяю, оно невозможно!... Не ты одинъ—знаю—всѣ вы хороши! Вы хоромъ осквернили, унизили, втоптали въ грязь несчастную польскую церковь и злодѣйствами своими исключили ее изъ Христовой іерархіи....

Напрасно говорилъ Ивановъ. Кармелитъ стоялъ какъ чурбанъ безчувственный: ничего не понималъ что говорилъ полковникъ; огромныя вѣки глазъ его хлопали мѣрно, будто ихъ двигала машина.

— Охота тебѣ толковать съ этой *почварой!* сказала Аврелія.

— Сердце не вынесло!... Поляки—несчастные утопленники. Вотъ эти подводныя чудовища утащили ихъ за ноги въ омутъ, во имя Христа и Богородицы!... Я не Ступачевъ, а глядя на этого изверга, и во мнѣ какой-то лютый звѣрь просыпается.... Ребята! ведите его поскорѣе на Жеребовецъ!... Пугачевъ! ступай съ ними! За него и за нихъ ты мнѣ отвѣтишь!... Ведите его безъ пѣсенъ и пляски: это не свадьба, а похороны. Живой покойникъ жалче, чѣмъ мертвый.... Ступайте!

Порядочно смерклось. Отрядъ собрался. Возня съ плѣнными задержала: надо было ихъ пересортировать. Отобрали Дзвигача, Бертье, еще съ десятокъ пановъ польскихъ и столько же иностранцевъ, которые, по неопытности въ войнѣ этого рода, не догадались улизнуть въ самомъ началѣ стычки. Этихъ полковникъ приказалъ вести передъ собою; остальныхъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, велѣлъ направить прямо въ городъ.

— Господа—сказалъ Ивановъ, отпуская послѣднихъ—знаю,

что между вами много такихъ, которые неволею попали въ преступное дѣло. Не посѣтуйте: сегодня нѣтъ возможности разобрать по совѣсти, да и темно стало. А завтра, Богъ милостивъ, въ городѣ, на покоѣ, разсмотримъ и отпустимъ, кого слѣдуетъ, по домамъ, безъ всякихъ послѣдствій. Старое забудемъ, только впередъ не попадайтесь.... Ну, теперь поужинайте, чѣмъ Богъ послалъ, по милости добрыхъ враговъ вашихъ, и съ Богомъ.

X.

Отрядъ двинулся на Жеребовецъ; впереди шли Дзвигачъ и отобранные плѣнные. Остальные, когда имъ роздали солдатскій ужинъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, отправились, по другой дорогѣ, прямо въ городъ. Полковникъ и Аврелія, провожая отрядъ, незамѣтно отстали. Аврелія въ десятый разъ спрашивала про дѣтей и получала все тотъ же отвѣтъ, что мальчики въ Варшавѣ, въ надежныхъ рукахъ, въ полномъ здоровьи.

— Въ надежныхъ рукахъ! задумчиво сказала Аврелія.—А если и тамъ подымется буря?...

— Конечно, и за Варшаву ручаться нельзя; но все-таки во всей Польшѣ самое безопасное мѣсто — Варшава. Пожалуй, и тамъ сами себя даромъ обольютъ кровью: дѣло статочное. Поляки именно тѣмъ и отличаются, что не разсчитываютъ вѣроятныхъ возможностей и вѣрятъ очевидной нелѣпости. Двѣ, три сотни обманываютъ; нѣсколько десятковъ тысячъ обманываются. Парижская революціонная пропаганда наговорила имъ всякихъ небывалыхъ ужасовъ... Удивительное дѣло! Знаютъ, что ложь, а вѣрятъ! Волки мадзиньевской шерсти втолковали имъ, что Россія, развивающая польскую національность, хочетъ уничтожить ее.... Повѣрили!... Чудаки!... Вѣрятъ, слѣпо вѣрятъ и лѣзутъ на убой, словно бараны. Да что и говорить! нѣтъ такой нелѣпицы, которой полякъ неспособенъ выдумать и самъ ей повѣрить. Помяни мое слово: про сегодняшнее сраженіе напишутъ, что мы же были разбиты, и, читая газеты, этому извѣстію повѣрятъ тѣ сами, которыхъ завтра я выпущу изъ городской тюрьмы и которые были взяты въ плѣнъ во время своего бѣгства отъ нашихъ гусаровъ и казаковъ. Этою легкомысленною довѣрчивостію пользуются заграничные и мѣстные демагоги, а бѣдняги, нищіе духомъ и волей, дѣти наслѣдственнаго предразсудка и традицій,

изуродованныхъ клеветою и личною злобою, платятъ жизнію, свободой и достаткомъ за чужія глупости! Спроси, Реля, за что ополчаются на Россію ксендзы, мнихи и мнишки? Объясни, если можешь, эту безмѣрную, чудовищную, карикатурно-комическую нелѣпость! Поляки кричатъ, будто русскіе насилуютъ католическую ихъ церковь. Какъ хочешь, Реля, я все передумалъ, но не отыскалъ другаго ключа къ этой загадкѣ и пришелъ къ тому заключенію, что красная революція платитъ ксендзамъ въ Польшѣ, платитъ въ Римѣ за содѣйствіе и одобреніе, за безчестную профанацію религіи, за право путать въ кровавое подземное дѣло небесное вмѣшательство. Теперь это, разумѣется, далеко зайдетъ. Правительство не можетъ, не должно оставить безъ наказанія преступныя, обличенныя личности; а красная пропаганда обратитъ ихъ въ мучениковъ вѣры, пополнитъ домашній календарь суевѣрныхъ бабъ и обвинитъ Россію въ преслѣдованіи самой религіи. Гдѣ средства разувѣрить даже добрыхъ и благоразумныхъ?... Каша, страшная пойдетъ каша!

— Однакожъ, Поль, сколько я знаю, простые мужики, и тѣ не вѣрятъ ксендзамъ и мнихамъ.

— Мужики знаютъ, что имъ нечего ждать отъ пановъ, ксендзовъ и мниховъ; мужики знаютъ, что все счастіе ихъ зависитъ отъ благодушнаго Царя Польскаго, что онъ одинъ можетъ даровать имъ истинную свободу, избавить ихъ отъ гнета пановъ. Но если не будутъ приняты строгія, дѣйствительныя мѣры, чтобы очистить іерархію отъ козлищъ, чтобы пастырями душъ были послѣдователи Христа, а не французскихъ демагоговъ, вѣрь мнѣ, Реля, никогда не бывать прочному миру въ Польшѣ. Сама скажи: развѣ всѣ эти господа смѣютъ называться священниками? Развѣ они исполняютъ хотя одну іоту Христовой заповѣди? Зажигатели, проповѣдники кровавой мести, неумолимой ненависти, тайнаго убійства, коварства, хитрости, вѣроломства, лжи, изувѣрства, кощунства, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ злодѣяній и пороковъ, которые оплакиваетъ и запрещаетъ христіанская религія, какого бы то ни было исповѣданія, которые безпощадно преслѣдуетъ истинная наука, которыхъ гнушается даже совѣсть язычниковъ. Страшно подумать, что безсмысленная злоба красной революціи посадила въ революціонный комитетъ, какъ тайнаго и свирѣпаго заговорщика, царицу любви на землѣ, религію, освященную именемъ Христовымъ! Если бы даже они и были правы политически, по своимъ рогатымъ національнымъ

понятіямъ, то все же въ кровавое дѣло не слѣдовало путать религію, какъ орудіе земной злобы и земной мести. Крѣпко, крѣпко оскорбили Бога! А мнѣ все-таки ихъ жаль! И все-таки я не теряю надежды, что Его же святымъ промысломъ одумаются и ужаснутся своему безбожію!... И у исторіи бываютъ моменты раскаянія и образумленія. Я увѣренъ, что придетъ наконецъ и для Польши время, когда на статуяхъ Христа перестанутъ рости волоса, вѣнцы Богородичныхъ изображеній сіять фосфоровымъ свѣтомъ и лики святыхъ разыгрывать роль дельфійскаго оракула, при посредствѣ подставленныхъ человѣческихъ головъ....

Аврелія судорожно схватила Поля за руку.

— Что съ тобой, Реля? Рѣчь моя тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! Буцефалъ.... мнѣ показалось.... Я задумалась.... Слушая тебя, мнѣ пришло въ голову: отчего въ Россіи не молятся, чтобы Господь образумилъ заблудшихъ?

— Молятся, Аврелія, вѣрь мнѣ, и какъ еще молятся! Не всѣ, но просвѣщенное большинство не въ микроскопъ видитъ дѣйствительность, не тѣшится ругательствами, не издѣвается у одра тяжко-больнаго, а скорбитъ, болитъ сердцемъ и, вполнѣ одобряя врачебныя мѣры необходимости, ложась спать, невольно и ежедневно повторяетъ: Господи! помилуй и умилосердись, возврати имъ разсудокъ и спаси отъ губительныхъ страстей.

— О! это повторяетъ каждый образованный человѣкъ. Не объ этой молитвѣ я думала: мнѣ бы хотѣлось, чтобы народъ, самъ народъ, въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ только есть храмъ Божій, весь русскій народъ открыто, по церквамъ, молился не о побѣдахъ, не о томъ, чтобы одолѣть врага, а чтобы образумить роднаго, тяжко-больнаго брата искреннимъ раскаяніемъ, направить его сердце къ искреннему примиренію. Повѣрь мнѣ, Поль, если бы о такой молитвѣ заслышали поляки—разумѣется поляки не изъ французскаго звѣринца—эти... Богъ съ ними! что о нихъ думать! — нѣтъ, но люди простые, отуманенные ложью и обманомъ, какъ отрадно умилилось бы ихъ братское сердце! Вотъ такая молитва была бы не масло на огонь, а цѣлебное масло на свѣжія раны обманутыхъ и увлеченныхъ невольныхъ преступниковъ, которые теперь, въ тишинѣ мучительнаго размышленія, не смѣютъ и подумать о пощадѣ и помилованіи, не могутъ и вообразить, чтобы въ русскомъ сердцѣ

остались для нихъ еще какія-нибудь чувства, кромѣ мести и кары. У враговъ правды мы отняли бы сильнаго союзника — это отчаяніе невинныхъ. Наши солдаты — добряки — я хорошо знаю моихъ дѣтокъ — но изувѣрство противниковъ, совершенное отсутствіе всякой, и военной и гражданской, чести хоть кого взбѣсятъ; палачи и жертвы сливаются тогда въ одинъ образъ; неразвитость не позволяетъ пускаться въ разбирательство, кто Дзвигачъ и кто орудіе. Такая молитва много помогла бы доброму сердцу солдатъ. Заслышавъ про нее, солдатскій умъ тотчасъ смекнулъ бы въ чемъ дѣло и глядѣлъ бы на своихъ противниковъ не какъ на разбойниковъ и чудовищъ, а какъ на людей, которыхъ собственное легкомысліе и чужая злоба загнали въ несчастіе.

— Утѣшься, Аврелія! Мысль твоя какъ день вѣрна и достойна твоего сердца; но что касается до нашихъ солдатъ, то они во многомъ тебя предупредили. Вотъ, душа моя, взгляни хоть на моихъ гусаровъ. Другія слова, а смыслъ тотъ же! Бьютъ несчастныхъ по долгу, а по сердцу жалѣютъ, крѣпко жалѣютъ, часто до умиленія. Не дальше, какъ сегодня, былъ самый свѣжій тому примѣръ. Плѣнныхъ, что послали въ городъ, накормить было нечѣмъ. Никто не подсказалъ, но сами гусары съ пѣхотинцами перешепнулись и плѣннымъ уступили свой ужинъ.

— Неужели?...

— До слезъ тронулъ меня унтеръ-офицеръ Воробьевъ. „Ваше высокоблагородіе — шепчетъ мнѣ — вы имъ не говорите. Пусть кушаютъ, пусть не знаютъ, чей хлѣбъ ѣдятъ; пусть думаютъ, что начальство о нихъ заботится. Баловать не надо!“ Взвѣсь, Реля, сколько тутъ доблестнаго величія, сколько чистой религіи! Замѣчай: тутъ безъ проповѣди, безъ науки сидитъ уже въ сердцѣ братское чувство. У поляковъ оно не проглядываетъ: у нихъ не ожесточеніе—нѣтъ, просто жестокость! Вотъ ты имъ и своя по крови, а они не хотѣли уважить въ тебѣ ни чувствъ, ни обязанностей супруги, истязали до горячки, истерзали до необходимости притвориться измѣнницей мужу.

— Нѣтъ, Поль, не такъ! Я оградила мое притворство самыми естественными условіями; иначе они бы не повѣрили. Да, я думаю, и безъ того они не повѣрили искренности моего навращенія, но не могли привязаться....

— Прекрасно! А если бы мы или другой русскій отрядъ

не подоспѣлъ къ тебѣ на помощь и не выручилъ тебя изъ этого даніилова рва, что бы тогда было?...

— Думаю, что, съ помощію Божіей, я и тогда бы уцѣлѣла. Я все разсчитала, сообразила и рѣшилась. Впрочемъ, моя рѣшимость, надо говорить правду, была дѣломъ мгновенія и показалась мнѣ внушеніемъ свыше.... Я, какъ дитя, обрадовалась возможности не измѣнить никому: ни тебѣ, ни себѣ, ни нашимъ убѣжденіямъ.... Я громко отреклась отъ политики, отъ національной вражды и подвиговъ фанатизма и съ перваго шага твердою ногою стала на службу всему и одному человѣчеству. Какое мнѣ дѣло: кто именно страждетъ? человѣкъ страждетъ, и кончено! На Глухомъ фольваркѣ я бросила мой револьверъ въ колодезь, чтобы въ чужихъ рукахъ не надѣлалъ того зла, которое я ненавижу и проклинаю. Хорошо намъ съ тобою, Поль, такъ говорить: мы понимаемъ ясно, разсуждаемъ покойно; страсти не смѣютъ насъ тревожить. Неприступная, неодолимая позиція! А мысль все-таки невольно забѣгаетъ въ польское сердце. Каково-то имъ бѣднымъ, что съ ними будетъ? Заблужденіе наслѣдственное, родовое; болѣзнь вѣковая, неизлечимая! Лекарства нѣтъ....

— Есть, Аврелія, и всемогущее! Но....

— То-то и есть, что „но"....

— Но, хотѣлъ я сказать, насъ съ тобою не послушаютъ...

— Покрайней мѣрѣ, изъ любопытства, я могла бы узнать...

— Ты, Реля? Разумѣется! Еще бы! Никто какъ ты! Я поставилъ бы въ четырехъ углахъ Польши четыре университета, а въ каждой деревушкѣ учредилъ школу, не русскую, не польскую, а просто школу. На уничиженную науку я надѣлъ бы вѣнецъ и олимпійскую мантію, которые стятотатственно стащила съ нее трусливая и подозрительная схоластика. Національныя предразсудки, ксендзовскія суевѣрія, отжившія вѣкъ свой традиціи, какъ присохшіе лишаи, осыпались бы съ прекраснаго лица, съ могучаго и роскошнаго тѣла, и моя Польша стала бы такая великолѣпная, умная, на чудо красавица, какъ....

— Вѣрно, опять но?...

— Нѣтъ, не то!... Я струсилъ, Реля! побоялся сравненіемъ оскорбить твою скромность....

— Сравненіе, мой другъ, не было бы вѣрно. Ты думаешь, что моя милая, горячая вѣтряница, несмотря на всѣ дружескія, братскія благодѣянія, усидѣла бы въ союзѣ съ Россіей такъ

смирно, такъ счастливо, съ такою же любовію и преданностію, какъ твоя Аврелія?...

— Человѣчество, точно такъ же, какъ жизнь и наука, не прыгаетъ. Безкровное родство всего человѣчества уже скоро двѣ тысячи лѣтъ какъ объявлено. Эта идея есть безусловная истина для всякаго, кто крестился во имя Спасителя; эта идея символъ самаго спасенія. Она, какъ свѣтило, стоитъ будто внѣ міра. Но она свѣтитъ и грѣетъ; значитъ она въ мірѣ, значитъ дойти до нея можно. На пути къ всеміpной націи придется и Россіи и Польшѣ выдержать еще одинъ періодъ національной горячки. Еще разъ увлечетъ и перестроитъ міръ идея, временно справедливая, въ принципѣ ложная, но уже болѣе обширная, болѣе общая. Это—идея единства славянскаго, которому религія, отыскавъ свое законное мѣсто, мѣшать уже не будетъ. Продолжительный переходъ, длинный, но, вѣроятно, послѣдній, къ торжеству чистаго разума и безусловной человѣческой правды. Такъ шелъ, такъ идетъ міръ! Скоро ли дойдетъ, этого никто не знаетъ, но куда идетъ, это видно—точно хребетъ снѣжныхъ горъ на ясномъ горизонтѣ....

XI.

На Жеребовцѣ мелькнули огни; на знакомомъ намъ бугрѣ горѣло ихъ много и длиннымъ пламенемъ. Скоро можно было различить явственно, какъ между деревьями ходили и хлопотали люди. Поровнявшись съ бугромъ, Ивановъ и Аврелія увидѣли Ступачева. Обнявъ одною рукою пана-президента, онъ стоялъ будто вкопанный; голова точно чужая повисла, уткнувшись въ грудь. Мѣстный священникъ снималъ съ себя облаченіе. Гусары высоко насыпали свѣжую могилу. И Матильда пришла отдать послѣдній долгъ неповинной мученицѣ фанатизма.

— Куда прикажете плѣнныхъ? спросилъ офицеръ, командовавшій конвоемъ.

— На дворъ пана-старосты!... Да вотъ кстати и онъ самъ здѣсь!...

Аврелія соскочила съ Буцефала, Ивановъ тоже сошелъ съ коня, и оба бросились обнимать отца и мать. Ступачевъ, какъ только заслышалъ про плѣнныхъ, очнулся, выхватилъ изъ рукъ гусара факелъ и побѣжалъ къ нимъ, каждаго плѣннаго хваталъ за грудь и, поднося къ лицу факелъ, повторялъ

глухимъ, прерывистымъ отъ слезъ голосомъ: „не онъ!... не онъ!...“ Дошло дѣло до Дзвигача. Ступачевъ будто удивился, глазамъ своимъ не вѣрилъ, но, убѣдясь, расхохотался такъ страшно, что даже свои вздрогнули.

— А, запѣвало! заревѣлъ Ступачевъ.—Попался! Что, круль польскій, хлопаешь глазами?... Не узналъ меня?... Ну, пане Дзвигачъ, пришло дѣло къ расплатѣ!...

— Іезусъ Христусъ! воскликнулъ панъ-президентъ, всплеснувъ руками. — Какой позоръ ожидаетъ всю нашу фамилію!...

— Это у васъ война за отчизну! продолжалъ Ступачевъ въ томъ же ненормальномъ состояніи духа. — По твоей милости, сотни поляковъ перебиты и перевѣшаны вашими же руками. Братоубійцы, подлые братоубійцы! Погляди, полюбуйся, честный патріотъ, на эту свѣжую могилу....

И Ступачевъ сталъ тащить Дзвигача къ Зосѣ; но Ивановъ поспѣшилъ на выручку.

— Ступачевъ! сказалъ полковникъ и строго и нѣжно, такъ что тотъ сейчасъ выпустилъ изъ рукъ Дзвигача. — Не намъ разсчитываться съ такими должниками!

— Твоя правда, Паша! Это я такъ, съ горя! Чортъ съ нимъ! Мнѣ его не надо! Вотъ мой-то гдѣ?...

— Не ушелъ и твой! Сидитъ на веревочкѣ!

— Поймали! Ура! Ну, задамъ же я ему адскую пляску!...

— Шутишь, Ступачевъ, шутишь! Нашелъ время! Теперь не до шутокъ! Пойдемъ лучше на барскій дворъ. Тамъ разсудимъ. — И, обнявъ одною рукою Ступачева, сказалъ тихо: — ради Бога, Игнатій Семенычъ, не срами себя и насъ неумѣстной и безполезной жестокостію. Ну чѣмъ ты поможешь горю, если даже на кусочки разрѣжешь толстаго кармелита? Возьми ты себѣ въ толкъ, что всѣ они, добрые и злые, а все-таки родные братья, да еще въ несчастіи....

— Братья! Хороши братья! Знаешь ли ты, что здѣшній ксендзъ не хотѣлъ хоронить Зоси? Кричитъ: „она измѣнница; капитулъ запретилъ!“ Спасибо почтенному пану-президенту и его достойной супругѣ: вступились, уломали, а то бы я задалъ и ему капитулъ....

— Ты неисправимъ, Ступачевъ!...

— Нѣтъ, Паша!... Это я такъ! Съ горя! Все прошло! Теперь я уже не Игнатій Семенычъ Ступачевъ, а тряпка!... Пока Зося, хоть и мертвая, была на землѣ, страхъ какъ на душѣ

бунтовало.... Спрятали, уложили въ сырую землю и Зосю и Игнатія Семеныча.... Я, братъ, тамъ съ нею.... Это не я говорю съ тобою—это чортъ знаетъ что такое.... пустой графинъ — а я самъ тамъ; это я оттуда такъ горланю.... Ухъ, горе!... Не могу! лопну!...

Ступачевъ замолчалъ и, точно автоматъ, шелъ, самъ не зная куда, прижимаясь къ Иванову.

— Стой, Паша! опять заговорилъ онъ.—Не веди ты меня къ этому сатанѣ въ реверендѣ, не показывай мнѣ эту мерзкую рожу: не вытерплю! Того гляди самъ подъ военный судъ попаду....

— Не бойся, дружище! Я его припряталъ....

— Уйдетъ, змѣя, изъ мѣшка выползетъ....

— Успокойся: при немъ Пугачевъ....

— Пусть и вѣшаетъ Пугачевъ! Слышишь! Не кто другой—Пугачевъ! А то съ висѣлицы оборвется.... Паша, а Паша!...

— Что, мой другъ?...

— Легче стало!... Вотъ разомъ легче стало. Будто мундиръ разстегнулъ....

— И пора! Дѣла пропасть. Ну, вотъ и добрели....

Панъ-президентъ, пани Матильда, Аврелія, Ивановъ и Ступачевъ вошли въ знакомую намъ залу. Плѣнные остались на дворѣ, ярко освѣщенномъ факелами. Въ залѣ горѣла одна свѣча. Матильда схватила ее и стала зажигать свѣчи по столамъ и по висячимъ канделабрамъ....

— Къ чему иллюминація? сказалъ панъ-президентъ мрачно. — Я долженъ просить, а стыдно!... Любезный, обожаемый зять, спаси другаго зятя, мужа моей дочери, твоей сестры.... Спаси насъ всѣхъ отъ публичнаго позора.... Его ждутъ пули. И онъ и я, мы всѣ это знаемъ.... Но пусть изгнаніе, ссылка замѣнятъ казнь.... Оттуда еще можно воротиться....

— А съ того свѣта такъ нельзя! сказалъ Ступачевъ жалобно и отвернулся.

— Матильда, Аврелія, просите Поля! Высшее начальство его уважаетъ....

— Мнѣ совѣстно слушать всѣ эти лишнія и неприличныя слова. Есть правила и законы, которые дѣти наизусть знаютъ. Пусть Ступачевъ за меня отвѣчаетъ....

— По артикулу, что ли?... Эхъ, панъ-президентъ! Добрый вы человѣкъ, да въ политикѣ нетверды. Паша меня, жены не

пожалѣетъ. Сами видѣли.... Муху даромъ не убьетъ, но, ради родства, ни за кого проситъ не станетъ, а тѣмъ паче за такую бѣлобрысую тыкву съ парижской начинкой! Это моему кармелиту—дружка. На одной висѣлицѣ имъ мѣсто.... Полно, панъ-президентъ, не срамитесь! А если бы васъ въ военный судъ посадили? Куда бы вы его послали? Въ Сибирь или на висѣлицу?... Цѣлую армію набрать затѣялъ, десять лѣтъ ополчался, арсеналы завелъ, тайныхъ убійцъ развелъ въ вашемъ домѣ, за вами шпіонилъ.... Култусу платилъ.... Дайте вздохнуть! Горе вспомнилось.... Кармелитъ—это его домашняя кошка.... По его милости, по его приказу, у вашей Богородицы, Аврелія Яковлевна, вѣнецъ свѣтящимся составомъ обмазали.... Родная сестра убѣждала Зосю за Богородицу говорить съ вами! И Божіей Матери, для обмана, не пожалѣли!... Зося наотрѣзъ отказала.... Зося!... Не могу! Довольно!..

— Что такое? Какіе ужасы! вскричала пани Матильда.— Свѣтящимся составомъ? говорить вмѣсто Богородицы?... А! теперь и я начинаю понимать....

— Нѣтъ, мамо! перебила Аврелія. — Этого ничего не было.... Нѣтъ, не то! Но Петронилла въ несчастіи.... Она должна выпить горькую чашу.... Мамо, папо, Поль!... Умоляю! Мы ничего не знаемъ!... Мы ничего не слышали!... До насъ не дошло! Игнатій Семенычъ, будьте великодушны!...

— Извольте! сказалъ Ступачевъ грустно и отошелъ въ сторону.

— Что тамъ за гвалтъ на дворѣ? спросилъ президентъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Ивановъ. — Не случилось ли чего?

И всѣ, за исключеніемъ Ступачева, выскочили на крылечко. Въ эту самую минуту Мануйко подвелъ къ крыльцу подъ уздцы своего истомленнаго коня, на которомъ сидѣла Петронилла. И тутъ любовь взяла свое: Мануйко, разсудивъ, какъ будетъ непріятно Петронилле явиться между своихъ въ объятіяхъ поклонника, и еще въ деревнѣ, уступилъ ей свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что вечеромъ подморозило и можно было пройти сухо и безопасно. Увидавъ жену, Дзвигачъ рванулся такъ, что два гусара съ трудомъ могли удержать его.

— Жена моя въ рукахъ москалей! заревѣлъ онъ не своимъ голосомъ. — Пустите! Я задушу ее!... Я не дамъ этимъ развратникамъ смѣяться надъ моимъ именемъ.

— Берегите свое! сказалъ Мануйко покойно, но съ достоинствомъ.—А честь Петрониллы на нашей совѣсти.

— Московская совѣсть!

— Не обижай напрасно честныхъ людей! И враги могутъ быть благородны, сказала Петронилла, когда отецъ и Поль помогали ей сойти съ лошади.

Дзвигачъ въ бѣшенствѣ плюнулъ и вскричалъ:

— Узнаю племя Матильды!...

— Побойся Бога! вырываясь изъ объятій родительскихъ, возразила Петронилла.—Несчастіе не преступленіе! Что же я, по твоему, должна была сдѣлать?...

— Умереть!...

— Отчего же ты, мужчина, герой, воевода, позволилъ взять себя живаго?... Меня, женщину, беззащитную, взяли чуть не въ обморокѣ; я была одна, а ты на челѣ сорокатысячной арміи!...

Гусары не выдержали: расхохотались.

— Слышите, какимъ языкомъ заговорила московская плѣнница!...

— Дальше, дальше, Дзвигачъ! возвысивъ голосъ, съ гордостію продолжала Петронилла.—Теперь, кромѣ тебя, всѣ виноваты. Сказала бы я тебѣ горькую правду, но мнѣ жаль тебя. Я уважаю твое несчастіе и презираю клевету смертельно раненаго воображенія.

— Шляхетски отвѣчено! произнесъ кто-то между плѣнными.

Дзвигачъ молчалъ. Матильда и Аврелія почти насильно утащили Петрониллу въ комнаты.

— Полковникъ—сказалъ президентъ, отирая слезу досады—позвольте покрайней мѣрѣ накормить несчастныхъ ужиномъ. Устали, продрогли....

— Я самъ хотѣлъ васъ просить объ этомъ.... Господа! пожалуйте въ комнаты; обогрѣйтесь, подкрѣпитесь, отдохните, а завтра въ походъ....

XII.

Прислуга засуетилась. Застучали столы и посуда.

— Пойдемъ, Нилла, ко мнѣ, говорила Аврелія, когда плѣнные, одинъ за другимъ, стали входить въ комнату.—Тамъ намъ будетъ покойнѣе.

— Нѣтъ, Реля, я знаю свое мѣсто. Оно почетное, и я горжусь имъ. Я докажу Дзвигачу, что не мнѣ, а ему на свѣтъ Божій глядѣть стыдно....

— Но, душа моя, Нилла, дерзость Дзвигача....

— Я его презираю и не боюсь!... И вѣрь мнѣ: онъ даже и посмотрѣть на меня не посмѣетъ.

Аврелія пожала плечами и ушла.

Странную, но съ тѣмъ вмѣстѣ непріятную картину представлялъ этотъ оригинальный ужинъ. На казовомъ концѣ сидѣли дамы: Петронилла и Матильда, которая, какъ ни тяжело ей было, не захотѣла оставить дочь одну въ такой компаніи. Ивановъ тоже, замѣтивъ Петрониллу, подошелъ къ ней и предложилъ уйти къ Авреліи.

— Я плѣнница—отвѣчала она сухо, садясь за столъ — и не хочу никакихъ снисхожденій.

— Въ такомъ случаѣ я и за вашимъ стуломъ долженъ поставить караулъ....

— Хоть цѣлую гауптвахту....

— Мануйко! присмотрите за этой взбалмочной и отчаянной женщиной....

На противоположномъ концѣ, какъ хозяинъ, сидѣлъ Жеребовецъ одинъ; по правую отъ него руку Дзвигачъ, Бертье и другіе плѣнные изъ поляковъ; по лѣвую иностранцы. За каждымъ плѣннымъ стояло по гусару, а Ступачевъ помѣстился въ нѣкоторомъ отдаленіи за стуломъ президента и не спускалъ глазъ съ Дзвигача. Ивановъ, въ глубокой думѣ, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, иногда приближался къ столу: постоитъ, помолчитъ и опять давай гулять....

Дзвигачъ не унывалъ, разсказывалъ президенту подробности дѣла. Тотъ слушалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Одна измѣна, по разсказу Дзвигача, была причиною несчастнаго исхода боя. Жиды, по его мнѣнію, провели москалей по Черному лѣсу. Не ожидая съ этой стороны нападенія, патріоты не приготовились къ отпору.... И пошелъ писать! Панъ-президентъ молча соглашался, утвердительно покачивая головой.

— Разумѣется—продолжалъ Дзвигачъ—меня повезутъ въ Сибирь или закупорятъ въ какой-нибудь грозной крѣпости на Ледовитомъ океанѣ. При первой возможности, я опишу все какъ было, и убѣжденъ, что въ Пале-Рояле меня оправдаютъ, когда узнаютъ подробности...

Выходка Дзвигача покоробила президента; но онъ удержался отъ возраженій.

— Я не думаю, чтобы плѣнъ мой былъ продолжителенъ...

„Въ этомъ ты не ошибся, несчастный!“ подумалъ президентъ, вздохнувъ глубоко.

— Съ весною явятся французская армія и Гарибальди съ итальянцами; на всѣхъ московскихъ моряхъ загремятъ англійскія и французскія пушки. Это у насъ дѣло конченное и подписанное. Зададутъ москалямъ *фарнапиксу съ дзъркельманомъ!* До самого Смоленска Польша будетъ свободна!... Задавятъ, прикажутъ дать амнистію...

„Ты ея не услышишь!“ подумалъ панъ-президентъ опять съ глубокимъ вздохомъ.—„Наканунѣ казни, а сколько дерзости и самонадѣянности!...“

— Жаль Бабилова! Варвары мстительны: подлое племя камня на камнѣ не оставитъ. Куда дѣнется Петронилла? Я на нее крѣпко сердитъ...

— Не за что! сказалъ наконецъ панъ-президентъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Не за что?... гм!... Вы ее не знаете!...

— Знаю—перебилъ панъ-президентъ съ горячностію—лучше тебя знаю! Я всегда говорилъ и ей и тебѣ: глупое дѣло приняли вы на свою душу. Околѣчите вы Польшу неокупными грѣхами! На мое вышло! И теперь дурь въ головѣ, когда не о томъ бы слѣдовало думать... Да въ придачу какая неблагодарность! За глупую твердость, за дурацкій героизмъ ты платишь женѣ обидной ревностью...

— Такъ что же вы думаете? Развѣ Мануйко даромъ выскочилъ точно изъ-подъ земли, *какъ Филиппъ изъ конопли*, и теперь торчитъ за ея стуломъ будто на балѣ!... Вотъ такъ и хочется швырнуть въ него подсвѣчникомъ!... Сколько разъ говорилъ я ей: „прогони ты къ черту этого подлаго подлипалу!“ такъ нѣтъ! опозорилъ, на цѣлый свѣтъ опозорилъ... Ну, да мнѣ все равно! Я и не вспомнилъ бы о ней, если бы она не носила моего имени. Теперь уже ваше дѣло беречь честь и моего и своего дома; вы должны ее взять въ строгую опеку, какъ отецъ, не давать воли, не выпускать изъ дому...

— Изъ дому! съ презрительной и горькой улыбкой перебилъ панъ-президентъ.—Куда-то еще мы сами дѣнемся съ Ма-

тильдой! По вашей милости и надъ нами виситъ сѣкира.... Надѣюсь на милосердіе, но полнаго помилованія не ожидаю....

— Милосердія! И вы унизитесь до подлости о чемъ-нибудь просить москалей?

— *Тамъ до лиха!* Никогда я не унижался и не унижусь, но никогда и по твоему не задеру носа!...

Оба замолчали, крѣпко недовольные другъ другомъ. Въ трехъ шагахъ отъ Дзвигача, когда полковникъ случайно остановился возлѣ молодаго и красиваго плѣнника, тотъ схватилъ бокалъ съ венгерскимъ и, оборотясь къ Иванову, сказалъ съ приторною вѣжливостію:

— Панъ пулковникъ позволитъ выпить за его дорогое здоровье? И проиграть дѣло не стыдно такому противнику!... Чудеса вашей храбрости, хладнокровная распорядительность, великодушіе героя....

Ивановъ не слушалъ долѣе, презрительно улыбнулся и перешелъ на другую сторону стола, гдѣ сидѣли иностранцы. Одинъ изъ нихъ, окинувъ глазами Иванова, спросилъ весьма покойно по-французски:

— Monsieur! Вы тутъ главный?

— Къ вашимъ услугамъ....

— Eh bien! Что вы хотите съ нами дѣлать?...

— Отправить въ ближайшую крѣпость....

— Но мы иностранцы, волонтеры, мы не стоимъ подъ русскимъ подданствомъ и подъ русскими законами....

— Не мое дѣло! Военный судъ разберетъ, а по моему, кто пошелъ бунтовать противъ законной власти въ *чужое* отечество, тотъ лишился *своего*.

— Какія нелѣпости! Мы пришли на помощь угнетеннымъ....

— Ваша добрая воля! Вотъ и помогли и имъ и себѣ!...

— Но насъ обманули! Намъ сказали, что вся Польша, даже женщины и дѣти, все возстало....

— Женщины и дѣти — это такъ!...

Ивановъ опять отошелъ и остановился поодаль, насупротивъ дамъ. Мануйко, нагнувшись и опираясь на кресла, что-то разсказывалъ дамамъ. Петронилла на его слова не обращала вниманія и ужинала съ геройскимъ апетитомъ; лицо ея ничего не выражало; съ невозмутимымъ равнодушіемъ она встрѣчала умильные взгляды иностранцевъ и жалобные взоры поляковъ.

Когда Ивановъ подошелъ, Мануйко уступилъ ему свое мѣсто. Поль точно также нагнулся и тихо спросилъ:

— Угодно вамъ, послѣ ужина, проститься съ мужемъ?...

— Это зачѣмъ? спросила Петронилла съ удивленіемъ.

— На всякій случай! Чуть-свѣтъ ихъ всѣхъ отправятъ въ городъ.

— И я съ ними.

— Нѣтъ!

— Я такъ хочу!

— Нельзя.

— Но вы не можете отказать мнѣ въ этомъ.

— Да я васъ, милая сестрица, и спрашивать не буду.

— Какія нѣжности! Что же? Вы меня хотите обидѣть пощадой?...

— И объ этомъ, милая кузина, я у васъ спрашивать не буду.

— Я не хочу пощады; я требую, чтобы меня отправили вмѣстѣ со всѣми, наравнѣ со всѣми!...

— За упрямство слѣдовало бы... но это было бы уже слишкомъ жестоко. На вашъ счетъ я надѣюсь получить другія приказанія....

— Придумаютъ что-нибудь поужаснѣе! Не скрывайте отъ меня: я не испугаюсь! Говорите, что будетъ со мною, чего я должна ожидать?...

— Думаю, обойдется забвеніемъ прошедшаго, надеждою на лучшее будущее....

— И этимъ я буду вамъ обязана?...

— Нѣтъ, вашему полу!... Я даже не сомнѣваюсь въ этой милости, если мои представленія будутъ поддержаны искреннимъ раскаяніемъ.

Пани Петронилла съ досадой отбросила вилку, сложила на груди руки и задумалась.

Ивановъ отошелъ, прогулялся около стола и опять къ ней воротился.

— Вы не сказали, угодно вамъ проститься съ мужемъ!...

— Поль! отвѣчала Петронилла нѣсколько мягче.—Пощадите меня, увольте отъ непріятныхъ сценъ! Послѣ того, что случилось, не скоро онъ дождется отъ меня ласковаго слова. Слышите, слышите, какъ онъ лжетъ, какъ хвастаетъ? Слушать стыдно!...

— Уйдите въ свою комнату....

— Вотъ какъ! У меня есть *своя* комната? какая *галантерія!* гдѣ же она?...

— Та же, что и всегда....

— Прощайте, мамаша! сказала Петронилла сухо и встала. На Иванова и не взглянула, быстро прошла за спинами польскихъ плѣнниковъ въ охотничьи комнаты, такъ что Дзвигачъ, занятый виномъ и хвастовствомъ, и не замѣтилъ ухода жены.

— Ротмистръ—сказалъ Ивановъ Мануйкѣ—проводите пани Петрониллу и тамъ останьтесь, не спускайте съ нея глазъ: она еще опасна.

Ивановъ присѣлъ на пустой стулъ, возлѣ Матильды.

— Не пора ли и вамъ, мамаша?...

— Ужинъ скоро кончится....

— Неужели вы хотите лишить ихъ, для многихъ послѣдняго, удовольствія? Посмотрите, вино разогнало паническій страхъ; минуты веселой бесѣды замаскировали горькую дѣйствительность. Они забылись. Я усталъ до смерти, но вытерплю до конца, чтобы не потревожить послѣдней оргіи бѣдняковъ... Дзвигачей немного; остальные мотыльки, которыхъ злой вѣтеръ силой нагналъ на огонь... Сгорѣть надо. Необходимость неумолима!... Пусть же потѣшатся!... Ступайте, Матильда!...

— Этимъ, по вашей добротѣ, хорошо, весело; а другіе, я думаю, и куска хлѣба не получили....

— Тѣмъ мои солдаты великодушно уступили свой ужинъ...

— Неужели?

— Эту жертву они принесли еще на полѣ битвы...

— Ну, я думаю не всѣмъ достанется...

— Кому же вы думаете?...

Матильда грустно посмотрѣла на Иванова.

— Понимаю! сказалъ Поль, взялъ вилку, наложилъ на тарелку нѣсколько кусковъ холоднаго жаркаго и бѣлаго хлѣба и поставилъ возлѣ тарелки двѣ початыя бутылки вина. — Есть злодѣи, которыхъ жалѣть нельзя, но и морить голодомъ не годится.

Подозвавъ ближайшаго гусара и отдавая ему бутылки и тарелку, онъ прибавилъ:

— Отыщи Пугачева, отдай ему это и скажи, что все я велѣлъ отдать плѣнному кармелиту, до капли и до косточки....

Пани Матильда протянула Иванову руку.

— Доброй ночи, Поль!...

— Пора, пора вамъ успокоиться, добрѣйшая мамаша! Прикажите для моихъ кутилъ принести сюда соломы или сѣна и подушекъ. У васъ ихъ пропасть!

Пани Матильда ушла. Гусаръ, по приказанію полковника, подозвалъ Ступачева.

— Садись, дружище!

— Эхъ, Паша! напрасно ты меня отозвалъ: Дзвигачъ — шельма: того гляди, выкинетъ фортель.

— Не за горами! на глазахъ! А вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать. Я усталъ, ты усталъ; сейчасъ принесутъ соломы; они порядочно перепились: улягутся. Кого бы намъ надежнаго на караулъ поставить, ты лучше знаешь.

— Паша, душенька, меня не обижай!

— Какъ такъ?

— Помнишь, съ тобой мы, кажется, читали, какъ Суворовъ самъ стоялъ на часахъ у клѣтки Пугачева.

— Стало быть, и ты?...

— Мнѣ все равно спать не придется: горе не дастъ. Пусть хоть служба подсластитъ безсонницу. Конечно, я, Ступачевъ, не Суворовъ, а Дзвигачъ, какъ хочешь, тотъ же маленькій Пугачевъ. Дай волю—выростетъ до настоящаго. Послушалъ бы ты что онъ тамъ разсказываетъ. Съ Бонапартомъ закадычный другъ, за-панибрата; съ Гарибальди въ перепискѣ. И дерзкая шельма! Никто не смѣй ему поперечить. Нельзя, Паша! Ставь ты тамъ себѣ на часы кого желаешь, а я отъ него не отойду. Слышалъ, какъ горланитъ? Извини: я ножи и вилки убрать велѣлъ; неравенъ часъ: того гляди, кого-нибудь еще подсвѣчникомъ поздравитъ.

И Ступачевъ поспѣшно воротился на свое мѣсто.

Ивановъ вышелъ на дзѣдзинецъ: караулъ былъ въ порядкѣ. Сѣвъ на лошадь, полковникъ, съ полковымъ адъютантомъ и тремя гусарами, поѣхалъ по деревнѣ. И тамъ все было въ порядкѣ. Подъѣхалъ къ корчмѣ: свѣтъ; не спятъ. Лишь только Ивановъ сошелъ съ коня, на встрѣчу выбѣжала съ фонаремъ Хруска и повела въ шляхетское отдѣленіе. На полуразвалив-

шемся диванѣ, сидѣлъ кармелитъ и глодалъ ногу индѣйки. Одна бутылка уже опустѣла. Пугачевъ стоялъ возлѣ.

— Что плѣнникъ? спросилъ Ивановъ, входя въ комнату.

— Отошелъ.... Теперь трескаетъ!

— Какъ отошелъ?

— Да языкъ было у него совсѣмъ отняло. Все мычитъ и головой трясетъ; я ему воды, а онъ, будто бѣшеный, отъ воды.... бррр.... такъ и фыркаетъ и пятится.... А вотъ какъ жаркое да вино принесли, такъ дикость маленько поунялась, сталъ на индюшку умильно жмуриться.... Я ужь ему и руки развязалъ: пусть полакомится! На этомъ свѣтѣ чай послѣднiй разъ ужинать придется.... А на ночь я опять его веревочкою упеленаю....

— Безъ надобности, Пугачевъ, не мучь!

— Не извольте безпокоиться! Слава-богу, я норовъ вашъ не сегодня знаю.

— Спасибо, Пугачавъ! Богъ наградитъ.

— Намъ и вашей командирской ласки довольно.

Ивановъ объѣхалъ и Жеребовское селенiе, гдѣ расположенъ былъ самый отрядъ, и вернулся въ залу одинъ, когда всѣ плѣнники давно спали и богатырски храпѣли. Ступачевъ, подвѣсивъ на руку саблю, чтобы не стучала, одинъ-одинехенекъ, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, которая изъ роскошной, веселой комнаты обратилась въ грустный и оригинальный бивуакъ.

— А гдѣ же наши гусары? спросилъ заботливо Ивановъ.

— Вонъ лежатъ. Я имъ велѣлъ прилечь. Соломы цѣлый стогъ принесли. Ты не бойся, Паша! На такихъ героевъ и меня одного довольно, а товарищи больно умаялись; завтра опять съ этой сволочью возись. Пусть голубчики отдохнутъ; а мнѣ что? Не скучно! не засну.... Все думаю, передумываю. Вѣдь Зосѣ теперь тамъ не хуже, чѣмъ здѣсь. Какъ по твоему, Паша? Жизнь, кто знаетъ, можетъ быть, изуродовала бы ея прекрасную душу, а смерть ее такъ-таки чистоганомъ ангеломъ на тотъ свѣтъ отправила? Вѣдь такъ, Паша?

Ивановъ схватилъ Ступачева въ объятiя и расплакался. Ступачевъ тоже расхныкался.

— Довольно, Паша! Аврелiя Яковлевна ждетъ. Два раза няню присылала. Ступай къ женѣ.

— Боже правосудный! За что это—сказалъ съ чувствомъ Ивановъ—за что одному полный рай, а другому адъ?

— Съ лѣсенкой, Паша, съ лѣсенкой! Не бойся: вылѣзу, выберусь и я изъ этого ада. У Игнатія Семеныча натура медвѣжья. Умишко плохъ сталъ; ну, да, ты, родной, поможешь.

Еще разъ обнялись друзья. Ивановъ хотѣлъ уже идти къ женѣ, какъ изъ внутреннихъ комнатъ, въ колпакѣ и халатѣ, со свѣчкой въ рукѣ, выступила печальная фигура президента.

— Два слова, Поль! Я услыхалъ твой голосъ и пришелъ сдаться.

— Не понимаю васъ, папаша!

— Я такой же преступникъ, какъ и они. Я долженъ идти съ ними! Я членъ нашего революціоннаго провинціяльнаго комитета.... Я....

— Все знаю! Довольно! Но если бы мы должны были забирать всѣхъ вольныхъ и невольныхъ враговъ, которыхъ намъ навязали парижскіе поджигатели, то пришлось бы потащить съ собою столько, что и людей не хватило бы для присмотра.

— Я не хочу самъ оставаться въ Польшѣ! посылайте меня въ Сибирь!...

— Зачѣмъ такъ далеко! Всѣ вы бунтовщики и заговорщики: и вы, и Матильда, и Петронилла, и Аврелія! Всѣ виноваты! Никому изъ васъ не будетъ пощады! всѣхъ васъ, по данной мнѣ власти, я отправлю въ ссылку въ курскія мои деревни!... завтра же отправлю!.. Собирайтесь!...

Старикъ бросился со слезами обнимать зятя.

— Дайте же наконецъ и мнѣ проститься съ женою: осталось до разлуки нѣсколько часовъ...

Поль бросился въ охотничьи комнаты. Здѣсь его остановила неожиданная картина. На постели лежала, совсѣмъ одѣтая, пани Петронилла и курила папиросу. На креслахъ у ногъ ея сидѣлъ Мануйко.

— Спокойной ночи! сказалъ Ивановъ, проходя мимо.

— Поль! вскрикнула Петронилла, вскочивъ съ постели.— Отъ васъ я не ожидала такого тяжкаго оскорбленія...

— Что вы хотите этимъ сказать, Петронилла?... Я не понимаю...

— Какая недогадливость! Вы оставляете даму въ спальнѣ одну, съ молодымъ мужчиной, зная, какія чувства давно питаетъ этотъ мужчина ко мнѣ!...

— Что же изъ этого?...

— Какъ что? Вы въ глаза надо мной издѣваетесь! Вы запи-

раете насъ двоихъ на ночь, чтобы унизить меня, опозорить, позабавить на мой счетъ всю націю, казнить меня публичной насмѣшкой и сплетней!...

— Не горячитесь... Вы сами не понимаете своего положенія. Вы для меня не дама, а плѣнница, заговорщица; мы васъ взяли съ оружіемъ въ рукахъ. Вашъ горячій характеръ — чтобы не сказать больше — мнѣ извѣстенъ; вашъ фанатизмъ не знаетъ мѣры и не разбираетъ средствъ. Такъ скажите: могу ли я васъ оставить на всю ночь одну, когда еще и разсудокъ и сердце въ неестественной и безмѣрной тревогѣ? Далеко ли до безумія и несчастія? Вы сгоряча, можетъ быть, и на себя задумали бы черное дѣло. Отъ фанатизма можно всего ожидать. Не могу! вы должны оставаться подъ самымъ строгимъ надзоромъ. Не поставить же мнѣ было къ вамъ на стражу рядоваго гусара! я отличилъ васъ почетнымъ карауломъ. Кто же лучше сбережетъ мнѣ прекрасную плѣнницу, какъ не тотъ, кто столько лѣтъ, такъ неизмѣнно и такъ чисто любилъ ее, испыталъ отъ нея столько горя и наконецъ сегодня спасъ ее отъ неминуемой погибели?... На благородство ротмистра, какъ на свое собственное, я смѣло полагаюсь. Я ожидалъ признательности, пани Петронилла, а вы вздумали обижаться. Это усиливаетъ мои подозрѣнія!... Господинъ ротмистръ, глядите построже... Прощайте!

Ивановъ ушелъ.

— Варваръ! топнувъ ногой, сказала Петронилла въ запальчивости, сорвала съ постели одѣяло, легла и закрылась съ головою.

— Извините—сказалъ Мануйко — этого нельзя: я не могу видѣть что вы тамъ дѣлаете подъ одѣяломъ...

— Я каюсь...

— Извольте каяться на моихъ глазахъ...

Петронилла вскочила, усѣлась на постели и произнесла съ бѣшенствомъ:

— Ну, что же вы сидите какъ нѣмой! разсказывайте что-нибудь!...

— Что мнѣ вамъ разсказать! Въ эту минуту я кромѣ моей парижской исторіи ничего не помню...

. . . .

Бѣдная Аврелія измучилась въ ожиданіи. И переодѣлась, и Богу помолилась, и трижды выслушала неинтересный разсказъ няни, какъ она сидѣла въ плѣну, въ темной кладовой, между мѣшками съ разною мукою и крупою, какъ на нее сдѣлали нашествіе крысы и какого она набралась страху. Аврелія прилегла на постель и задремала. Во снѣ ей показалось, что кто-то идетъ; она вскочила и по невольному женскому чувству стала поправлять прическу и воздушный пеньюаръ, тотъ самый, который надѣла въ первое утро послѣ свадьбы. Онъ уцѣлѣлъ, какъ любимецъ, и теперь пригодился.

— Это Поль, рѣшительно Поль! воскликнула Аврелія въ восторгѣ и бросилась на встрѣчу мужу.—Повиснувъ на его шеѣ и заливаясь радостными слезами, она проговорила дрожащимъ голосомъ: слава Богу, слава Богу! Все кончено, милый Поль!...

— Для насъ съ тобой, жизнь моя, несравненная Аврелія, такъ... Но...

— Что но? зачѣмъ но? опять но!

— Но не для бѣдной Польши!...

. . . .

Мое сказаніе кончено. Дальнѣйшихъ извѣстій съ театра войны и моего романа еще не получено.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
NOV 77
N. MANCHESTER,
INDIANA